

Джеральд Даррелл

Ай-ай и я

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ В.Е.Флинта.....	0004
СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ.....	0008
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	0009
Глава первая. ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ОЗЕРО.....	0012
Глава вторая. ПОТОК ЛЕМУРОВ.....	0024
Глава третья. ИНТЕРЛЮДИЯ С ИНИФОРой.....	0035
Глава четвертая. ПРЫГАЮЩИЕ КРЫСЫ И КАПИДОЛО.....	0043
Глава пятая. ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ.....	0056
Глава шестая. ХРУСТАЛЬНАЯ СТРАНА, ИЛИ ПОГРЕБАТЬ — ТАК ВЕСЕЛО.....	0068
Глава седьмая. ВЕРИТИ ВЕЧЕРНИЙ.....	0078
Глава восьмая. УЧЕНИКИ ЧАРОДЕЯ.....	0092
Глава девятая. ЯВЛЕНИЕ АЙ-АЙ.....	0101
Глава десятая. ЗВЕРЬ С МАГИЧЕСКИМ ПАЛЬЦЕМ СОВЕРШАЕТ ПЕРЕЛЕТ.....	0111
Примечания.....	0123

**Джеральд Даррелл.
Ай-ай и я**

ПРЕДИСЛОВИЕ В.Е.Флинта

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ — ЗАЩИТНИК ПРИРОДЫ, ПИСАТЕЛЬ, ЧУДЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Печальные новости всегда распространяются быстрее, чем хорошие. Так в считанные часы облетела мир скорбная весть — 30 января 1995 года в результате неудачной операции на печени в возрасте семидесяти лет скончался один из самых ярких защитников природы и животных, признанный писатель-анималист и чудесный человек Джеральд Даррелл. Все крупнейшие газеты мира, все значительные телекомпании с болью откликнулись на это печальное событие. Человечество понесло невосполнимую потерю.

Вся жизнь Даррелла, все устремления его души и неисчерпаемая энергия были направлены на сохранение диких животных. Он был пионером стихийно возникшей в пятидесятых годах идеи разведения редких и исчезающих животных в зоопарках и питомниках для сохранения генофонда, для последующего возвращения выращенных в неволе животных в природу, к вольной жизни под охраной человека. В те времена идея эта не представлялась бесспорной, у нее была целая армия противников. Ученые говорили: зачем столь дорогое и ненадежное дело, если достаточно просто создать как можно больше заповедников и резерватов для животных? Общественность протестовала по морально-этическим соображениям: как можно отлавливать последних представителей исчезающего вида, чтобы посадить их за решетку? И именно Даррелл своей блестящей практической работой, даром убеждения опроверг все нападки. Несомненная заслуга Даррелла в том, что, казалось бы, абсурдная идея превратилась сейчас в строгую и общепринятую научную концепцию, без которой нельзя себе представить никакой работы по сохранению редких животных, по сохранению биологического разнообразия нашей планеты. Одним из пропагандистов разведения редких видов стал созданный энтузиазмом Даррелла зоопарк на острове Джерси. По сути дела, это даже не зоопарк, а питомник. Там нет ни одного тривиального вида, которые составляют ядро обычных зоопарковых коллекций, нет ни слонов, ни львов, ни жирафов. Зато можно любоваться обезьянами-тамаринами, розовыми голубями, колобусами, браминскими скворцами, редчайшими лемурами, то есть теми животными, которые уже занесены в Красную книгу. Нужно заметить, что по примеру Джерсийского зоопарка разведением редких видов занялись все крупные зоопарки мира. Кроме того, в Европе и Америке созданы специальные питомники, выполняющие те же задачи. Есть такие питомники и у нас, первым из которых нужно назвать успешно работающий питомник редких журавлей (стерха и других) в Окском биосферном государственном заповеднике. А если говорить о практических результатах воплощения самой идеи, то прекрасным подтверждением ее успеха являются операции по возвращению в природу белого орикса в Омане и Саудовской Аравии, калифорнийского кондора и американского журавля в Северной Америке, зубра в Европе, оленя Давида и лошади Пржевальского в Азии. Без вольерного разведения этих животных сейчас можно было бы увидеть только в музеях в виде чучел или скелетов. Замечательна работа и самого Даррелла в восстановлении исчезающих видов: он вернул практически из небытия розового голубя на острове Маврикий, полным ходом идет проект по возвращению в природу крохотной обезьянки — львиного тамарина в Бразилии. Я уверен, что, если бы гигантский бескрылый

голубь дронг, ставший эмблемой Джерсийского зоопарка и вымерший в середине прошлого века, дожил бы до встречи с Дарреллом, он был бы спасен!

Конечно, Даррелл прекрасно понимал, что одно лишь разведение в вольерных условиях не может спасти редкий вид от вымирания. Для этого необходима территория, где животное нашло бы защиту и все нужные ему природные условия. Иными словами, животному необходим новый дом, без окружающей его сетки. Поэтому наряду с вольерным разведением Даррелл всячески пропагандировал создание заповедников и резерватов. В значительной мере благодаря его усилиям, его кипучей энергии и дару убеждения были созданы несколько резерватов на Мадагаскаре. В этих резерватах под охрану взяты остатки своеобразных девственных лесов и их коренные обитатели — лемуры.

Понимал Даррелл и то, что без активной поддержки простых людей все попытки спасти редкий вид обречены на неудачу. И именно поэтому он отдавал исключительно много духовных да и физических сил тому, что мы сейчас называем экологическим просвещением. Даррелл учил людей любить животных не за какую-либо пользу, приносимую ими, а просто как неповторимое творение природы. Бессчетное число раз он выступал с лекциями по телевидению и во время поездок по различным городам и странам. Он инициировал создание нескольких фильмов о животных и их бедственном положении, для которых сам же писал сценарии и был главным актером. Даррелл основал при Джерсийском зоопарке специальную школу, где студенты из разных стран Африки, Азии и Америки знакомятся с образом жизни животных, учатся ухаживать за ними, а главное — любить их. Этому же посвящены и все книги Даррелла.

Даррелл стал моим близким другом. Более четверти века моя судьба переплеталась с его жизнью и работой. Первое знакомство состоялось в одностороннем порядке, без прямого участия самого Даррелла, но оно оказалось настолько ярким, что я помню нашу первую «встречу» так, как будто это было вчера: кто-то из коллег-аспирантов помахал передо мной тоненькой скромной книжечкой в бумажном переплете и сказал: «Взгляни, очень неплохая вещь. Фамилия автора незнакома, какой-то Даррелл, но написано здорово!» Называлась книга «Перегруженный Ковчег», издание тогдашнего Географгиза. В тот же вечер, проходя мимо киоска около одной из станций метро, я поинтересовался, без особой надежды и, по правде говоря, равнодушно, нет ли в киоске такой книги. Она была. Дома я раскрыл книжку — и пропал! До тех пор, пока не прочел последнюю страницу, не мог оторваться. Меня сразу поразило и захватило совершенно особый угол зрения, под которым писатель смотрел на мир природы, необычный, удивительный стиль письма, тонкий юмор, своеобразная манера общения с читателем. Без преувеличения, я был очарован. Случилось это в 1958 году. Так началось триумфальное вступление Джеральда Даррелла в нашу литературу о природе.

Шли годы. Перевод второй книги Джеральда Даррелла, «Земля шорохов», я прочел с таким же восторгом. Где-то в подсознании родилась мысль о том, что неплохо было бы познакомиться с Дарреллом покороче, но путей к этому я не видел. В те времена переписка с иностранцами, тем более частная, не слишком одобрялась.

Своего рода сближение произошло неожиданно — мне предложили напи-

сать предисловие к новой книге Даррелла «Зоопарк в моем багаже». Это заставило меня внимательнее ознакомиться и с жизнью Даррелла, и с его деятельностью, с его литературным творчеством. Передо мной во весь рост встал этот поистине удивительный человек, щедро и многосторонне одаренный от природы, необыкновенно притягательный и симпатичный, неординарный во всех планах, с собственным, каким-то особенно теплым и гуманистическим мировоззрением. Любовь к природе, ко всем ее творениям составляет как бы вторую натуру Даррелла, важнейшую сторону его жизни, определяющую линию его собственной жизненной философии. И со времени работы над этим первым предисловием я безоговорочно подпал под обаяние Даррелла, стал его верным и постоянным пропагандистом в нашей стране.

Популярность Даррелла у нас вырота необыкновенно, чрезвычайно. Истоки этой популярности — только в книгах Даррелла. Они, несомненно, действительно обаятельны, и именно они создали, определили, высветили мысленный образ их автора в представлении советских читателей. Самого же Даррелла мы, так сказать лично, не знали. И поэтому легко понять тот интерес, который возбудила во всех поклонниках Даррелла весть о том, что планируется приезд его в Россию для участия в съемках многосерийного телефильма о природе и ее охране.

Переговоры о съемке телефильма заняли почти три года, но завершились успешно, и весной 1985 года я впервые увидел Даррелла. Встреча наша состоялась в московской гостинице «Будапешт». Я хорошо представлял себе внешность Даррелла по нескольким портретам в его книгах, но не учел, что пролетели годы и годы непростой жизни, и поэтому был не совсем готов к встрече. Тем не менее узнал я его мгновенно: в холл вошел крупный, грузный человек с загорелым, обветренным лицом, на котором особенно контрастно выделялись совершенно белая борода и светло-голубые, по-настоящему лучистые глаза. Во всей его осанке чувствовалось спокойствие, особое ощущение собственного достоинства и даже какая-то властность, так что окружающие казались какими-то мелкими и суетливыми. Я заметил, как глаза всех сидящих в холле устремились на Даррелла, как люди начали перешептываться и переглядываться, безошибочно угадывая неординарность вошедшего человека. (Точно такое же почтительное любопытство я наблюдал в Кении по отношению к Бернгарду Гржимеку, когда мы с ним появлялись в общественных местах.) Мы дружески обнялись, и с той минуты наконец возникла уже настоящая личная дружба. Вместе мы побывали в Астраханском заповеднике, проехали Калмыкию в погоне за сайгаками, много гуляли по Москве — и говорили, говорили, говорили... Нам было о чем говорить. И теперь я могу с полной ответственностью сказать, что знаю Даррелла лучше, чем кто-либо другой в нашей стране.

Программа пребывания Даррелла в Советском Союзе была насыщенной и утомительной. Помимо посещения ряда труднодоступных заповедников (Дарвинского, Баргузинского, Таймырского и многих других), где велась съемка телефильма, помимо осмотра различных архитектурных и исторических памятников в Москве, Самарканде, Бухаре, Рязани и других городах, помимо внимательного знакомства с Московским зоопарком и Птичьим рынком, Даррелл принял участие в бесчисленных официальных и неофициальных встречах с российскими поклонниками его книг. Для каждого у него находилось теплое

слово, каждому он оставил автограф на книге. Думаю, что он оставил автограф не менее чем на тысяче книг!

Надо заметить, что организована поездка была на редкость хорошо. В каждом из посещенных Дарреллом заповедников его с нетерпением ждали и подготовили для показа наиболее интересные, часто уникальные природные ситуации и объекты. Самые редкие звери и птицы, самые красивые уголки природы — все демонстрировалось сотрудниками заповедников с любовью и гордостью, с желанием как можно больше рассказать о природе нашей страны. И Даррелл понял и оценил по достоинству это стремление — в роскошной книге «Даррелл в России», иллюстрированной великолепными фотографиями, он с восторгом отзывается и о самой природе России, и о людях, которые изучают и охраняют ее.

Но далось Дарреллу это путешествие нелегко. Тысячи и тысячи километров в самолете, на автомобиле, на вертолете, на катере, на моторных лодках, а иногда и верхом, в жаре и в холоде, часто в непроглядной пыли степных и пустынных дорог. А Дарреллу тогда уже было за шестьдесят, и здоровье у него было отнюдь не блестящее. Но он ни на минуту не терял живого интереса к окружающему, и чувство юмора не покидало его ни при каких ситуациях. Помню, как после мучительного переезда из Астрахани в глубь степей Калмыкии, когда на лицах у всех лежал сантиметровый слой тончайшей пыли, на мой вопрос о самочувствии Даррелл слабым голосом ответил: «Жив еще. Пока жив!» И тут же стал восхищаться белой парадной юртой, которую местные власти поставили для него среди безлюдной степи.

Для меня же все путешествие и общение с Дарреллом интересны были прежде всего как возможность проверки тех представлений о нем, которые сложились у российского писателя на основании его книг. И я убедился в справедливости нашей оценки. Он действительно оказался замечательным, поистине незаурядным человеком, мягким, добрым, благожелательным и в каком-то смысле восторженным, каким рисовался в нашем воображении. Буквально у каждого, кто с ним беседовал или просто задавал ему вопросы, невольно оставалось чувство соприкосновения с большим другом, понимающим самые интимные движения души и чутко отвечающим на них. Это очень и очень нечастый дар.

В этом кратком очерке следовало бы упомянуть о Даррелле как о писателе. Но, вероятно, у российского читателя мнение уже сложилось без моих комментариев. Я хотел бы только привести высказывание знаменитого английского писателя Лоуренса Даррелла, его старшего брата, человека ироничного, даже желчного, и уж отнюдь не любителя животных: «Маленький дьявол прекрасно пишет! Его стиль по свежести напоминает листья салата!»

Отрадным фактом следует признать то, что издательство АРМАДА публикует полное собрание сочинений Даррелла. Для нового поколения любителей природы, натуралистов это будет замечательным подарком.

В. Е. Флинт ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ДОРОГОЙ ЛИ, КОТОРАЯ ВКЛАДЫВАЛА В МЕНЯ ДУШУ И НЫНЕ ВКЛАДЫВАЕТ В МЕНЯ ДУШУ И, НАДЕЮСЬ, ЕЩЕ БУДЕТ ВКЛАДЫВАТЬ В МЕНЯ ДУШУ, ПОКА НЕ НАСТАНЕТ ЧАС ПОЛОЖИТЬ МЕНЯ В ЗЕМЛЮ

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

От имени всех ведущих членов экспедиции я выражаю самую искреннюю благодарность телекомпании «Чэннел телевижн инкорпорейтед» (о. Джерси) и Джерсийскому тресту охраны диких животных за большую финансовую помощь в проведении этой экспедиции; Международному тресту охраны диких животных и корпорации «Тойота», подарившим нам по вездеходу «тойота»; авиакомпании «Эйр-Маврикий» за покрытие расходов на международный авиаперелет членов экспедиции, телегруппы «Чэннел телевижн», перевозку животных и багажа.

Выражаем также искреннюю признательность правительству Мадагаскара, выдавшему нам разрешение на экспедицию, в частности Службе вод и лесов, а также директору и сотрудникам Ботанического и Зоологического парка Цимбазаза за превосходный уход за животными перед их транспортировкой на Джерси.

Экспедиция не достигла бы такого успеха без огромной помощи, опыта и воодушевления со стороны стольких людей на Мадагаскаре. Всем им мы выражаем нашу сердечную благодарность. Вот они: Ролан Альбиньяк; Деннис и Хелен Эми; Бенджамен Андриамахаджа; Мина Андриамасиманана; Элан Хиклинг; Оливье Лангран; Мартен Николь; Жульен Рабесоа; Мианта Ракотоаринози; Жорж Ракотонариву; Раймон Ракотониндрина; Виктор-Соло Рандрианаиворавелона; Селестина Раваоаринороманга; Дон Рид; Лисиа Роже; г-н и г-жа Ролан; Элеонора Стирлинг; Бартоломью Ваоита; Эдвард и Араминта Уитли; Фрэн Вудс; Люсьенн Вильмэ, а также все жители деревни Антанамбаобе, в особенности Марк и Марлин Марсель.

Наконец, позвольте воздать должное команде «Чэннел телевижн» за их колоссальный труд, энтузиазм и доброе настроение, которое так поддержало всех нас при экспедиции в Мананару. Назовем их: Капитан Боб Эванс, Тим Рингсдор, Микки Тоствин, Грэм Тайди, Фрэнк Цвитанович и наши два водителя-аса — Тиана и Бруно.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Он спустился ко мне по веткам из темноты. Его круглые гипнотизирующие глаза сияли. Похожие на ложки уши вертелись туда-сюда независимо друг от друга, как радары. Белые усы подергивались и шевелились, точно антенны. Черные руки с тонкими, пожалуй даже утонченными, пальцами — из которых третий был особенно вытянут, — изящно цеплялись за ветки, подобно тому как изящно бегают по клавиатуре пальцы пианиста, играющего сложную пьесу Шопена. Он был похож на ведьминого Черного Кота из сказки Уолта Диснея; впрочем, вы, возможно, сочли бы его за пришельца с Марса, прибывшего на летающей тарелке

— если, конечно, таковая когда-либо оттуда являлась. Короче, вообразите ожившего и выбравшегося из лесной чащобы героя Кэрролловой Страны чудес.

Он спустился ко мне на плечо, заглянул в лицо своими большими сияющими глазами и пробежал длинными пальцами по моим волосам и бороде, словно заправский парикмахер. Присмотревшись к его нижней челюсти, я обратил внимание на огромные, похожие на резцы зубы — они все приближались; я спокойно сидел и ждал, что же будет дальше. Он издал короткий фыркающий звук вроде «гхм», а затем опустился ко мне на колени. Его внимание привлекла моя трость — он пробежался по ней пальцами, будто по флейте. Затем наклонился вперед и дважды аккуратно куснул ее своими огромными зубами, едва не перекусив пополам. Но, к его великому огорчению, там не нашлось никаких личинок, и он вернулся ко мне на плечо и снова нежно, как тихий бриз, погладил мне бороду и волосы.

Потом, к немалой моей тревоге, нашел мое ухо. «Вот уж где, — подумал он, — скрываются огромные и необычайно сочные личинки жуков». Он осмотрел ухо, как гурман изучает меню в ресторане, и запустил туда свой длинный палец. Я испугался, что сейчас оглохну, — вот, Бетховен, тебе и товарищ по несчастью, подумал я. Но, к своему удивлению, я едва почувствовал, как его палец искал в моем ухе желанные лакомства. Не обнаружив ничего сочного и ароматного, он еще раз разочарованно хмыкнул и удрал обратно во тьму ветвей.

Так состоялась моя первая встреча с ай-ай, и я понял, что это одно из самых невероятных существ, которых мне посчастливилось встретить. Но существо это нуждалось в помощи — и мы должны были помочь ему. Дать исчезнуть с лица земли этому удивительному и загадочному животному представлялось столь же немислимым, как, например, сжечь картину Рембрандта, устроить дискотеку в Сикстинской капелле или снести Акрополь, чтобы соорудить на его месте отель «Хилтон». Тем не менее ай-ай, удивительное создание, которое обрело почти мистический статус на Мадагаскаре, по-прежнему находится под угрозой исчезновения. Это животное волшебное — не только с биологической точки зрения, но и в сознании малагасийского народа, среди которого оно обитает и, к несчастью, погибает.

Когда это странное существо было впервые описано в 1782 году, в нем обнаружилась такая путаница анатомических признаков и качеств, что долгие годы ученые не могли сойтись во мнении, что же он собой представляет. Очевидно, его нельзя было отнести к обыкновенным лемурам, и одно время его

причисляли к грызунам из-за мощных зубов. В конце концов порешили: пусть ай-ай останется ай-ай — одним из лемурув, но при всем при этом уникальным жителем нашей планеты, не похожим ни на какое другое создание. Он был выделен в особое семейство и окрещен звучным именем *Daubentonia madagascariensis*. Мадагаскар — остров, полный магии и всевозможных табу, называемых здесь фади. В каждом уголке острова свои «фади», и потому неудивительно, что такой сверхъестественный продукт эволюции, как ай-ай, наделялся магическими силами, разнившимися от деревни к деревне, от племени к племени. Кое-где, если зверька находили близ деревни, его считали предвестником смерти и, следовательно, самого обрекали на смерть. Если на глаза попадался маленький ай-ай — это считалось предзнаменованием, что в деревне умрет ребенок. Если крупное животное со светлой шкурой — значит, под удар попадал человек со светлой кожей, если с темной — темнокожий.

В других деревнях существовало несколько иное поверье: если кто найдет и убьет ай-ай возле своего дома, а затем подбросит труп на задний двор соседу, то тем самым он отведет от себя несчастье. Сосед же должен, в свою очередь, подбросить труп другому, тот — следующему, и так далее, пока он не будет выброшен на дорогу на страх прохожим. В других местах, убив ай-ай, его связывали за руки и за ноги рафией и вывешивали при въезде в деревню; когда труп начинал разлагаться, его скармливали собакам. В иных деревнях высушивали третий, самый длинный палец ай-ай, и местный колдун использовал его для добрых или злых чар. Таким образом, возникло поверье, что такая причуда эволюции, как ай-ай, обладает волшебным пальцем.

Но самая главная угроза для ай-ай таится в другом. Поскольку жители Мадагаскара и ныне бесшабашно продолжают самоубийственную политику землепользования, при которой все новые участки животворного для страны леса вырубаются и сжигаются под посевы, не только ай-ай, но и многим другим уникальным созданиям грозит гибель. Одно время считалось, что ай-ай уже исчез с лица земли, однако его нашли, но, к сожалению, почти все участки леса, где он обитает, находятся под угрозой исчезновения.

Тем не менее волшебных чар ай-ай хватило на то, чтобы идти наперекор судьбе. Поскольку сузилась его естественная среда обитания, он приохотился к тому, что взамен насадил человек, — плантациям кокосовых пальм, сахарного тростника и гвоздичных деревьев. Своими мощными зубами он разгрызает кокосовые орехи, выпивает содержащуюся в них жидкость и, пользуясь средним пальцем как крючком, выскребает незрелую мякоть, похожую на желе. Он нападает на плантации сахарного тростника, и от его зубов тростник становится похожим на некий средневековый музыкальный инструмент. Он раскусывает гвоздичные деревья, выискивая личинок жуков. Представьте же себя на месте деревенского жителя, чье существование зависит от каких-нибудь пяти кокосовых пальм, крошечного участка под сахарным тростником да полудюжины гвоздичных деревьев, — тут ай-ай становится отнюдь не магической, а реальной угрозой вашему благополучию. Стало быть, или убьешь его, или сам помрешь с голодухи.

Поскольку никто и ничто не мешает истреблять леса, то и те крошечные участки, где еще обитают ай-ай (вынужденные вести описанный выше бандитский образ жизни), обречены. Остается надеяться, что все же будут введены более щадящие методы землепользования, которые вытеснят нынешнюю

разрушительную систему. Но сейчас, во имя спасения ай-ай как вида, нужно отловить несколько особей для содержания в неволе. На случай, если этот вид совсем исчезнет в дикой природе, у нас должен быть запас этих животных, которых можно будет выпустить в их естественную среду обитания (если, конечно, она тоже не будет окончательно уничтожена). В настоящее время имеются восемь ай-ай в Центре приматов при Дюкском университете в США и один в Венсеннском зоопарке близ Парижа. Очень важно отловить побольше особей для создания колоний в неволе. Джерсийский трест и решил предпринять экспедицию на Мадагаскар.

Представляю на суд читателя рассказ об охоте за Зверем с Магическим Пальцем. Я также расскажу о гигантской прыгающей крысе и плоской черепахе из Мурундавы, а еще о кротких лемурах, живущих в тростниковых зарослях у исчезающего озера. Надеюсь, что истории эти составили яркую картину одного из самых зачаровывающих островов на земном шаре.

Глава первая. ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Как-то в своих писаниях мне довелось уподобить Мадагаскар неумело сервированному омлету. Впрочем, умело или неумело подан омлет на стол — дело десятое, лишь бы он был нафарширован разными вкусностями. В чем, в чем, а уж в этом-то Мадагаскару не откажешь. Четвертый в мире по площади остров, лежащий в Индийском океане к востоку от берегов Африки, от которой он откололся миллионы лет назад, знаменит тем, что девяносто процентов его флоры и фауны не встречается больше нигде в мире. Если на целом Африканском континенте произрастает всего один вид баобаба, то Мадагаскар может похвастаться семью. На Мадагаскаре обитают две трети всех живущих на планете хамелеонов, самые маленькие из которых размером со спичку, а самые крупные

— почти в человеческую руку; и чем глубже вы проникаетесь природой острова, тем больше очаровывает вас ее щедроты, — постижение это подобно поиску сокровищ, и если таинственные леса оставить нетронутыми и тщательно исследовать, то они не раз еще поразят нас удивительными открытиями. Эта прекрасная страна, населенная милым, дружелюбным народом, простерлась на тысячу миль в лазури вод, окаймленных многоцветными коралловыми рифами и изобилующих рыбой. На этом острове самое богатое разнообразие лесов — от густых тропических до горных; немало здесь и сухих лиственных лесов, и кустарников, колючих, словно еж; есть и карликовые, едва достигающие шести дюймов в высоту. На Мадагаскаре водятся лемуры величиной с четырехлетнего ребенка, а есть столь крохотные, что запросто помещаются в кофейной чашке. Здесь встречаются мокрицы размером с мяч для гольфа и мотыльки, подобные веерам придворных фрейлин. Отправляясь в экспедицию, подобную нашей, твердо держись поставленных целей, чтобы не позволить подстерегающим на каждом шагу соблазнам и очарованиям сбить тебя с пути.

Огромный остров фактически представляет собой мини-континент с разнообразием климата — от влажного тропического на востоке до прохладного средиземноморского в горных местностях и знойного в покрытых колючим кустарником пустынных территориях на юге. Когда и откуда на остров пришли люди, и по сей день остается тайной для антропологов: у мальгашей прямые волосы, а язык их имеет сходство с малайским и полинезийским. Суждения о том, какими путями первые поселенцы попали на Мадагаскар, различны — то ли они приплыли на лодках и плотах типа «Кон-Тики» откуда-то из малазийского региона, то ли с материка — с побережья Африки. С полной уверенностью не скажет никто, но вот вам блестящее поле для полемики антропологов, на котором могут разгореться жаркие дебаты вокруг разницы в языках, способах тканья и конструкции ткацких станков, музыке и музыкальных инструментах, обычаях эксгумации умерших и многих других вещей. Существует гипотеза, что «хомо сапиенс» впервые колонизовал Мадагаскар в 500 году до Рождества Христова, что, как обычно, повлекло за собою тяжкие последствия для фауны.

Предки лемуруров существовали здесь уже пятьдесят миллионов лет назад и за эти сроки эволюционировали во множество самых разнообразных видов, один из которых достигал размеров теленка. На этом острове обитала и самая

крупная в мире птица — гигантский страусоподобный эпиорнис, который, как предполагают, послужил источником вдохновения для легенды о птице Рух из сказки о Синдбаде, что могла таскать слонов себе на обед. Но сколь ни велик был эпиорнис, он вряд ли был в состоянии вот так по-разбойничьи обращаться со слонами (даже детенышами), хотя бы потому, что, как и всякий страус, он не умел летать. Причиной исчезновения этих видов считают беспощадную охоту на существ, по-видимому так и не научившихся остерегаться людей, а также расчистку лесов под поля и пастбища, разрушавшую лесные обиталища этих представителей фауны. В сравнительно короткий срок гигантские лемуры и представители вида эпиорниса исчезли. В случае с гигантской птицей человек оказался особенно неосмотрительным, так как если бы он приручил ее, то одного яйца с лихвой хватило бы для приготовления омлета с самыми изысканными специями на всю деревню.

Арабы конечно же хорошо знали Мадагаскар и основали здесь свои поселения в 1300 году. Затем, в 1500 году, Мадагаскар был вновь открыт (хотя кто его «закрывал», непонятно) неутомимыми португальцами, возглавляемыми Диого Диасом, искавшим путь к Островам Пряностей; но попытка Диаса превратить остров в свой опорный пункт потерпела неудачу. В XV веке жившие на острове племена начали объединяться — первым возникло Королевство Скалава на западе. В начале XV века восточная часть острова стала прибежищем огромного количества пиратов со всеми присущими этому люду кровавыми поединками и упражнениями в ловкости вроде балансирования на доске, — а уж грабежи и разбои были для них обычным времяпрепровождением (хотя чего я об этом рассказываю, мы и так можем видеть все это по телевизору!). И тем не менее народы восточной части острова быстро объединились под началом человека, отец которого был пиратом. В конце XVI века в центральной части гористой местности произошло восстание Королевства Мерина, первоначально возглавляемое королем, которого звали — хотите верьте, хотите нет — Андрианампоинимерина; любопытно, многим ли подданным удавалось выговорить это имя.

Примерно тогда же настал черед проникать на остров миссионерам. Сменялись короли и королевы с именами длинными, как хвосты комет, а миссионеры, видно, впустую тратили время, пока в 1869 году королева Ранавалона II наконец не приняла крещение. В 1895 году французы установили на острове свой протекторат и ввели (помимо всего прочего) рукопожатие, поцелуи в обе щеки и пустопорожную болтовню. Год спустя Мадагаскар стал французской колонией, и — вот он, типичный знак благодарности колонизаторов! — королева Ранавалона III была выслана в Алжир, где вскоре и скончалась. Монархия прекратила свое существование, но останки королевы были возвращены на Мадагаскар в 1938 году.

В 1960 году остров добился полной независимости. Хотя в 1970-х годах правительство занимало антизападную позицию, позже оно явило значительно более лояльное отношение к капиталистическим странам, чем к странам с марксистско-ленинским режимом.

Столица Антананариву предстала пред нами в лучшем свете. Симпатичные аккуратные домики из красного кирпича с деревянными балкончиками соседствовали здесь плечом к плечу с современными деловыми кварталами, на фоне которых особенно нелепо выглядели изрытые выбоинами улицы.

Большое озеро Аноси, что в центре столицы, казалось высеченным из куска черного камня, а лепестки с высаженных по его берегу сотен деревьев джакаранда устилали мостовую голубым ковром, по которому суматошно двигались машины. И машины и люди, спешившие вдоль кромки озера, оказывались усыпанными голубыми лепестками. Видневшиеся на расстоянии огромные зеленые деревья казались увенчанными чем-то вроде гигантских белых цветов, пока один из таких «цветов» не снялся с веток в медленном, исполненном изящества полете; оказывается, ветви дерева дали приют целой колонии из тысяч пар больших белых цапель, которые полетели над городом к рисовым полям в надежде полакомиться рыбой и лягушками.

Как и во всех случаях, когда мы собирались в экспедицию за редкими животными, нас заваливали самой противоречивой информацией толпы доброжелателей, мороча нас на смеси малагасийского, французского и ломаного английского.

— В каком состоянии дорога из пункта А в пункт Б? — интересовались мы.

— Да вы что! Не смейте даже думать ехать по ней! — кричал один доброжелатель, которого привел в ужас сам вопрос. — Там ямы размером с винный погреб, а местами она вообще пропадает.

От других доброжелателей мы узнавали, что дорога мягка, словно шелк; от третьих — что ехать по ней все равно что катить по спине крокодила; и наконец, четвертые сообщали, что она куда лучше парижской рю Де-Риволи.

— А как насчет паромов? — спрашивали мы с надеждой.

— Паромы? Да так, хотят — ходят, не хотят — не ходят. А если опоздаешь к приливу, проторчишь сутки, если не больше.

— Вас интересуют паромы? Не беспокойтесь, по ним хоть часы проверяй.

И так все! Брать рис — не брать; тащить с собой запас бензина — не тащить; запасаться консервами — зачем такие сложности. Городок Анаматара-тевиолала (язык сломаешь!), через который лежал наш путь, нам обрисовали в таких радужных тонах, словно там на каждом шагу филиалы магазинов «Харродз» и «Фортунум». Но другой доброжелатель тут же докладывал, что в этом городишке пусто, как в пустыне.

В конце концов нам дали совет:

— Расспросите Пьера. Вот кто знает все на свете. Ах, как его найти? Да спросите любого прохожего! Пьера каждый знает, он там самая уважаемая персона. Все что хочешь устроит! Вам динозавра на Эйфелеву башню? Сделает! Морозильник на Северный полюс? Чего проще!

Короче, мы так размечтались о встрече с этим благословенным кудесником, что нам уже казалось — стоит прильнуть головой к его честной груди, и все сбудется! (Естественно, когда попадешь наконец в эту треклятую Анаматара-тевиолалу, не найдешь там не то что «Харродза» и «Фортунума», но и кого бы то ни было, кто знает Пьера.) Все вышеописанное действие происходило в баре отеля «Кольбер», где за несколькими сдвинутыми вместе столами разместились вся компания наших доброжелателей. На столах — целые леса бутылок пива и кока-колы, а меню с перечислением напитков выглядели так, будто это корректура гутенберговской Библии. Посреди бутылок разложены карты, справочники, самые заковыристые записки, требующие графолога из Скотланд-Ярда для расшифровки. Перед нашими глазами проходил калейдоскоп лиц — слуг как кофе с молоком и желтых, словно кожа серны.

Когда же, изнуренные до предела, мы завалились спать, на нас обрушились полчища moskitov; каждый звенел в общем хоре, словно насекомые исполняли оперу Моцарта. Вода в ванне была темно-коричневая и пахла ванилью; и утренний чай, который подала изящная мальгашка, тоже был коричневый и пах ванилью. Я подозреваю, что они просто наливают чайник из-под крана. Впрочем, первый завтрак, состоящий из плодов манго, ананаса, лимы и сока свежей земляники, оживил организм, влив в ткани новые силы.

Чтобы избежать толпы доброжелателей, уже поджидавшей нас в баре, мы вышли из гостиницы через заднюю дверь — прогуляться на рынок зума, один из самых удивительных на всем белом свете, а заодно проветриться.

Укрытый под бесчисленными белыми зонтиками, рынок издали напоминает поле шампиньонов. Здесь находится чрево малагасийской столицы. Чего тут только нет: пирамиды красных, зеленых и желтовато-коричневых стручков; пучки трав всех оттенков зеленого цвета и самых причудливых форм листьев — полный набор для колдовской кухни злой волшебницы; наваленный грудой салат-латук и кресс-салат, источающий влагу и блестящий, словно только что отлакированный; кучки самых разнообразных специй, точно краски на палитре какого-нибудь мальгашского Тициана или Рембрандта: здесь и умбра, и розовая марена, и все виды голубого и зеленого, ярко-красного и желтого — нежного, как бутоны крокуса; и так же, как краски на палитре художника жаждут быть смешанными с маслом и явить глазу все богатство тонов, все эти вкусы жаждут быть смешанными с маслом и обнаружить на языке все богатство вкусовых оттенков. Здесь и мешки с бобами самых необычных форм и цветов: иные круглые, иные как кирпичики, иные столь крошечны, будто булабочные головки. Дальше идут палочки лакрицы и ванили, источающие дразнящий ноздри запах; подле — пирамиды желтовато-зеленых утиных яиц, а по соседству — такие же пирамиды куриных, белых как мел и коричневых, как поджаренный хлеб. А вот и сами куры со спутанными ногами, лежащие в странных неопрятных связках, словно живые опахала; рядом — утки, с тихим кряканьем беспокойно наблюдающие за снующим туда-сюда лесом из яшмовых ног.

Но вот одно зрелище сменяется другим — перед нами возникли огромные чаны с мелкими рыбешками, блестящими как серебряные монетки, и уложенные в ряды большие рыбы, черные словно уголь. Блестели чешуей громадные карпы, надутые словно в злобе оттого, что их выловили; каждая чешуйка так отливала серебром или золотом, что казалось, будто рыбы одеты в кольчугу. За рыбными рядами тянулись мясные — последний приют целого стада странных горбатых зебу, над чьими сочащимися кровью тушами теперь носились рои мух. Рядом находился чан с особым деликатесом — вареными губами зебу, с которых снята кожа. Губы были прозрачные и студенистые, подрагивали, словно грязные лягушачьи лапы; кое-где торчали волоски, которые забыли удалить. Над чаном склонилась пожилая мальгашка с лицом цвета орехового дерева, одетая в лохмотья, и пробовала это жуткое лакомство на вкус, поднося тонкой вилкой к беззубому рту. Но едва нашим глазам открылись ряды, где торговали роскошно расшитыми скатертями и платьями и яркими живыми цветами в несметных количествах, для нас словно блеснула радуга в царстве смерти. Напоследок мы увидели шаткие баррикады из плетеных корзин, похожих на хрустящее печенье, подаваемое на закуску к бренди, — так и

тянуло попробовать.

Очарованные зрелищем, запахами и звуками базара зума, мы шагали к себе в номер на военный совет, как и прежде тщательно избегая толпящихся в баре доброжелателей, готовых наплести с три короба всякого вздора.

Нас было четверо: ваш покорный слуга и его дражайшая половина по имени Ли; долговязый и невозмутимый Джон Хартли — мой верный друг, с которым мы пуд соли съели, и наш куратор по рептилиям Квентин Блоксэм, именуемый в дальнейшем Кью, — высокий, мускулистый, с уверенным взглядом героя, готового вызволить свою суженую из лап кровожадного чудовища. Мы налили по бокалу пива и принялись обсуждать план действий.

Нам нужно было побывать в трех местах: в восточном регионе Мананары, где мы надеялись отловить неуловимых ай-ай; в лесах близ Мурундавы на западе, где предстояло проделать те же действия в отношении плоской черепахи и гигантской прыгающей крысы, и на озере Алаотра, где скрывался в камышах миниатюрный и скромный, кроткий лемур.

Чтобы сэкономить время, мы тут же решили распределить силы. Джон и Кью отправятся на двух вездеходах «тойотах» (одна была подарена нам Международным трестом охраны диких животных, другая — расщедлившейся компанией «Тойота») в Мурундаву и разобьют там лагерь. Одновременно я и Ли отправимся на северо-восток на озеро Алаотра за кротким лемуром. В случае успеха мы привозим добычу в столицу, сдаем ее в зоопарк Цимбазаза и уже из Антананариву летим в Мурундаву для воссоединения с остальными. План кампании был расценен как блестящий, и по сему случаю мы спустились в бар и заказали дюжину маленьких, сладких и сочных малагасийских устриц.

В помощники нашим грандиозным планам на озере Алаотра мы взяли Оливье Ланграна (только что выпустившего в свет ценнейший справочник по птицам Мадагаскара) и его очаровательную и многоодаренную супругу Люсьен. Она проделала огромную работу, пытаясь отловить на озере два вида птиц (красноголового нырка и чомгу), для которых озеро было родным домом, но которые считались исчезнувшими. Люсьен сообщила нам, что работать на озере будет невозможно без Мианты. У меня защемило сердце: а вдруг речь идет еще о каком-нибудь из тех неуловимых Пьеров, которые исчезают при вашем появлении? Но, как оказалось, я недооценивал Люсьен: на следующее утро она появилась, расточая в равных количествах шарм и готовность к работе, в сопровождении очаровательного мальгаша со смеющимися глазами и широкой улыбкой. Он оказался студентом-медиком четвертого курса, уроженцем одной из тех бесчисленных деревень, что окружают озеро Алаотра, и почти в каждой у него имелось несметное количество дядь, тетя, кузенов и кузин, племянников и племянниц, не говоря уж о прочей седьмой воде на киселе.

Наш новый друг немедленно оценил обстановку и взял все предприятие под свой строгий контроль. Договорились так: мы летим к озеру самолетом, а возвращаемся поездом со всем добытым нами живым грузом. Он же поедет вперед нас поездом с клетками для животных, наймет нам комнату в отельчике и организует транспорт для поездок по деревням в поисках уже пойманных местными жителями кротких лемуров. Он объяснил, что именно это время года хорошо для ловли лемуров, ибо аборигены выжигают тростниковые зарос-

ли под посевы риса. К тому же над этими несчастными животными, изгоняемыми пламенем с насиженных мест, нависает угроза быть проданными как деликатесное кушанье или же как сувенир. И то и другое, конечно, строжайше запрещается законом, но безнаказанно продолжается.

Нечего и говорить, что рассказ о том, что происходит на озере Алаотра, поверг нас всех в уныние. Но боюсь, такое происходит по всему Мадагаскару. Начнем с того, что озеро Алаотра — крупнейшее на острове — являлось рисовой житницей страны (а мальгаши потребляют больше риса на душу населения, чем любой другой народ) и худо-бедно удовлетворяло ее потребности в этом злаке. Озеро окаймлено живописной панорамой холмов, когда-то покрытых лесами. Но с годами эта природная защита озера оказалась истребленной под посевами. С исчезновением защищавших землю лесов почва, открытая ветрам и солнцу, подверглась эрозии. За каких-нибудь несколько лет не стало деревьев

— и плодородный слой, словно вода с тающего ледника, стал стекать в Алаотра, приводя его к заиливанию. Озеро стало понемногу исчезать. Теперь этот регион утратил былое значение рисовой житницы, и страна вынуждена приобретать этот продукт за границей, отрывая валюту от своей и без того тощей экономики.

Не следует винить мальгашский народ. В глазах крестьянина расчистка участка леса выглядит не экологическим самоубийством, а средством отвоевать еще кусочек сельскохозяйственной земли, которая прокормит его несколько лет. Срубленные деревья предаются огню, а оставшаяся зола вскормит почву — так поступали праотцы, почему он не может? И как ему объяснить, что поколение праотцев насчитывало впятеро меньше людей, чем теперешнее, и что такое хищническое использование щедрот природы обречет на смерть его правнуков...

Чем ближе мы подлетали к Амбатундразаке, самому крупному городу на озере Алаотра, тем большую скорбь навевал вид под крылом самолета. Тянувшаяся на многие мили холмистая земля, когда-то покрытая лесами, теперь была голой и изуродованной бесчисленным множеством морщин — первых признаков эрозии, обеспложивания почвы. За три четверти часа полета мы не видели ничего, кроме этого леденящего душу пейзажа.

— Летим будто над Сахарой, — сказал я Ли.

— Так вот как появилась Сахара, — откликнулась она.

Мы приземлились на травяную полосу, и самолет, немного покатавшись по земле, подрулил к небольшому сооружению, которое прежде заключало в себе диспетчерскую башню, бар и багажное отделение, но в настоящий момент все это было закрыто. Никаких признаков того, что Мианта вышел нас встречать, — я опять задумался, не мифический ли это персонаж. Мы выволокли нашу поклажу из здания аэровокзала (если, конечно, его можно так назвать) и вгляделись в даль исчезавшей в тумане за деревьями грязно-бурой изрытой дороги, покрытой блестящими лужами (очевидно, ночью прошел ливень), но вновь не обнаружили никаких признаков Мианты. Тут наш взгляд упал на выдавшееся виды такси, в котором сидели дородная мальгашка, ее столь же дородная дочка и ребенок.

— Давай отправимся в центр города и вышлем оттуда поисковые партии, — предложил я Ли.

— Попросим-ка этих красоток потесниться.

Расточая добрые взгляды и широкие улыбки, они пригласили нас в машину, где было еще достаточно просторно. Мы выехали на дорогу, поминутно залетая в ямы; машина протестующе скрипела всеми своими пружинами. Бурая вода брызгала из-под колес, словно кровь. Так мы проехали с четверть мили, подпрыгивая, как на трамплине, и постигая самые интимные подробности личной жизни дородной леди, как вдруг нас нагнала другая машина — в ней сидел отчаянно жестикулировавший Мианта. Остановившись посреди отливавшего красным оттенком кривого зеркала огромной лужи, мы пересели в другую машину, обменялись комплиментами, и Мианта, рассыпавшись тысячью извинений, повез нас в отельчик.

Это было крупное, по мальгашским стандартам, здание, которое содержали китаец и его жена-мальгашка. Окна отельчика выходили на расположенный по другую сторону дороги городской рынок под открытым небом. Прелестный вид, только одно «но»: хочется спокойно посидеть в баре, а в окна доносится галдеж с рынка, не смолкающий от зари до зари.

Мне тут же бросилось в глаза, что все женщины ходят в шляпах. А так как я вообще люблю женщин в шляпах, то я был очарован. Шествуя мимо ваших окон, элегантные малагасийские леди, завернутые в пестрые куски ткани, называемые ламба (в которых они носят и своих детей, привязывая к спине), дарят вам милые взгляды из-под широких полей изящных соломенных шляп. У самых юных, конечно, нет еще детей — их ламба плотно обтягивают тело, подчеркивая каждую соблазнительную выпуклость, а большие глаза, смотрящие из-под широкополых шляп, подобны черным тутовым ягодам. Волшебное зрелище, но я, прямо скажем, не ради этого сюда приехал.

У нас была большая комната, полная совершенно ненужной мебели, а что касается кровати, то она, верно, была изготовлена с расчетом на какого-нибудь святого великомученика. На такой кровати не то что заниматься любовью, но и выспаться проблематично. Окна были зарешечены, что придавало нашему жилью легкий налет средневекового замка; впрочем, по малагасийским стандартам, все это вполне тянуло на трехзвездочный отель.

Как только мы приехали, я тотчас же ощутил резь в желудке, как это обычно случается в тропиках. Но боль в желудке может быть и терпимой, эта же была совершенно несносной. Проглотив лошадиную дозу лекарств, я тешил себя надеждой на лучшее, потому что мне необходимо было быть в форме. Как нас научил Мианта, первое, что следовало сделать, — представиться обоим президентам обоих округов по обе стороны озера, на территории которых нам предстояло действовать.

Наш друг справился и с задачей обеспечения нас транспортом для поездок по окрестным деревням. Он нанял латаный-перелатаный драндулет, явно уведенный с какой-нибудь автомобильной свалки. За рулем — худощавый дылда мальгаш с диковинным именем Ромул. Все дверные стекла были опущены вниз, а ручки, с помощью которых их можно было бы поднять, были отвинчены; куда-то исчезли и «дворники». Одну из задних дверей заклинило, перед и зад были в таком состоянии, будто машина регулярно налетала на всем ходу на кирпичную стену; шины лысые, как головы стервятников, а отпаявшаяся выхлопная труба жутко скрежетала о землю во время движения. Но, как бы там ни было, мотор работал — пыхтел, зудел, ворчал, тарахтел, подчас и с пе-

ребоями, но работал.

В таком-то экипаже мы отправились в нашу первую загородную поездку на встречу с президентом одного из округов. Он оказался высокообразованным энергичным человеком, и, когда обменялся с нами рукопожатиями, мы поняли, что он недаром достиг такого поста. Ли подробно рассказала президенту о нашей миссии, и ему явно импонировало не только блестящее знание моей супругой французского языка, но и ее личность. Он бросил мне один-два дружелюбных взгляда, но все остальное время смотрел на Ли не отрываясь и в конце концов сказал, что готов ради нас на все. Я чувствовал, что если бы Ли попросила у него озеро Алаотра в подарок, он ей отдал бы не глядя. Мы пожелали ему всего наилучшего и покатали к западному берегу на встречу с президентом другого округа.

Поездка была удручающей. Бесконечные холмы, окружавшие озеро, были голы, а плоские территории, что раньше являли собой водную гладь или плодородные рисовые поля, теперь оказались засорены илом или вообще безжизненны. На произраставшей кое-где сорной траве паслись редкие стада зебу или кормились одинокие гуси. Мы были в отчаянии. Но вот на горизонте показалось озеро и заросли тростника, где могли найти пристанище лемуры, среда обитания которых столь безжалостно уменьшилась.

Деревня Ампарафараволо оказалась довольно крупной и с виду благополучной: глинобитные дома, крытые тростником, соседствовали с кирпичными общественными зданиями. В одном из них, как нам сказали, находилась приемная президента. К сожалению, сам он присутствовал на заседании и не мог уделить нам внимания, но, как нам сообщили, его заместитель примет нас в половине третьего.

В это время смягчающее действие антибиотиков кончилось и я почувствовал, будто у меня в желудке взбесился крокодил. Близость сортира стала проблемой номер один. Посему мы отправились в местный отельчик, где нас ждал хоть и неаппетитный, но подobaющий завтрак.

Когда пробило половину третьего, мы опрометью бросились в кабинет вице-президента. Это был высокий, стройный мальгаш с седыми, словно с мороза, волосами, одетый в безупречный белый костюм, с веселым красно-желтым, будто букет орхидей, фуляром, повязанным вокруг шеи. Остроте складок на его брюках мог бы позавидовать нож гильотины. Он вежливо выслушал Ли, объяснившую нашу задачу, но было ясно, что он занят собой больше, чем кем бы то ни было на свете. Это был самый отъявленный бюрократ. Пока Ли разговаривала, за окном дико орал хриплым голосом петух, давая понять, кто хозяин на его территории, а за стеной некто пытался вывести на гармонике «Тихую ночь», но каждый раз срывался на втором такте. В конце концов наш друг в белом костюме сказал, что будет польщен снабдить нас письмом, которое, по его заверению, откроет нам все двери. Он вызвал машинистку и, когда она покорно села подле, накатав огромное письмо и отдал ей печатать. Она унесла письмо с собой, и мы слышали, как она начала выстукивать одним пальцем.

К тому времени колики в животе перешли за все мыслимые пределы, и мне хотелось только одного: в сортир. Поняв, что письмо будет печататься чуть ли не до второго пришествия, я набрался смелости и спросил: где здесь этот — ну, как бы это поделикатней — кабинет задумчивости? Меня проводи-

ли в заднюю часть здания (тут мне попался на глаза тот самый хриплоголо- сый петух; он посмотрел на меня с презрением) и указали на шлакоблочное сооружение размером чуть больше буфета. Я открыл дверь и отпрянул: такой антисанитарии не потерпел бы, наверно, и владелец самой захудалой греческой таверны. Две цементные ступени и углубление в земле — вот и все удобства. Из дыры доносились зловещие жужжащие звуки, словно там приютилось по крайней мере двадцать миллионов мух; кроме того, здесь нашли пристанище самые крупные черные тараканы, каких я когда-либо видел. Они были на порядок длиннее моего большого пальца, отливали шоколадом и бронзой, плавно скользили и блестели, словно только что покинувшие цех «роллс-ройсы». Между тем кто-то все продолжал наяривать на гармошке «Тихую ночь»; ему вторил окончательно одуревший петух. Ни тот, ни другой не попадали в такт.

Из сортира я напрямиком направился в офис вице-президента, у которого наконец было готово письмо. Сияющий чиновник подписал его, и мы уже готовы были отбыть с победой, как вдруг его бдительный взгляд заметил промашку: фамилия вашего покорного слуги везде была написана с одним «р». Бедной обруганной секретарше пришлось выстукивать все сызнова, а нам покорно сидеть и ждать. За стеной все так же плакала невидимая гармоника, срываясь на втором такте, и прошла, казалось, целая вечность, прежде чем письмо было отпечатано, вычитано, подписано и отдано нам. Вся процедура отняла у нас полчаса времени, а письмом так ни разу и не пришлось воспользоваться.

Между тем Мианта выведал по каким-то таинственным каналам, что у его кузины, живущей в деревне в трех милях отсюда, обитает кроткий лемур; туда мы и отправились выяснить, сколь правдивы эти сведения. Как только мы добрались до места, Мианта вышел из машины и исчез, как струйка дыма, чтобы вскоре вернуться с триумфом и с корзиной из прутьев, в которой съелся от страха молодой лемур. Выяснилось, что кузина Мианты видела в тот день на рынке штук пять лемуров, продаваемых как деликатесное кушанье, и выложила за этого колоссальную сумму в семьдесят пять пенсов, намереваясь приготовить великолепный ужин для мужа. Выплатив ей убыток, мы популярно разъяснили, сколь незаконно убивать, ловить и есть этих животных, о чем она понятия не имела и узнала с удивлением.

Вот типичный пример, когда исчезающий вид оказывается под охраной лишь на бумаге. Такое бывает не только на Мадагаскаре, так происходит во всем мире. Закон-то принимается, но не доводится до сведения местных жителей, а средств на создание инфраструктуры, чтобы обеспечить его действие, нет. В итоге, при самых благих пожеланиях, закон остается бездействующим.

Бедное создание было столь напугано, что я решил не подвергать его еще одному стрессу и не пересаживать в свою корзину из той, в которой его принесли. Ли села в машину, поставила корзину с лемуром на колени и крепко прижала крышку на случай, если пленнику придет в голову вырваться на свободу. Я решил, что, ввиду моего довольно опасного состояния здоровья, следует вернуться в отельчик, где все же имелись более или менее сносные удобства. Наша кибитка снова затарахтела в стусившихся сумерках, как вдруг на середину дороги внезапно выскочил мужчина и стал отчаянно размахивать руками, точно крылья мельницы. К счастью, тормоза на Ромуловой тележке каким-то чудом оказались в исправности, и все же мужчина был в такой бли-

зости от смерти, какой я никогда бы себе не пожелал. Он сообщил нам, что в деревне примерно в четверти мили отсюда имеются три пойманных лемура.

Скрепя сердце я дал знак Ромулу свернуть с главной дороги. Потрясаясь еще немного по камням и кочкам, мы въехали на главную площадь довольно большой деревни и встали. Было решено, что Ли с ее отличным знанием французского пойдет и разведает насчет лемуров, а затем доложит мне о наличии таковых. Она переставила корзину с нашей первой добычей ко мне на колени и упорхнула выполнять задание. Наши помощники последовали за ней.

Я сидел, держа корзину с лемуром на коленях, а тем временем машину мгновенно, неким таинственным образом обступила толпа из двух сотен мальгашских детей и тридцати гусей. Тут же обнаружили два неприятнейших обстоятельства: во-первых, проснулся лемур и решил во что бы то ни стало вырваться на волю, а во-вторых, боли в животе сделались особенно мучительными. Мне нужно было срочно выйти по делам, иначе меня ждала неминуемая смерть, но вопрос был в том, как удержать зверюгу. Если я отпущу крышку, он тут же вырвется, а поднять стекла машины было невозможно. Выплакать мою тоску было некому — мальгашская ребятня, с изумлением разглядывавшая странного бородатого вазаха (так мальгаша зовут белого человека), словно пришельца с Марса, разумеется, говорила только на своем родном языке, а его-то как раз я не выучил. С не меньшим интересом, чем дети, меня разглядывали гуси, при этом негромко гогоча; но, сами понимаете, Рим спасли, а меня — никак.

Окруженный морем очаровательных смуглых лиц, удивленно распахнутых черных глаз размером с блюдце, я проклинал себя под гоготанье гусей за то, что выгляжу таким идиотом. Между тем лемур удесятерил усилия, а резь в желудке достигла такой мощи, словно кто-то орудовал там бензопилой; пора было что-то предпринять.

«И на кой шут, — ругал я себя, — ты со всем этим связался! Седина в бороду, а воображаешь, что у тебя сил, как у двадцатилетнего. Играл бы себе в гольф, как все порядочные люди в твоём возрасте, или вырезал бы фигурки из мыла. На черта было пускаться в такой мучительный путь? Зачем женился на молоденькой, которая все подстрекает тебя к опасным странствиям? Не проще ли плюнуть на все да наложить на себя руки?»

Тут я сообразил, что если покончу с собой, то упущу зверюгу. Круг замкнулся. Прервав на сем философские размышления, я вдруг увидел Ромула на другом конце деревни и, не думая о последствиях, высунул голову из машины и заорал благим матом:

—Ромул!!! Сюда!!! Живо!!!

Удивление на детских лицах сменилось ужасом. С дикими воплями ребятня брызнула в разные стороны, ища убежища кто в закоулках, кто за дверями хижин, словно большой белый вазаха был самым дьяволом, жаждущим их крови. Вслед за детьми в панике разбежались гуси, клаксоня, словно старые машины, и воздев крылья, точно трубящие ангелы. Иные из гусей забегали в хижины и тут же с шумом изгонялись наружу. Вот уж не думал, что могу произвести на детей и зверей такой эффект. Тут подскочил встревоженный Ромул.

— Месье, — проговорил он, задыхаясь, — что вам?

— Жену ко мне, быстро! — ответил я.

Он бросился на поиски и через несколько секунд притащил испуганную Ли.

— Что случилось? — спросила она.

— Живот... А тут еще эта тварь пытается вырваться... — пробормотал я. — Пересади его в нашу корзину! Ну почему мы не сделали этого сразу?

Наконец дело было сделано, другие дела тоже, но и по сей день меня не отпускает мысль, что жуткий образ бородатого рычащего вазаха запечатлелся в памяти несчастных детишек на долгие годы. Жалею, что так произошло (право, белые люди достойны лучших воспоминаний у туземцев), но поймите, в каком я был состоянии.

Мы вернулись в отельчик и втихомолку пронесли лемура в номер. По опыту многих лет я знаю, что в иных гостиницах вам не разрешат держать в номере бородавочника и устроят скандал, если вы соберетесь поселить в ванне змей. Прямо скажем, близорукая политика, способная отбить у владельцев таких гостиниц клиентуру. Так что самое правильное — затащить животное в номер подальше от глаз администратора. Но это не всегда удается. Как-то с хорошенькой горничной-латиноамериканкой случился сердечный приступ, когда она обнаружила у меня под кроватью не любовницу, таящуюся от жены (что там считается обычным делом), а детеныша гигантского муравьеда.

Лемур, которого мы теперь могли рассмотреть как следует, оказался размером с небольшую кошку. У него была бронзово-зеленая шкура, большие золотистые глаза и огромные лапы. На обратном пути мы сделали остановку, и Мианта нарезал ему на корм сочного тростника и папируса. Ли накрошила туда морковки и банана. Чем раньше приучишь зверюшку есть что дают, тем легче будет ваша задача. Где мы, к примеру, найдем на Джерси этот сорт тростника и папирус? А морковки там сколько хочешь, да и бананы найдутся. Следовательно, чем быстрее приучишь зверька к морковке и бананам, тем лучше. Но только Ли открыла дверцу клетки, чтобы дать лемуру продегустировать приготовленное ею блюдо, как зверек забился в угол, встал на задние лапы, вытаращил глаза и раскрыл передние лапы, как если бы хотел обнять свою благодетельницу.

— Не скажу, что *этот* лемур очень кроток, — заметил я, когда зверек затыкался на Ли, словно испуганная собачонка.

— А что ты хочешь от бедняжки? — возразила Ли. — Как бы ты вел себя, если бы оказался на волосок от смерти в кастрюле?

Крыть было нечем.

...Ли отправилась на базар купить нашему подопечному свежих фруктов и овощей, оставив меня сидеть на нашей факирской кровати, поглощать пачками антибиотики и запивать их стаканами шотландского виски. Едва в номере воцарилась тишина, я услышал, как в клетке сначала заскребли когтями, а затем раздалось довольное похрустывание. Это очень обрадовало меня — случается, что проходят сутки, а то и больше, пока вновь пойманный зверек оправится от шока и начнет есть. Если голодовка затянется, зверька необходимо выпустить. Но если он сразу начинает есть — значит, скоро привыкнет к неволе.

Нахрустевшись вдоволь, лемур принялся обнюхивать клетку, издавая еле слышные звуки, напоминающие мяуканье; затем последовала долгая тишина.

Вдруг он начал издавать весьма странные звуки, похожие на «юрп», как будто кто-то вынимал пробку из маленькой бутылки. Я даже подумал, не положила ли сердобольная Ли в клетку бутылочку шампанского. Но звук, напоминающий открывание бутылки, повторялся снова и снова с регулярными интервалами, и тогда я подумал, уж не является ли это у лемурув коммуникативным сигналом. В густых тростниках звук, напоминающий выдергивание пробки, возможно, наилучшим образом позволяет животным поддерживать контакт, оставаясь друг для друга невидимыми.

Наблюдая за нашими лемурами, я поразился, какой у них богатый язык: звуки, напоминающие выдергивание пробки, кошачье мяуканье и мурлыканье, собачье тьяканье и даже ворчание, как у лилипутского тигра. На следующее утро мы, к своей радости, обнаружили, что звереныш съел весь предложенный ему запас растительности, а также немного моркови и полбанана. Когда Ли кормила его, он по-прежнему таращил на нее глаза и разевал рот, стоя на задних лапах и раскинув руки, но уже не тьякал. Что мы сочли еще одним добрым знаком.

Мианта сообщил нам, что завтра Ромул отвезет нас на восточный берег озера, где больше деревень и где есть надежда найти пару нашему лемуру, а возможно, и другие экземпляры.

Глава вторая. ПОТОК ЛЕМУРОВ

На следующее утро, завтракая яичницей пополам с антибиотиками, я наблюдал из окна ресторана за уличной толпой. Ромул прислал известие, что его механическая повозка поломалась (в чем не было конечно же ничего удивительного), и попросил немного подождать. Таким образом, в моем распоряжении оказался еще час на любование базаром, от которого я не отводил глаз с четырех утра и который теперь был в самом разгаре. К этой толчее присоединилась и Ли в поисках корзин с крышками для зверьков, которых нам предстояло поймать, а я наслаждался тем, что делал зарисовки. Наблюдая за мальгашскими женщинами, я постиг, сколько функций у предмета одежды под названием ламба.

Ламба — кусок хлопчатобумажной ткани размером четыре на восемь футов, покрытый самым изощренным и многоцветным узором. У других народов этот предмет одеяния называется саронг, и я помню, как в годы моей юности его носила мисс Дороги Леймур, но сугубо с целью оттенить свои соблазнительные прелести. У жительниц же Амбатундразаки ламба может служить и более практическим целям. Во-первых, плотно завернувшись в нее, можно привязать к себе и ребенка — со стороны это выглядит так, будто у женщины чрево со спины. Если у вас нет ребенка, можно переносить небольшие кули с рисом, цыплят и уток, завтрак и обед, в конце концов. Она может служить и платьем, и плащом, и накидкой от солнца, и набедренной повязкой; ею можно тепло укрыться на ночь, и наконец, — но не в последнюю очередь, — она просто сделает вас прелестней.

Мальгашки миниатюрны, хорошо сложены, и я нахожу их походку грациознее, чем танец любой виденной мною балерины. Это отчасти объясняется тем, что мальгашки с детства приучаются носить поклажу на голове. Дух захватывает, когда любишь эти прелестницами в кокетливо надетых набедренных сияющих на солнце белых соломенных шляпах и ламба всех цветов радуги, облегающих соблазнительные выпуклости тела. Поражает и то, какую тяжесть они могут переносить на голове; удивительно, что их тонкая шейка не ломается, словно стебелек цветка. Однажды я стал свидетелем, как такая красавица переносила на голове корзину, полную сладкого картофеля; чтобы водрузить на голову эдакую тяжесть, понадобилась помощь двух ее друзей. Но как только, к удовлетворению мальгашки, груз был водружен куда положено, она плавно двинулась с места и поплыла по дороге, словно шар по гладкой поверхности льда. Забавную картину представляла собой другая леди, у которой на голове была огромная корзина с двумя гусями. Корзина скрывала птиц почти целиком, и я всласть посмеялся над зрелищем двух крякающих голов, торчащих из корзины.

Пока я дожидался в баре, к жене хозяина гостиницы, которая была здесь за барменшу, тянулась вереница людей, и всяк предлагал что-нибудь на продажу: кто жестяной чан рыбы, кто связку кудахчущих кур, несомых вниз головой, кто заднюю ногу зебу, кто десяток-другой яиц. Мадам тщательно инспектировала каждое предложение и либо отсылала продавца на кухню, либо отмахивалась рукой в знак отказа.

За наблюдением этой удивительной и красочной сцены меня застали наши друзья Араминта и Эдвард, которые решили взять отпуск и поехать с на-

ми. Страстно болея за наше дело, они надумали посмотреть, как собирается коллекция животных. Двоюродный дедушка Эдварда, Герберт Уитли, основавший и построивший зоопарк в Пейнтоне в Девоншире, в свое время покупал у меня множество видов для своей коллекции. Это был замечательный натуралист и большой оригинал из той породы людей, которая встречается, наверно, только в Англии. На удивление чуткий ко всему живому, он умудрялся разводить у себя в зоопарке такие виды животных, каких никому другому не удавалось даже сохранить живыми в неволе. Эдвард внешне во многом походил на своего двоюродного деда: такой же высокий и крепкий, с такой же походкой с легким наклоном головы, с теми же выступающими скулами; он одаривал каждого зазывным невинным взглядом, будто искал партнера на партию в теннис. А у Араминты глаза были темные с поволокой, и взгляд у нее был добрым и пытливым. Она как нельзя лучше подходила своему пышущему здоровьем спутнику

— как, впрочем, ей подходило и это чудесное викторианское имя, сейчас, к сожалению, вышедшее из моды.

Случился, к несчастью, конфуз. Когда два дня назад я вышел встречать их, сильно уставших после перелета, Араминта подцепила-таки от меня одну из тех инфекций, которых я успел набраться в тропиках. Впрочем, она готова была простить мне эту оплошность при условии, что я нареку первую пару пойманных лемуру Араминтой и Эдвардом, на что я, разумеется, с радостью согласился. Случалось вам покупать барометр-метеобудку, из которой, в зависимости от погоды, появляются то солнечный, то дождевой человечек? Так и мы с Араминтой по очереди то скрывались за дверями «кабинета задумчивости», то появлялись вновь...

— Как вы себя чувствуете сегодня? — спросил я.

— Превосходно! Превосходно! — ответил Эдвард, пышущий здоровьем и молодым задором. Араминта же только кинула мне холодный взгляд.

— Как ты насчет позавтракать? — сказал Эдвард, вопрошающе глядя на нее. — Можно бифштекс и яичницу из трех-четырех яиц. Вкусно!

— Да нет, спасибо, — молвила побледневшая Араминта. — Мне бы только чашечку чаю.

— Какая у нас программа на сегодня? — спросил Эдвард, поглощая бифштекс с жадностью льва.

— Не знаю, — ответил я. — У Ромула авто полетело.

— Полетело? — спросил Эдвард. — Я-то удивляюсь, как эта штуковина вообще ходит! Должна же когда-нибудь и поломаться.

— Он обещал починить примерно через час, — ответил я. — Чем пока займемся?

— Пойдем за рождественскими покупками, — сказал Эдвард.

— Как, здесь?

— удивился я.

— В Англии у нас не будет на это времени, — объяснила Араминта. — Посмотрим, что предложит здешний рынок.

— Можно гуся, а можно курицу, — порекомендовал я, — или хотите поросенка? Я, кстати, видел пять молочных поросят, все разных цветов; как раз влезут в твой рюкзак.

— Спасибо, но мы лучше пробежимся по рядам корзин и тканей, — с досто-

инством ответствовала она.

Я продолжал наблюдать рынок из окна, а друзья отправились за рождественскими покупками в столь неожиданном месте. Вскоре они вернулись, нагруженные множеством самых ярких лампа и корзинами всех видов. Одни круглые и пузатые, с крышками; другие квадратные; третьи вытянутые, как башни; здесь, в деревнях, расположенных по берегу озера, плетут лучшие на всем Мадагаскаре корзины — изящные, похожие на хрустящее печенье, прочные и блестящие, с самыми интригующими разноцветными орнаментами. Пока мы изучали эти чудесные произведения искусства, вернулась Ли, которая тоже накупила корзин — не столь художественных, как у Араминты, но тоже ничего.

Наконец-то объявились Ромул и Мианта, рассыпаясь в извинениях, и мы отправились к восточному берегу озера. Поездка оказалась отнюдь не столь удручающей, как в первый раз. Здесь было довольно много леса, в том числе и на фермах, тогда как в поездке по западному берегу озера если нам и удавалось встретить дерево, мы кланялись ему, как другу после долгой разлуки.

В первой же деревне нам улыбнулась удача. Едва мы остановились на главной площади, Мианта исчез, как утренний туман, и десять минут спустя вернулся, таща корзину с крошечным кротким лемуром. Это было одно из самых милых маленьких существ, которых мне доводилось видеть. Притом что он спокойно помещался в кофейной чашке, у него была крупная голова и большие руки и ноги. Мы намеревались собирать только подростки и взрослые экземпляры, но нельзя же было оставлять беззащитное существо в руках прежних владельцев. В корзине был только кусок грязного перезрелого банана, но я был уверен (как бы его хозяева ни пытались доказать обратное), что ему еще требуется материнское молоко, а такая диета, как перезрелые фрукты, скорее всего убьет его. Мы отдали за него символическую сумму и доходчиво разъяснили владельцам закон: разве они не знают, что убивать и ловить этих животных запрещено? Как же, говорили они, мы все это знаем, но раз никто за этим не следит, зачем же соблюдать? Такое отношение, с которым сталкиваешься по всему свету, ставит под удар всю природоохранную деятельность.

Мы уже собирались ехать дальше, когда нам помахали рукой и предложили еще трех крошечных лемуров. Они были чуть старше первого, но я подумал, что этим тоже еще требуется молоко, хотя они уже способны усваивать и другую пищу. Естественно, мы не могли оставить этих беспомощных существ под угрозой смерти и купили, не забыв прочесть прежним владельцам лекцию на тему «Лемур и закон». Теперь у нас было уже четыре лемура-детеныша.

Всякий раз, когда мы покупали животных, мы платили за них чисто символические деньги — не из жадности, а чтобы не поощрять дальнейшую охоту на них. И в каждой деревне мы терпеливо и популярно разъясняли публике закон и демонстрировали документы, подтверждающие, что мы проводим работу с разрешения малагасийского правительства и собираем лемуров с целью разведения. Сколько из сказанного нами до них дошло, не знаю, но мы были щепетильны в этом вопросе как нельзя более.

Мы двинулись в другую деревню, где имелась небольшая аптека; там мы надеялись приобрести шприц, чтобы с его помощью кормить молоком наших

детенышей. Все четверо были здорово напуганы грохотом Ромуловой повозки (равно как и мы), и, добравшись до Андребы и купив там немного молока и шприц, мы сделали часовую остановку, чтобы покормить лемуров. Четыре лемуренка жадно пили молоко, а старшенькие даже отведали бананов, чем весьма нас порадовали. Пока мы кормили лемуров, Мианта снова пустился в бега и возвратился со взрослой самкой на поводке. Она была поймана уже давно и за это время неплохо приручилась. Окрас ее был скучным, зубы разрушены, и вообще у нее был довольно потрепанный вид, но, несмотря на это, мы купили ее. (Как потом оказалось, мы сделали очень нужное дело.) К этому времени четверо детенышей наелись досыта и теперь уже спокойнее воспринимали грохот мотора. Я предложил полным ходом возвращаться в отельчик не только ради благополучия зверенышей, но и ради моего собственного: похоже, что ни один из принятых антибиотиков не возымел действия.

Мы оказались в затруднительном положении. У нас была одна взрослая самка, один подросток и четверо детенышей. Скрыть этот факт от гостиничной администрации не представлялось возможным. Не решившись идти на ковер сам, я послал свою верную Ли к начальству для разъяснения ситуации. К нашему удивлению, хозяин гостиницы и его жена восприняли известие с радостью, сказав, что они обожают животных, и тут же отвели нам номер по соседству, где мы могли содержать наших драгоценных подопечных. Это была небольшая комната с умывальником, столом и гигантской двуспальной кроватью. Мы сняли с кровати все, кроме тюфяка, и тщательно накрыли пленкой. Стол использовался для приготовления корма, а умывальник — для мытья мисок. Животных мы поместили на кровати, а под стол составили корзины с разнообразными фруктами и овощами. В общем, нормальная жизнь гостиницы не нарушилась — не то что в свое время на Корфу, где я снимал фильм и где с разрешения администратора гостиницы (страстного любителя рептилий) я держал в ванне целое стадо водяных черепах. Когда очаровательная горничная-гречанка увидела это зрелище, она издала такой дикий вопль, совершенно как покойная Мария Каллас, наступи она на скорпиона (хотя в последнем случае крик, надо думать, был бы сладкозвучнее).

Проснувшись на следующее утро, я почувствовал, что, если бы кто-нибудь согласился взять у меня весь пищеварительный тракт, я отдал бы не глядя и с приплатой. В результате я сообщил Ли, что не смогу составить ей компанию в лемурных похождениях на озере, а вынужден, прикованный к унитазу, остаться в номере и наблюдать за нашими подопечными. Помимо всего прочего, я заметил, что детеныши нуждаются в частом и регулярном кормлении, особенно самый крошечный. Накормив лемурят досыта, я отправился в гостиничный бар закончить свои дневниковые записи. Меня обслуживала очаровательная миниатюрная мальгашка, говорившая только на своем родном языке. В углу бара стоял огромный цветной телевизор, включенный на полную мощность, и пока я раздумывал, что бы еще заказать из напитков, красавица жадно следила за бесхитростным развитием сюжета французской мыльной оперы, где большая часть сцен происходила в постели и сопровождалась множеством стонов и вздохов.

Перед обедом я снова покормил зверьков. Старшие уже жадно лакали молоко из блюда, но младшего еще нужно было кормить из шприца. Он напился досыта, повиснув у меня на руке, словно прищепка, и смотрел мне в лицо

большими золотистыми глазами. В этом возрасте у лемулов по сравнению с маленьким телом непропорционально большие головы, руки и ноги; смешно наблюдать, как они ходят по гладкой поверхности — походка у них что твой Чаплин. Но когда они лазят по деревьям, сразу видно, как умно приспособлены их руки и ноги. Я поставил рядом на двуспальной кровати клетки с самым маленьким детенышем и взрослой самкой, которую мы назвали Араминта, и был польщен, когда услышал, что они обменивались «хлопающими» звуками.

Я вернулся в бар, где страсти на телеэкране разгорелись с новой силой, и заказал чашку рисового супа как нечто легкое для желудка да несколько плодов манго на десерт лемурам. Бар и ресторан были переполнены, и я счел за благо вернуться в номер, подальше от какофонии голосов, всхлипов и вздохов, доносящихся из телевизора. Поскольку у меня не хватало рук нести и плоды, и дневник сразу, я сделал знак мальгашке помочь. Она взяла дневник, словно священный кубок, и бережно отнесла наверх ко мне в номер. Жонглируя плодами манго, я проследовал за ней. Она благоговейно возложила дневник на стол, стоявший у кровати; я поблагодарил ее словом «мисаотра», что по-мальгашски значит «спасибо», и красавица, кивнув головой и одарив меня ослепительной улыбкой, исчезла. Через несколько мгновений после этого я сообразил, что она механически повернула ключ в двери и заперла меня снаружи.

Сказать, что я был в отчаянии, — значит ничего не сказать. Двери и мебель, выделяемые на Мадагаскаре, не уступают по весу и прочности граниту, так что, если бы я попытался вообразить себя Джеймсом Бондом и выломать дверь, я бы только вывихнул плечо. Вывать о помощи также было бесполезно — самый отчаянный крик неизбежно потонул бы в шуме ножей и вилок и в страстных всхлипах, доносящихся из телевизора. Я оглядел комнату в поисках чего-нибудь, чем можно отомкнуть замок, но ничего не нашел. Я подошел к забранному массивной решеткой окну и закричал что есть мочи в надежде привлечь чье-нибудь внимание, но прохожие только приветливо махали мне рукой, а кое-кто вытягивал ладонь для милостыни. Я сел на кровать, проклиная судьбу, — приближалось время кормить детенышей лемулов, но хуже всего было то, что нужник находился снаружи, в конце коридора.

Тут я вспомнил — мне кто-то рассказывал, что любой замок можно отомкнуть с помощью кредитной карточки. Это прибавило мне надежды. Я вытащил из бумажника карточку «Америкэн экспресс», которую взял с собой неизвестно зачем, так как ее не признают ни в магазинах, ни в гостиницах. Дверь не поддавалась. В защиту карточки «Америкэн экспресс» я должен сказать, что замки на Мадагаскаре особенные. Очевидно, они, как и многие другие китайские штучки, были презентованы самим Мао Цзедуном. Массивные и с интригующим орнаментом, они явно не предназначены для того, чтобы от простого поворота ключа взять и открыться или взять и закрыться. Пробьешься несколько недель, пока насобачишься пользоваться. Целый час я бродил по номеру, думая, за что мне такая мука. Можно бы, конечно, просто вывинтить замок, но у меня не было ничего, что могло бы заменить отвертку.

В который раз исследовав замок, я уже смирился с тем, что пробуду в плену до вечера, до возвращения Ли, как вдруг дверь распахнулась и в ней возникла та самая крошка-мальгашка. Одарив меня широкой теплой улыбкой, она так же внезапно исчезла, как и возникла. Ни извинений, ни объяснений, ничего. Заслужил условно-досрочно и будь доволен. Я тут же вынул ключ, чтобы сно-

ва не оказаться в плену, и опрометью бросился в галюн.

Вернувшись, чтобы покормить детенышей, я увидел, что старшенькие в бодром настроении — прыгают по принесенным для них веткам, иногда срываются на пол, а то и задирают малыша, который показался мне весьма забитым. Не то чтобы они нарочно обижали его, просто для них он был неким неодушевленным предметом вроде коряги или банана, что ему было, разумеется, не по вкусу. Он скорбно смотрел на меня. Я мог, конечно, пересадить его в одну из тех тростниковых корзин, что принесла Ли, но чувствовал, что в одиночестве ему будет еще тоскливее. И тогда мне пришла в голову идея. Кроткие лемуры очень коммуникабельные животные и, как это соответствует их имени, не склонны устраивать потасовки с себе подобными. Коль скоро у нас была немолодая самка (которая, как я предполагал, была старше детородного возраста), то почему не предложить ее в приемные матери детенышу? Я не знал, конечно, как старая лемуриха отнесется к моей мысли, но то, что она была почти ручная, облегчало задачу. Я открыл дверцу клетки и впустил к ней лемуленка, а сам изготовился тут же вытащить его обратно, если ей это не понравится. Детеныш лишь увидел лемуриху — и пулей к ней: перелез через голову и морду и уютно устроился у нее на груди. Лемуриха, конечно, была ошарашена таким вторжением, но затем, к моему облегчению, обняла его и схоронила в густой теплой шкуре. Молока у нее конечно же не было, и вопрос заключался в том, удастся ли оторвать детеныша от приемной мамы, когда настанет час кормления. Как я и ожидал, беспокоиться было не о чем. Чуть детеныш попробовал приложиться к ее пустым сосцам, как тут же получил хорошего щипка за такое нахальство. После этого, едва увидев, что дверца клетки открыта и в нее тянется рука Ли со шприцем, полным молока, он тут же бросил свою новую мать и, подобно страждущему в пустыне, заведящему оазис, кинулся на руки Ли и досыта напился. Разделение труда — мы кормим, лемуриха ласкает и согревает — оказалось блестящим.

Ближе к ночи вернулись наконец оба охотника — уставшие, изголодавшиеся, но все же с триумфом тащившие двух молодых лемуров: самца и самочку в прекрасном состоянии. Накормив и поместив животных в клетки, мы отметили успех. Мы с Араминтой поглощали антибиотики, запивая их виски, остальные накачивались только виски.

Тем не менее ночью я почувствовал себя дурно — температура перевалила за сорок, я обливался потом, как в турецкой бане. Но к утру стало чуть полегче, и мы решили проехать по деревням, в которых еще не бывали. По пути Мианта уговорил нас свернуть на разбитую колею, и, проехав по ней одну-две мили, мы очутились на вершине холма, украшенной тригонометрической вышкой. Оттуда нам открылось собственно озеро, окруженное тростниковыми зарослями и посевами риса. Озеро не казалось чрезмерно большим, но было очевидно, что прежде, пока в него не смыло плодородный слой разрушающихся почв с окрестных холмов, оно было огромным. Мианта объяснил, что после ливней вода в озере повышается так, что заливают камыши, которые затем уничтожают под посевами риса. Когда же вода в озере спадает, она оставляет после себя лужи — естественные ловушки для рыбы: помимо этого, разлив, само собой разумеется, благоприятствовал урожаю риса, но из-за эрозии почвы озеро Алаотра утратило свою славу рисовой житницы страны. Серьезность ситуации становится понятной, когда сравниваешь цифры роста населения и

цифры падения производства риса за последние годы.

Другим впечатляющим, но наводящим грусть фактом в жизни озера стало исчезновение родных для него видов рыбы. Человек, который считает себя умнее матери-Природы, напустил туда чужаков вроде тилапии и карпа, а кончилось тем, что свойственные озеру рыбы исчезли. Никто не знает, сколько вообще исчезло видов малагасийской фауны, потому что никто ее толком не изучал, — иные ушли в небытие, не успев даже получить научных названий.

В соседней деревне Мианта вновь исчез, как Чеширский кот, оставив мне (как некогда Алисе) только память о своей широкой улыбке, но вскоре вернулся, довольный собой, таща три тростниковые клетки и в каждой по молодому лемуру. Теперь встал вопрос, что делать дальше: мы уже превысили квоту в разрешенные нам шесть особей, а оставлять излишек здесь тоже нельзя: ведь в тот же вечер он будет съеден как деликатес обитателями не той, так другой хижины. Мы вернулись в отельчик и устроили военный совет. Сошлись на том, что программа нами выполнена блестяще. Я-то думал, добудем, дай Бог, пару лемуров, а у нас было десять этих великолепных созданий. Мы планировали отослать наш живой груз в Антананариву поездом. Но Араминта и я были по-прежнему в таком состоянии, что могли и не выдержать двадцати часов тряски. Тогда решили, что здоровые члены нашей бригады — Эдвард и Мианта — повезут поездом подросших животных, а остальные полетят самолетом и повезут детенышей.

Ли тащила детенышей каждого в отдельной корзине, завернутой в ламба, а Араминта — корзины, купленные ею к Рождеству. Обе напоминали уличных торговки корзинами. Но, слава Богу, мальгашки, как правило, народ тихий, да к тому же сами часто путешествуют с громоздкой поклажей, так что наш диковинный груз не вызывал у них косых взглядов. Когда мы сели в крохотный самолет и взлетели, я, дабы отвлечься от болей в желудке и пополнить свой запас знаний мальгашского языка, вынул англо-мальгашский словарь. До сих пор я знал по-мальгашски только «здравствуйте» и «спасибо», чего конечно же явно недостаточно для интеллектуального разговора. Но едва я засел за зубрежку, как сразу выяснилось, что гладко только на бумаге.

Мальгашский язык, может быть, изящен с точки зрения самих мальгашей, но европеец находит его полным рокочуще-клокочущих и звенящих звуков — это примерно как бочка с битым стеклом катится по каменной лестнице. Может быть, это всего лишь легенда, но считается, что письменный мальгашский язык был впервые разработан и записан первыми уэльскими миссионерами. Люди, которые крестили у себя в стране города и деревни названиями, состоящими из почти всех букв алфавита, наверняка ощутили себя в мальгашском языке как в родной стихии. Карта Уэльса изобилует такими заковыристыми названиями, как Лланаилдейарн, Лланваирвексан, Лланерксимедд, Пендриндейдрэкс, не говоря уже о Лланвейрпуллгвингиллгогериксви — риндробллэн-тиссилиогогогокс (В переводе на русский язык это означает: «Церковь Марии пустой белый орешек вблизи быстрого водоворота — церковь святого имени Красной пещеры»). Почтовый штампель ограничивается только первыми двенадцатью буквами, но на обратной стороне каждого письма ставится второй штампель с полным названием. (*Примеч. пер.*) Так что миссионеры, которым выпало создать из этих выкрутасов целый язык, облизывались от удовольствия и превзошли самих себя в исхищенностях и длинно-

тах. Раскрыв словарь наугад на слове «bust», я обнаружил, что по-мальгашски это будет так: «Ny tra tra seriolona voasokitra hatramin ny tratra no ho miakatra». И никаких объяснений, идет ли речь о финансовом крахе или о женских прелестях: по-английски будет и так и так. Если же все-таки речь идет о лучшем украшении женщины, то я представляю, каково несчастному возлюбленному, если он решит начать воспевать красоты своей любезной с этой соблазнительной части тела. Пока он выговорит, зазнобушка просто решит: «Какой грудолюбивый маньяк!» — и пошлет его подальше. В общем, слишком длинный язык для объяснений, а тем более в романтической любви.

Благополучно добравшись до столицы, мы незаметно пронесли животных в отель. Заняли две большие спальни с ванной. Во второй спальне разместили все необходимые принадлежности (складные клетки для животных и тому подобное), и кроме того, она бы нам очень пригодилась в случае прибытия телевизионщиков из «Чэннел телевижн». Эта телекомпания много лет снимала нашу успешную работу в зоопарке на острове Джерси. Шанс заснять настоящую экспедицию по отлову ай-ай явился для них ценным подарком, они ухватились за него обеими руками и грозились свалиться сюда со всеми причинами — от кинокамер до генераторов. Подросшие лемуры, отправленные в столицу малой скоростью, также благополучно прибыли благодаря нежной заботе Эдварда и Мианты, и вскоре мы комфортабельно разместили их в зоопарке Цимбазаза. Что же касается детенышей, то ввиду того что их нужно было часто кормить, мы решили пока поддержать их в гостинице.

На следующее утро после нашего прибытия я лежал и думал, как же не хочется вставать и кормить малышей, как вдруг из соседней комнаты, где мы их разместили, раздались встревоженные хлопающие звуки; звуки пошли крещендо, но внезапно стихли. Я испугался: что же могло случиться с моими маленькими подопечными? Вдруг в номер прокралась кошка или крыса и теперь с наслаждением доедает наших драгоценных крошек?! Жуткая мысль подняла меня с постели, и едва я раскрыл дверь, как в нее своей чаплинской походкой вошел Эдвард (так мы называли самого крошечного), поглядывая на меня большими невинными глазами. Каким-то образом он поднял крышку и удрал. Очевидно, он слышал, как мы готовим пищу в соседней комнате, и настроился позавтракать. Но едва я наклонился, чтобы поймать его, лемур в ужасе залаял и бросился к двери, — видно, я показался ему злым великаном или волшебником. Я захлопнул дверь, чтобы не дать ему улизнуть, а Эдвард встал в оборонительную стойку на задние лапы, прислонившись к стене, раскинув руки и вызывающе таякая на меня. Я подхватил отважного и как только поднял до уровня лица, он тут же принялся играть моей бородой, урча как котенок.

Я посадил лемуру на постель и дал в награду за смелость кусок банана. Взяв свой драгоценный трофей, он тут же перебежал через лицо Ли и уютно устроился на подушке. Я открыл дверь, чтобы взглянуть, как себя чувствуют соплеменники Эдварда, и увидел, что они затеяли возню на полу. Видимо, они как-то подсмотрели, каким способом Эдвард удирал из корзины, и повторили его подвиг. Мне не стоило никаких усилий собрать компанию в тесный кружок, поставив на кровать блюдце молока, и я возблагодарил Бога, что им не пришлось в голову исследовать оборудование, потому что отлавливать беглецов среди рюкзаков и аппаратуры было бы куда сложнее, чем по лабиринту кори-

доров Хэмптон-Корта.

— Они, конечно, прелестные существа, — сказала Ли, стирая с подушки остатки полуизжеванного банана, в то время как я вытирал на кровати молочную лужу (манеры поведения за столом у этих крошек оставляли желать лучшего), — но я была бы рада сбыть их в зоопарк.

— Я тоже, — ответил я, снимая лемурунку Эдварда с занавески. — Эти постоянные хлопающие звуки создают впечатление, что у нас тут круглосуточно идет попойка.

Тем же утром нам позвонили из зоопарка и сообщили, что рады взять всех лемуров и ухаживать за ними, к нашей радости, назначен Жозеф Рандрианаиворавелона. Он был одним из первых мальгашских студентов, проходивших практику у нас на Джерси, и мы знали, что вся эта шумная орда попадет в надежные руки.

Много лет назад мне стало предельно ясно, что разводить исчезающие виды животных в неволе лучше всего в стране происхождения. Беда заключалась в том, что во многих из этих стран нельзя было предпринять подобные попытки из-за отсутствия квалифицированного персонала. Это навело нас на мысль основать Международный учебный центр при нашем зоопарке на Джерси. Здесь студентов приучали к рутинной работе по уходу за животными, а также прививали им основные принципы охраны природы и экологии. Некоторым студентам платили стипендии направившие их страны, некоторые получали стипендию от нас. После прохождения курса обучения они возвращались к себе на родину и с нашей помощью организовывали центры по разведению исчезающих видов фауны. Схема возымела колоссальный успех: на момент написания этих строк подготовку в нашем центре прошли 282 студента из 65 стран. У такого обучения есть еще один положительный момент: обращая друг с другом, студенты разных национальностей приходят к пониманию, что большие проблемы — скудость средств, непробиваемая бюрократия, тупое правительство, наконец, население, для которого зверь хорош только в кастрюле, а дерево только в виде мебели — есть не только у них в стране. Это порождает в них бесценное чувство товарищества, и, разъезжаясь по родным краям, студенты не чувствуют себя в изоляции. Для поддержания контактов между нашими студентами мы специально для них основали журнал «Со-литер» (так называется птица, исчезнувшая с лица земли, как и додо), чтобы они могли узнавать о проблемах и успехах своих коллег. Нам показалось особенно ценным, что Жозеф, один из наших первых студентов-мальгашей, возьмет на себя заботу о редкой коллекции.

Наша схема обучения явилась первым шагом в верном направлении, но предстояло сделать гораздо больше. Где в странах происхождения следует организовывать центры разведения исчезающих видов животных? На первый взгляд ответ кажется очевидным: в местных зоопарках. Беда в том, что многие зоопарки во всем мире влачат жалкое существование из-за скудости средств, а подчас и из-за недостатка опыта. Если бы удалось довести эти учреждения до высоких стандартов, тогда они могли бы играть жизненно важную роль в деле разведения исчезающих видов в неволе. Но где взять средства на обновление?

В свою прошлую поездку на Мадагаскар я высказал мнение, что множество крупных, хорошо организованных зоопарков во всем мире должны бы про-

явить интерес к уникальной малагасийской фауне и изъявить желание поспособствовать сохранению всего этого богатства. Состоятельные учреждения могли бы поддержать своих менее благополучных коллег. Совместно с Ли и моей преданной и дальновидной командой на Джерси мы разработали формулу, показавшуюся нам подходящей. Прежде всего следовало создать инициативную группу, и каждый зоопарк, желающий в ней участвовать, должен платить установленную сумму ежегодно. Эти средства помогают встать на ноги местному зоопарку, идут на оплату советов экспертов, обучение персонала, ремонт или обновление клеток.

Когда же спустя несколько лет зоопарк становится на ноги и дела в нем налаживаются, члены группы и сам зоопарк совместно запускают программы разведения исчезающих мадагаскарских животных. Тут есть еще вот какой важный нюанс. Животные и их потомство, выведенное в зоопарках за пределами страны, остаются в собственности правительства Мадагаскара и в любой момент могут быть отозваны обратно. Этот ход мы придумали, подписывая соглашение с малагасийскими властями, чтобы не дать повода для толков, будто другие страны только и жаждут разграбить богатую фауну острова и несколько не заботятся об интересах родины вида. Этим положением мы стремились завоевать к себе доверие и показать, что ни в коей мере не намерены эксплуатировать зоологическое наследие страны.

Естественно, когда мы обнародовали наш план, к нему выказало интерес множество зоопарков, хотя иной раз мы натыкались и на непонимание со стороны директоров. Так же, как филателист не понимает, как это можно собирать марки, не приобретая их в собственность, так и директора зоопарков не могли понять, как это содержащиеся в зоопарке животные не являются его собственностью. И тем не менее набрался-таки кворум директоров зоопарков, понявших ценность идеи. Так родилась Группа в защиту фауны Мадагаскара (МФГ).

В качестве базы для осуществления первых проектов МФГ мы избрали главный зоопарк Антананариву — парк Цимбазаза, так как в столице создать условия для разведения редких видов животных легче. Это не только благотворно повлияет на животных, уже обитающих в Цимбазазе, но и будет иметь огромное воспитательное значение. Когда Мадагаскар был французской колонией, система школьного обучения разрабатывалась, естественно, во Франции. Мальгашские дети учили про разных там братцев-кроликов, дядюшку Зайца и тетюшку Лису, а таких животных нет в лесах Мадагаскара. В то же время лемуры, хамелеоны и черепахи как-то ускользнули из школьной программы. Когда я впервые посетил Мадагаскар в 1970-х годах, единственным источником, откуда мальгашские дети, да и взрослые тоже, могли узнавать о местной фауне, были дрянные картинки на спичечных коробках. Было очевидно, что собрание живой местной фауны в центре столицы имело бы колоссальный образовательный потенциал, тем более что сам парк уже обладал богатой коллекцией автохтонных деревьев и растений. Им управляли наши старые друзья — Воара Рандрианасоло и его жена Бодо, которые страстно любили свое детище и горели желанием превратить его в ценнейшее национальное собрание животных и растений.

Еще до образования МФГ мы несколько лет работали с этой четой, помогая ставить на ноги Цимбазазу. Двое сотрудников этого парка (в том числе Жозеф)

проходили обучение на Джерси и вернулись на родину не только с богатым опытом обращения с животными и научными знаниями, но и с тысячью мелочей, необходимых для основания питомника по разведению самых разных животных. Мы посылали в Цимбазау и своих сотрудников в краткосрочные командировки, но, как правило, из-за финансовых трудностей дело подвигалось медленно.

Находкой для МФГ стала американка Фрэн Вудс, имевшая огромный опыт работы в различных зоопарках. Она была направлена в годичную командировку для совместной работы с Воарой и его штатом на разных этапах развития, чтобы по окончании доложить МФГ об успехах и будущих потребностях зоопарка. Когда мы приехали на Мадагаскар, перед началом экспедиции у нас были долгие беседы с Воарой и Фрэн, вселившие во всех нас уверенность, что через каких-нибудь несколько лет Мадагаскар будет располагать национальной зоологической и ботанической коллекцией, способной сделать честь любому крупному учреждению мира.

Питомник питомником, а как быть с теми несчастными кроткими лемурами, что еще живут на берегах исчезающего озера? Опыт показал, что очень многие не ведают о том, что зверек находится под охраной; другие знают, но совершенно не считаются с этим, ибо инфраструктура в столь бедственном положении, что бессильна заставить закон работать. Значит, нужна кампания, но какого рода и как воплотить ее на практике? И в этот самый волнующий момент Мианта подал блестящую идею. Дети. Если взрослые могут не слушать закон, то уж детей-то послушают. Идея заключалась в том, чтобы отбирать наиболее способных и одаренных учеников, привозить их на поезде в столицу и читать им лекции на тему защиты природы, водить на экскурсии по парку Цимбазау и показывать им редких животных и растения. Параллельно с этим мы на Джерси выпускаем красочный плакат, объясняющий необходимость защиты безобидных лемуров, которые не встречаются больше нигде в мире. (Этот факт производил сильное впечатление на всех, с кем мы разговаривали.) Плакат этот предполагалось развесить во всех школах и общественных зданиях, а также дать его детям домой. Правительство отчаянно пытается справиться с проблемами озера Алаотра и спасти его от гибели. Если ему удастся преуспеть в своих усилиях, а нам в наших, то появится шанс спасти и озеро, и лемуров.

Теперь у нас на Джерси в полной безопасности живет единственная группа лемуров в неволе. Надеемся, что они будут размножаться и мы сможем (по разрешению малагасийского правительства) рассылать их и по другим зоопаркам, чтобы не держать всех лемуров в одной корзине. Мы надеемся, что наш опыт послужит примером, чего можно достичь в борьбе за охрану природы и обеспечение ее будущего.

Глава третья. ИНТЕРЛЮДИЯ С ИНИФОРой

Пять видов черепах живет на Мадагаскаре, но самая крупная и впечатляющая — ангонока, или мадагаскарская клювогрудая черепаха (*Geochelone uniphora*). Это громоздкое создание, порою до полуметра в длину и весом до двадцати пяти килограммов, встречается только в районе залива Бали на северо-западе острова. Это самая редкая черепаха на земле (достоинство, прямо скажем, сомнительное). Когда-то ареал и численность этой черепахи были больше, но по ряду причин среда ее обитания сокращается и поголовье падает. Самое опасное для нее — ежегодные пожары в зарослях кустарников, где она обитает. Сами понимаете, передвигаясь с черепашьей скоростью, такие животные не могут убежать от огня и жарятся заживо.

Другая причина — завезенная на остров дикая свинья. Эти алчные и всеядные твари с хрюканьем взрывают почву и, обладая столь же чутким нюхом, что и их домашние собратья, используемые для поисков деликатесных трюфелей, находят черепаши кладки и поедают яйца и только что вылупившихся детенышей с тем же вкусом, как гурман — сочных устриц.

Третий источник угрозы исходит от людей. Парадоксально, но окрестные племена этих черепах не едят. Более того, их приручают и держат в курятниках

— считается, что присутствие этих рептилий оберегает кур от заразы. Так ли это, еще предстоит доказать. В общем, выбор клювогрудой черепахи невелик: либо изжариться в пожаре, либо во младенчестве стать добычей дикой свиньи, либо оказаться в курятнике в качестве профилактического средства.

Теперь этих черепах осталось от двух до четырех сотен, что, быть может, и достаточно для выживания ряда других видов, но вот беда: при столь малом количестве самцу все труднее найти себе пару. А так как брачный период у этих животных сопровождается боями между самцами, то проблема заключается и в том, что чем меньше число особей, тем труднее найти не только самку, но и достаточное количество соперников для борьбы.

В 1985 году Специализированная группа по черепахам при Международном союзе охраны природы и природных ресурсов поинтересовалась, не согласимся ли мы предпринять операцию по спасению клювогрудой черепахи. Мы согласились, и проект был передан на рассмотрение Ли ввиду ее исключительного знания и интереса к Мадагаскару. Первое, что она сделала, — обратилась к Дэвиду Кэрлу, который изучал черепах на Мадагаскаре и написал интересный доклад о текущем положении дел. В этом докладе упоминалось, что Служба вод и лесов Мадагаскара содержит семь черепах в неволе на базе в лесничестве на восточном побережье. Это было весьма неподходящее для них место: помимо всего прочего, здесь не тот климат, и шансы на размножение оставляли желать лучшего. В переговорах с властями было достигнуто соглашение, что животных лучше перевезти в более благоприятную зону и организовать там их разведение. Мы наняли Дэвида для поиска места, подходящего нашим черепахам.

После некоторых раздумий Дэвид рекомендовал лесничество Ампидзуороа недалеко от города Махадзанга. Местность подходила по климату, и главное, там на базе имелось несколько домиков, в которых мы могли проводить нашу работу. Нас здорово выручила авиакомпания «Эйр-Мадагаскар», выдавшая

бесплатные билеты на перевозку нашего драгоценного груза, и семь черепах перелетели с восточного побережья в местность, более близкую к их родному дому.

На этом этапе Дэвид выбыл из игры, решив продолжить свои научные занятия. И поскольку на Мадагаскаре больше не было первоклассных специалистов по разведению рептилий, следующей задачей, возложенной на Ли, оказались поиски в Великобритании кого-нибудь обладающего опытом и одержимого желанием окунуться с головой в дикую природу Мадагаскара за символическую плату и на неопределенное время. (Черепашки, как известно, не спешат, в том числе и замуж.) Когда Ли уже впала в отчаяние, будучи не в силах найти желаемого титана черепахиологии, в нашу жизнь вошел Дон Рид; прежде всего бросилось в глаза его замечательное внешнее сходство с кинозвездой Мелвином Дугласом, а следом выявился его жизненный интерес ко всем животным, и в особенности земноводным и пресмыкающимся — от черепах до древесных лягушек. Это означало, что, как только Дон включится в работу, за судьбу проекта можно не беспокоиться.

Это был первый проект в жизни Ли, и вскоре она убедилась: одно дело — задумать и совсем другое — запустить. Ее телефон надрывался, как хор тропических лягушек или сверчков, не зная покоя ни днем, ни ночью. Каждый день почта мешками приносила письма, связанные с проектом. Бедные черепахи, тихо ползая по своей все уменьшающейся территории, конечно же и не подозревали, какие предпринимаются титанические усилия по их спасению. Но точно так же они не подозревали обо всех подводных камнях и терниях — узнали бы, так у них случился бы коллективный нервный приступ, и тогда бы они уж точно все до одной околели.

Так или иначе, но средства в конце концов удалось собрать, и Дон отправился напрямик на Мадагаскар. Как выяснилось, черепашки хорошо прижились на новом месте и даже начали размножаться в первый же год пребывания в Ампидзуороа. Если дальше так пойдет, следующим шагом мог бы быть план создания заповедника для мадагаскарской клювогрудой черепахи где-нибудь на территории их естественной среды обитания. Этот проект по спасению черепах был куда сложнее и требовал куда больше средств; конечно, мы горячо обсуждали, где лучше всего устроить заповедник, и разрабатывали многочисленные способы защиты черепах от свиней, собак, скота и людей, но все это выглядело делом будущего. На данном этапе оставалось радоваться первым достижениям.

Когда мы отправились на Мадагаскар на поиски ай-ай, Ли, естественно, загорелась желанием узнать, как идут дела с черепашиным проектом, в который она вложила душу. Убедившись сперва, что наши кроткие лемуры живы и здоровы благодаря заботе Жозефа, мы полетели в Махадангу, где нас встретил Дон и отвез за семьдесят миль в Ампидзуороа, где находилась также администрация заповедника Анкарафанцика, одного из крупнейших на Мадагаскаре. Там мы познакомились с ассистентом Дона по имени Жермен. Это был маленький стройный мальгаш, который отвечал улыбкой и смехом на все, что бы ни сказал ему Дон, кроме случаев, когда дело касалось черепах: тогда его лицо становилось серьезным и он слушал ценные указания с огромным вниманием. Ловя науку на лету, он быстро приучился к ежедневной рутинной работе с рептилиями, и когда попал к нам на Джерси, закончил курс обучения

блестяще. Впрочем, кое-чего он еще не умел — например, брать у черепах кровь на анализ или проделывать иные хитроумные манипуляции, необходимые для поддержания вида в должном состоянии, но, видя его сообразительность, можно было не сомневаться, что овладеть всеми этими премудростями для него — вопрос времени.

В тени деревьев на краю заповедника Дон заложил и выстроил жилища своим подопечным. Они были чрезвычайно просты по конструкции — горизонтально положенные бревна, точно поваленные телеграфные столбы, образовывали забор. Он и не должен был быть высоким — ведь черепахи перелезть не могут. У каждой такой площадки имелся участок с крышей из пальмовых листьев, куда черепахи залезали, прячась от солнечных лучей. Кроме того, был сооружен большой навес из пальмовых листьев, где черепахам готовили еду на больших поддонах из нержавеющей стали. Меню включало траву и овощи, иногда сырое яйцо как источник белка.

Каждая площадка достаточно просторна, но при необходимости ее размер увеличивался в три — пять раз путем удаления внутренних перегородок. Например, для брачных игр. У этих черепах под головой имеется необычный выступ, напоминающий клюв (отсюда и название вида), играющий роль боевого оружия. Видимо, самцу необходимо ощутить эмоциональный подъем, перед тем как делать предложение, а для этого нужна победа в поединке. Одиноким же кавалер, окруженный даже самыми соблазнительными и сладострастными (по черепашьим меркам) невестами, только ползает по кругу, не обращая внимания на подружек. И все из-за того, что не с кем помериться силами. Оказаться единственным кавалером в салоне прекрасных дам — мечта любого донжуана, но только не из породы клювогрудых черепах. Здесь путь к семейному счастью лежит через кулачный бой. Но вот соперник объявился — и начинается удивительное по зрелищности сражение.

Оба дуэлянта, круглые, как Твидлдум и Твидлди, сходятся к барьеру торжественным (по черепашьим стандартам) шагом. Затем сцепляются панцири и в дело пускается «клюв», называемый на местном наречии «ампондо». С его помощью каждый старается опрокинуть противника и тем завоевать победу. Соперники шатаются взад-вперед, как борцы сумо, поднимая крошечные облачка пыли, меж тем как дама сердца с восхищением смотрит на схватку, как гурман на пудинг. Наконец одному из дуэлянтов удастся правильный прием — и противник повержен. Победитель идет к Прекрасной даме, а соперник, изрядно промаявшись и помахав ногами в воздухе, возвращается-таки в исходное положение и с тоской во взоре уползает прочь. Ни травм, ни крови — только стимул и воля к победе. Как, впрочем, и у других животных.

Наш нынешний приезд не совпал с черепашьим брачным периодом, да мы насмотрелись этого зрелища в прошлые годы. Теперь нас интересовало нечто куда более ценное — конечный результат этих схваток.

Дон повел нас к небольшой площадке, тщательно укрытой от ястребов, змей и собак, не говоря уж о главной хищнице под названием фосса

— огромной мадагаскарской кошке с вытянутым телом.

— Вот, пожалуйста, последний выводок, — сказал Дон, не скрывая триумфа. Он наклонился и тут же посадил на подставленные ладони Ли четырех только что вылупившихся детенышей.

— Вот это да! — восхитилась Ли. — Ну разве не прелесть?

Еще бы! Точно держишь в ладонях четыре согретых солнцем морских камушка, гладко отшлифованных ветром и волнами. Ли склонилась над ними — и залюбовалась светом, излучаемым их нежными глазками, инкрустированными словно кусочки оникса. У черепашат острые коготочки, напоминающие золотые полумесяцы, а крепкие ножки торчат из панцирей с затейливым рисунком, будто окаменевшие листья у ископаемого дерева-пигмея. К чему все бумажные отчеты, когда держишь в руках плод труда своей души! Держишь — и забываешь долгие месяцы раздумий и планирования, выпрашивания денег и пробивания бюрократии. Эти похожие на пирожки с хрустящей корочкой детеныши являли собой будущее своего рода. Мы знали, что, если сейчас оградим их от невзгод, они станут мощными, словно рыцари, закованные в броню, и каждый сезон будут устраивать рыцарские турниры, сражаясь за сердца Прекрасных дам, чтобы, как и в доисторические времена, появлялись на свет столь необычные создания, напоминая и потомкам в грядущие века, с чего начиналась жизнь на Земле, и удивляя их своим редким обликом и привычками. Конечно же, у Ли, Дона и Жермена были все основания гордиться.

— Ну, хватит, — сказал я супруге. — Ты бы еще всплакнула над ними. Перестань, а то избалуешь!

Она неохотно вернула детенышей под защиту надежной крепости, и мы уселись в прохладной тени тиковых деревьев выпить за здоровье этих крошек теплого виски из треснутых стаканов и щербатых кружек.

Позади домиков лесничества Дон разбил огород, на котором пытался выращивать различные растения на корм своим подопечным. Огород был обнесен сделанным на скорую руку заборчиком из веток, на случай, если забредет какой-нибудь не в меру любопытный зебу. Я снова наполнил все стаканы и произнес тост: «Черепахи всех стран, соединяйтесь! Вам терять нечего, кроме своих панцирей!» И тут же заметил краем глаза что-то белое и до боли знакомое.

Присмотревшись, я обнаружил, к своей радости, что к нам пожаловало стадо особенно любимых мною малагасийских лемурув — замечательных лесных акробатов из рода сифака. У этих животных молочно-белая густая шерсть с шоколадными пятнами на плечах и бедрах, а шкурка на темени напоминает орех, как если бы они носили тубетейку. Их огромные золотистые глаза сияют, словно у блаженных, но ловкость их движений потрясает. Пожаловавшее к нам стадо состояло из шести взрослых животных; у некоторых самок были крошечные детеныши, похожие на леших. Гости расселись по веткам и по краю забора. Кто тихо чистился, кто просто сидел, откинув голову и раскинув руки, стремясь захватить как можно больше целебных вечерних лучей. Тут самый смелый вызвался добровольцем в разведку — совсем по-человечьи слез с дерева, поскакал к забору и мгновение посидел на нем, высматривая, нет ли опасности. После этого он доскакал, до другого конца забора прыжками на зависть любому кенгуру — футов по шесть каждый — и, сделав финальный прыжок в двадцать футов, оказался в полной безопасности среди деревьев. Остальные члены команды, убедившись, что мы не растерзали их собрата на куски, повторили путь смельчака и, повисев на ветках прямо у нас над головами, разыграли самое фантастическое представление. Они прыгали с дерева на дерево, улетая с каждым прыжком за тридцать футов, а затем сверху броса-

лись на расположенную прямо над нами ветку, не целясь и не отмеряя расстояния, и тем не менее попадали с безупречной точностью. Так они поиграли над нами несколько минут, демонстрируя столь блестящие акробатические номера, что любой директор цирка тут же полез бы в карман за чековой книжкой и бланком для контракта. Но, видимо решив, что надоели своим присутствием, все как один, словно белый шквал, умчались подальше в лес.

Вздыхнув от наслаждения, я повернулся к Дону:

— Ну как? Видел ты что-нибудь подобное в балете или акробатике? Тут даже русским танцовщицам и спортсменкам есть чему позавидовать. Спасибо, что устроил все это как раз к выпивке.

— Не стоит благодарности, — скромно сказал Дон. — Мы тут в лесу живем одной жизнью со зверями. Они нас слушаются с полуслова.

— Ну, хватит бахвалиться, — строго сказал я. — Как там насчет обещанного заплыва?

Мы пошли через лес и дошли до берега озера — огромного безмолвного зеркала бурой воды, окаймленного лесом, словно зеленым каракулевым воротником. Вода освежала, хотя была теплая, как парное молоко.

— А как тут обстоят дела с крокодилами? — спросил я, когда мы заплыли далеко от берега.

— Да попадают, — сказал Дон, — только, как правило, не показываются на глаза.

— Значит, так. Вы с Жерменом поплывете впереди, и когда кто-нибудь из вас исчезнет, это будет нам знаком возвращаться.

— Да они совсем безопасны, — заметил Дон. — По правде говоря, скорее они испугаются нас, чем мы их.

— Не думаю, — возразил я. — Я-то помню, сколь красноречиво писал о крокодилах Реверенд Сибри.

А писал он действительно красноречиво. В эпоху Сибри — конец XIX века — этих рептилий, возможно, было больше, нежели теперь, ибо сколько их пошло на разные сумочки, туфли и чемоданы для европейских леди и джентльменов, — так что он пишет о них в таком вот свете:

«Эти рептилии столь многочисленны, что в иных местах представляют собою подлинно чуму. Они часто утаскивают овец и более крупный скот, а порою женщин и детей, неосторожно зашедших в воду или даже оказавшихся рядом с нею».

Далее в своей превосходной книге он пишет так: «Вскоре мы познакомились с крокодилами: один из них лежал на берегу и грелся на солнце как раз недалеко от места, откуда мы начали свой путь. За день мы повидали их немало

— пусть меньше, чем другие путешественники до нас, но все же десятка два-три, причем некоторых на близком расстоянии, позволявшем рассмотреть их отчетливо. Большинство имело светлосерую окраску, иные синева-то-серую, а некоторые были покрыты черными пятнами; в длину достигали от 7-8 до 14-15 футов. Голова маленькая, спина и хвост зубчатые, как пила. Обычно лежат, широко раскрыв челюсти; нам нередко случалось спугнуть их веслами, когда мы проплывали мимо».

Впрочем, наш заплыв прошел спокойно и не был нарушен появлением кровожадных рептилий. Мы лениво разгребали руками воду и болтали о том

о сем.

— Представляешь, Жермен считает Шекспира смешным. Вот беда-то с ним! — сказал Дон, показывая пальцем ноги на ухмыляющуюся голову Жермена.

— Кого-кого? — изумился я.

— Шекспира. Каждый раз, когда я начинаю декламировать мои любимые отрывки из «Генриха V» или «Венецианского купца», он так заливается, что чуть не тонет.

— Да неужели он что-нибудь в этом понимает?

— Вообще-то ни слова, — хмуро сказал Дон. — Но нельзя же так: жизнь пройдет, а он и понятия не будет иметь о классике.

— Да, это действительно жутко, — согласился я.

И тут Жермен, послав мне широченную улыбку, погрузился под воду, испустив множество пузырьков.

Чтобы отметить наше прибытие, Дон организовал вечеринку. Весть об этом донеслась до самых отдаленных деревень по всей округе, и каждая самая маленькая община собиралась прибыть всем составом. Для праздника было выбрано широкое пространство подальше от домиков лесничества, освещавшееся свечами и лампами-молниями.

«Как же обходились люди в глуши до появления этого простого, но бесценного изобретения?» — задавался я вопросом. Лампа эта сияет золотым, как крокус, светом, точно маяк, приветствуя возвращающихся в лагерь после трудового дня. Я наблюдал, как при свете лампы-молнии женщины вышивают самые изощренные узоры, а мужчины вырезают самые прекрасные фигуры; как с довольным кваканьем собираются вокруг нее толстые жабы — еще бы, ведь на свет летит столько насекомых! При свете лампы-молнии я наловчился проводить операции, которые сделали бы честь хирургам с Харли-стрит: вскрывал гнойники и вынимал занозы деревенским детишкам; извлекал с ловкостью карманника землю и щепки из ссадины на голове моей прачки, свалившейся головой вниз в реку с тридцатифутовой высоты; накладывал жгуты одному пьянчуге, который, набравшись пальмового вина, оттяпал себе три пальца мачете; при ее дружеском свете я вставал ночью кормить детенышей — то антилопы, то муравьеда, то гамадрила, а то и туземного человеческого детеныша. Безвестному изобретателю этого прибора следовало бы воздвигнуть памятник где-нибудь в таком месте, где электричество известно только в виде молнии, а единственным постоянным источником света являются луна и гнилушки.

Когда все было готово к празднеству, Дон поехал в нанятой машине за гостями из отдаленных деревень. Выбор напитков был богат: виски, местный ром (который облегчает вам желудок и заставляет выписывать ногами вензеля) и неизбежная кока-кола для тех, кто пьет спиртное только в разбавленном виде и кто еще слишком молод, чтобы выдержать электризирующее воздействие рома. Мало-помалу стали прибывать местные жители — слышался шорох босых ног по теплой пыли, и из тьмы стали возникать белозубые смуглые лица; потом панорама расцветилась красочными лампа, воздух наполнился тихим шепотом, похожим на жужжанье пчел в улье, — все волновались, как дети, ждущие прихода Деда Мороза. По мере того как Дон ездил туда-сюда, росла толпа, а с ней и шум. Зазвенели стаканы, зазвучали здравицы, а кое-кто

принялся наяривать на валиа— инструменте, без которого на Мадагаскаре не обходится ни одно празднество. Этот инструмент, имеющий отдаленное сходство с другими щипковыми — цитрой, балалайкой, банджо, гитарой, — состоит из куска бамбука в три-четыре фута длиной, играющего роль резонатора. Струны сделаны из толстого внешнего покрова бамбука и натянуты на деревянный мостик. Когда по ним пробегаешь пальцами, извлекается мелодичный, но тем не менее скорбный звук, и, однако же, слушаешь с наслаждением. В общем, имея в руках только перочинный нож и нужных размеров бамбук, можно создать нечто способное составить конкуренцию Страдивари.

Итак, обитатели четырех окрестных деревушек были в сборе — и музыка началась. Четыре валиа, один барабан и несколько флейт затянули повторяющуюся, но гармоничную и сладостную мелодию. Припасенный нами ром хорошо пошел, и публика пустилась в пляс. Танцевальная площадка, пестревшая от ламба, которые носили как мужчины, так и женщины, напоминала не то пляшущую клумбу, не то калейдоскоп.

Вечер имел большой успех. По мере того как крепкие напитки разливались по жилам, музыка и пение звучали все громче. В два часа ночи мы с Ли валились с ног, но местные казались даже свежее и бодрее, чем в момент прибытия. Мы не выдержали и отправились спать, слушая счастливое воркование голосов, щемящие звуки оркестра, звон бутылок и топот танцующих ног.

Наутро, завтракая черным кофе с сахаром, печеньем и ароматными бананами длиною в палец, мы заметили, что Дон клюет носом.

— Ты когда же отправился спать? — спросила Ли.

— А я и не ложился, — ответил Дон, отхлебнув кофе и пожав плечами.

— Значит, ты оставался до победного? — удивился я.

— А что было делать? — молвил Дон. — Как бы они иначе возвратились по домам?

— Ах да, ты был у них за извозчика, — сказал я.

— Да если б только это! Знаешь, что я не сразу заметил? Набьются человек пятнадцать, а сходят пять — остальным десяти так понравилось кататься! Слава Богу, я сообразил... когда сделал вдвое больше концов, чем нужно.

— Ничего страшного, — утешил я Дона. — Пойдем-ка лучше на свидание с крокодилами. Мне тут один рассказывал: подерешься с крокодилком — и весь хмель мигом вон.

Мы отправились к озеру и погрузились в прохладу бурых вод. Мокрый от росы лес сиял миллионом оттенков зеленого цвета. В его глубине шпорцевая кукушка возвещала наступление нового дня; ее приятный для уха крик заканчивался булькающими звуками, от которых, казалось, лес звенит. Голос местной кукушки чист, зычен и соблазнителен, как и у нашей родной кукушки.

Вдоволь наплававшись и освежившись, мы вернулись на базу, чтобы оттуда ехать в столицу, и Ли в последний раз взглянула на крошечных, словно пришедших к нам из допотопных времен существ, ползавших по своим площадкам, как заводные игрушки.

— Так у тебя их теперь тридцать одна? — спросил я, нежно держа черепашку между большим и указательным пальцами и ощущая мягкость ее панциря

— точно промокашка. Черепашка шевелила головой и ногами, не желая над собой насилия, и, едва я опустил ее на землю, маленькое создание бросилось под укрытие из листьев во всю черепашью прыть.

— По-моему, мы и так здорово постарались, — сказал Дон, — но при случае сделаем еще лучше.

— Тогда их вам будет некуда девать, — заметила Ли, со счастливой улыбкой целуя черепашонка в нос, к явному удивлению и раздражению Дона.

Глава четвертая. ПРЫГАЮЩИЕ КРЫСЫ И КАПИДОЛО

Сойдя с самолета в Мурундаве, мы словно попали в финскую баню. Очутиться после приятного средиземноморского климата Антананариву (именуемого в дальнейшем просто Тана) в таком аду оказалось шоком для нервной системы. Легкие не могли вдыхать перегретый пар, а тела моментально взмокли. С выцветшего неба нещадно жарило солнце; ни ветерка, ни облачка, каковое могло бы бросить спасительную тень. Каждый шаг по раскаленной земле, на которой можно было печь блины, давался с колоссальным трудом и потом. Грезилось о шумящих над тобой вентиляторах с лопастями, как мельничные крылья; о речке с прохладной зеленой водой; о звенящих хрусталиках льда в заиндевевшем стаканчике мороженого, — словом, обо всем, что могло бы доставить прохладу, но наяву нам, судя по всему, было не обрести ее, во всяком случае в обозримом будущем.

Нас встречали Джон Хартли со своей женой Сильвией, недавно присоединившейся к нашей экспедиции. и весь взмокший и оттого угрюмый, но, как всегда. настроенный решительно Квентин Блоксэм, именуемый в дальнейшем просто Кью.

— Как дела? — спросил я, когда мы погрузились в «тойоту».

— Вроде неплохо. Две крысы и несколько капидоло, — сказал Квентин, не скрывая триумфа.

— Здорово! — восхитился я. — Мне не терпится увидеть.

— А как дела в лагере? — спросила Ли.

— Жарко! — только и сказал Джон. — Жарища жуткая.

— И полно мух, — добавила Сильвия. Впрочем, она со своей безупречной прической и большими голубыми глазами выглядела так, будто вышла за покупками на Бонд-стрит, а не приехала из кишашего мухами лагеря в глухих лесах.

— Похоже, туда слетелись мухи со всего света, — угрюмо произнес Квентин.

— Но ведь хуже, чем в Австралии, не будет? — возразил я. — Мне рассказывали, что в Австралии, когда человек идет по улице и машет рукой, то это не потому, что он знает в городе всех и каждого, а потому, что отгоняет мух.

— Поживем — увидим, — мрачно отозвалась Сильвия.

— Мы решили, что прежде чем полетим домой, заедем в столицу, чтобы приобщиться к цивилизации, — сказал Джон. — Ты как, креветок любишь?

— Если хорошо приготовлены, съем без разговоров, — рассудительно молвил я.

— Вот и отлично, — сказал Джон. — Пошли в гостиницу, тут неподалеку, там ресторан с видом на пляж и прохладный ветер с моря. А креветки там — пальчики оближешь!

— Действительно роскошные, — добавила Сильвия.

— И здоровые, как слоны, — задумчиво сказал Квентин.

Мы поехали по изрытой дороге к отелю и вскоре остановились у заросшего гибискусом сада, утопавшего в бугенвиллее. Ресторан представлял собой большую, открытую с трех сторон деревянную конструкцию, выходящую на дикий

песчаный пляж, на который с тихим шумом накатывались небольшие волны с белыми гребешками. Здесь мы наконец-то оказались в спасительной тени, и устойчивый прохладный бриз высушил наши взмокшие тела. Хозяйка гостиницы, крупная смуглая мальгашка с широким, но не пухлым лицом и сияющей словно прожектор улыбкой, вскоре поставила перед нами батарею запотевших бутылок пива из холодильника; за ним последовали блюда с огромными креветками цвета заходящего солнца, жирными и сочными; к ним подали миску риса, поглотить которую мог бы, наверное, только Гаргантюа, и еще целый набор редкостных и деликатесных малагасийских закусок, среди которых, к моей радости, оказались земляные орешки — по-местному «вондза бори»: круглые, мягкие, желтовато-коричневые или просто коричневые, каждый размером с ядро обычного лесного ореха. Их готовят в горячем соусе со стручковым перцем, помидорами и репчатым луком; вкус же у них примерно как у кнедликов. Покончив с креветками, рисом и земляными орешками, мы почувствовали себя как нельзя лучше: насытившиеся, в прохладе, убаюкиваемые шумом моря, мы готовы были ответить на любой вызов и любую глупость, которую готовил нам окружающий мир. Квентин высказал предположение, что после сиесты неплохо было бы поплавать, но мы скрепя сердце отказались от этой затеи, решив, что долг зовет и нельзя тратить столько времени на наслаждение прелестями Мурундавы.

Место, где расположился лагерь, находилось примерно в тридцати милях от Мурундавы в лесу Киринди, арендованном швейцарцами у правительства Мадагаскара. Там ставились весьма интересные эксперименты, которые, в случае успеха, могли бы принести огромную пользу лесам всего острова. Здравый смысл лесного хозяйства во всем мире заключается в том, что повалу и вывозу подлежат только деревья определенного размера, но как бы тщательно ни применялся этот метод, он неизменно влияет на экологию леса. Срубленное дерево подминает под себя и тем самым губит множество молодых; еще большее число их гибнет, когда дерево выволакивают. Для упрощения вывоза поваленных деревьев лес, подобно шахматной доске, прорезывается просеками на квадраты. Весь процесс в целом наносит ущерб хрупкой экосистеме леса, а если добавить к этому, что вместо срубленных деревьев обычно «забывают» высаживать молодые, то трудно назвать «рациональным» такое использование возобновимого природного богатства.

Швейцарцы изыскивают способы восстановления лесов путем высаживания взамен срубленных деревьев молодых саженцев тех же пород. На Мадагаскаре лес возят на тележках, в которые впрягают зебу; швейцарцы колдуют над улучшенными конструкциями этих повозок, чтобы получить возможность сузить просеки. Серьезнейшая проблема заключается в том, что тропические виды обычно растут медленно, и под «заботой о будущем» подразумевается, что это будущее наступит не скоро. А времени на раздумье не так много; девяносто процентов лесов, некогда покрывавших Мадагаскар, к настоящему времени исчезло.

Тропические леса на самом деле не столь могучи, как это кажется при взгляде на деревья-великаны. Деревья питаются тем слоем гумуса, большая часть которого образуется из остатков мертвых листьев и ветвей того же дерева. Стоит уничтожить деревья, как солнце, ветер и дождь слизнут тонкий плодородный слой с такой же легкостью, как человек сдувает пыль с книжной об-

ложки. Останутся только скальные породы, на которых ничего расти не сможет.

Швейцарский план заключается в разработке приемлемого пути использования леса путем внедрения разумной системы вырубок и посадок. В случае успеха появится шанс, что лес на Мадагаскаре выживет и при мудром планировании станет в будущем жизненно важным ресурсом, если уйдут в прошлое хищнические порубки ради сиюминутной выгоды.

В западной части острова, где обосновался наш лагерь, лес не имеет ничего общего с остатками густого, влажного, пышного леса, еще сохранившимися в восточной части. Здесь деревья не столь высоки и скорее напоминают лиственные леса Англии. В окраске стволов и ветвей преобладают серебристые и пепельные тона. Дожди выпадают редко, но стоит чуть-чуть поморосить, как ветви покрываются нежной зеленью, а если внимательно присмотреться к коре, то можно увидеть, как из-под нее пробиваются, словно зеленые наконечники копий, новые почки.

Эти сухие леса Мадагаскара — родной дом баобабов. Массивные и пузатые, они выстраиваются вдоль дорог, пробиваются сквозь меньшие деревья, возвышаясь на восемьдесят футов и более, словно батарея бутылок из-под кьянти, а в их дородных стволах могла бы разместиться небольшая комната. Глядя на их смешные маленькие переплетающиеся ветви, можно подумать, будто кто-то вымыл баобамам голову и не знает, как причесать. Или другая идея приходит в голову: за какой-то тяжкий грех Всевышний вырвал их из земли и воткнул обратно корнями вверх; так они и обречены маяться во веки веков.

Есть в Парагвае и Аргентине очень симпатичные деревья, которые там называются «пало борачо» — «пьяный ствол»; дородство тоже одно из их достоинств, но у них нет того напыщенного фальстафовского великолепия, что есть у баобабов. Порой воображаешь, как ночью, при свете месяца, они каким-то образом выбираются из земли и, собравшись на таинственную сходку и взбодлив себя добрым сладким черным ромом, шушукаются друг с дружкой. Одна из самых печальных сцен, свидетелем которой я стал, случилась на истомленном засухой юге Мадагаскара: в отчаянной попытке спасти гибнущий от жажды скот люди спилили гигантские баобабы и стесали их серебристую кору, чтобы зебу могли добраться до влажной волокнистой сердцевины. Деревья, которые росли, может быть, сотню лет, в одно мгновение нашли свою смерть, став поилкой для животных. Но даже этим предсмертным жестом баобаб явил свою доброту...

Мы двигались по бурой пыльной дороге, и летевший навстречу теплый ветер скорее добавлял дискомфорта, чем облегчал его. Но вот мы очутились у приютившегося среди баобабов озерка, окаймленного зарослями тростника, трав и папируса и расцвеченного огромными листьями водяных лилий, словно щитами гербов. Я рад был увидеть обитающих на озере птиц якана, охотно селящихся там, где растут водяные лилии. Аристократизм и изящество этих пернатых послужит украшением любой водной глади, большой или малой; особенно хороша картина, когда якана, переступая длинными тонкими артистическими ножками, прогуливаются по желтовато-зеленым дорожкам, выложенным листьями по глади воды, и точным движением хватают жука или моллюска, имевшего неосторожность выбраться на поверхность. На берегу жировали статные и невозмутимые нильские гуси, словно одетые в коричне-

вый твид. Над озерцом летали эскадроны щурок, раскрашенных во всевозможные оттенки зеленого. Щелкая черными кривыми клювами, они хватали на лету носившихся над озерцом стрекоз, шумящих слюдяными крылышками. На кроне каждого баобаба, среди забавно переплетающихся ветвей, сидели группы попугаев-ваза — их коричневато-оливковая с зеленым отливом окраска, может быть, и не столь зрелищна, но ее изящная строгость по-своему хороша, не в пример кричащей пышности попугая-ара или какого-нибудь длиннохвостого попугайчика, которые ни дать ни взять витрина ювелирного магазина Вульворта.

На другом берегу озерца, на почти голых деревьях, можно было видеть ткачиков, занятых постройкой своих круглых гнезд, похожих на корзины. Я всегда изумлялся, как эти крошечные птички с помощью только клюва и когтей «ткуют» свои волшебные гнезда, украшающие деревья, подобно экзотическим фруктам. Чуть дальше по дороге мы потревожили двух удонов в роскошном розовом с черным оперении, с убранством голов, как у Гайаваты, и длинными, кривыми, словно турецкие сабли, клювами. Они отлетели вдоль по дороге на полсотни ярдов и снова сели в бурю дорожную пыль, распушив хохолки точно веер или колоду карт.

Вскоре мы свернули с дороги и поехали по одной из просек. Она была уже, чем основная дорога, так что мы могли получше рассмотреть лес с обеих сторон. Время от времени дорогу нам перебежали крупные игуаны, девяти дюймов в длину, цвета золотистой и золотисто-коричневой карамели, с хвостами, оцетинившимися острыми выступами, как палицы средневековых воинов. Одна из ящериц с таким усердием рыла яму в бурой почве, что не удрала вслед за другими, а увлеченно продолжала рыть. Мы некоторое время понаблюдала за ней, соображая, роет ли она в поисках насекомых и личинок или — коль скоро это был брачный период — готовит яму для кладки яиц. В последнем случае, думалось нам, выбрано не самое безопасное место: стоило проехать грузовику с бревнами, и ее потомству конец. Впрочем, покопавшись еще пару минут, она неожиданно потеряла к этому занятию всякий интерес и, не обращая внимания на колеса «тойоты» в каких-нибудь двух футах от машины, юркнула в подлесок.

Мы свернули на большую поляну, по которой рассыпались камышовые и бамбуковые хижины рабочих лесничества. Тут же, под навесом из веток, для них были натянуты гамаки, а рядом располагалась большая бамбуковая хижина с верандой, куда мы сложили наше оборудование. Здесь же мы готовили, обедали, читали и вели записи. Рядом поставили свои палатки Джон и Квентин, а еще соорудили новую превосходную палатку для нас — она состояла из спальни на двоих (в которой, в случае необходимости, могли разместиться и четверо) и большого «предбанника» для оборудования. Потом из бамбука возвели баньку и «кабинет задумчивости». Впрочем, банька — слишком громко сказано: это было всего лишь выдавшее виды жестяное ведро и банка для обливания. А так как воду сюда приходилось доставлять за несколько миль из речки, то она была на вес золота. Но, по крайней мере, никто из нас не зарос грязью.

Солнце пылало над лесом с беспощадностью костра инквизиции. Любой ветерок словно запутывался в ветвях деревьев и не долетал до лужайки. Мы ополоснулись теплой водой, но в результате вспотели еще пуще. После

этого все отправились на общественную веранду, где пылали лампы-молнии и мерцал огонь, на котором готовили еду; струйка дыма и мерцание пламени придавали происходящему некое сходство с колдовством.

Колдовал же над огнем, готовя пищу, пахнущую так, что текли слюнки, сам месье Эдмонд — главный лесничий, обладавший бесценным для нас знанием леса, а главное, организаторскими способностями. Он был безмолвен и говорил, только когда к нему обращались, и имел привычку (свойственную, видимо, всем мальгашам) все время куда-то бесследно исчезать; но тем не менее за что бы он ни взялся, все получалось при минимуме возни. Он угостил нас великолепным цыплячьим жарким, за которым последовала розовая, как заря, папайя, которую он умудрился достать не знаю где: в этом лесу нет фруктовых деревьев. Полная луна, словно большой серебряный медальон, плыла по небу из черного бархата, сияя так ярко, что можно было читать, — в этом я убедился на практике.

Забравшись в палатки и укрывшись лишь разноцветными ламба, мы стали вслушиваться в звуки оркестра окружавшего нас ночного леса. Попугай-ваза — что вообще-то несвойственно попугаям — по ночам иногда часами поют друг другу песни; и в эту нашу первую ночь они добрый час упражнялись в вокале, да так проникновенно, что в их пении тонули все прочие лесные звуки. Но как только пение смолкло, мы смогли прислушаться к звукам остальных лесных обитателей. Слово краски диковинного ковра, сплетались тихие голоса насекомых — звон, жужжанье, стрекотанье, пиликанье, трели, шуршанье и гуденье. На фоне этого изысканного ковра звуков ясно слышался голос мышиноного лемура, самого маленького из всех лемуров: два таких животных прекрасно помещаются в чайной чашке. Это милейшие крохотные создания с серо-зеленым мехом и огромными золотистыми глазами; ручки, ножки и уши розового цвета и мягкие, как лепестки розы. Встречая себе подобного (предположительно чужака, вторгшегося в их владения), крошки лемуры выдают поочередно визги и трели, и тогда с залитых лунным светом веток слышатся целые встречные потоки ругательств на лемурьем языке.

Нам выпало сомнительное удовольствие послушать лемуров-маки совсем близко, парочка милых созданий пела прямо на ветвях дерева, что росло над нашей палаткой. Потоки стакато самого низкопробного сорта резали нам слух, и мы вздохнули с облегчением, когда эти Божьи твари ушли. По причинам, известным только зоологам, их называют еще «лемуры-спортсмены», может быть из-за привычки прыгать с дерева на дерево. Этих животных имеется шесть подвидов, в том числе один с впечатляющим именем «лемур-спортсмен Милна Эдвардса». Поскольку питаются они в основном листьями, которые являются весьма слабым источником энергии, предполагается, что пищеварение у них происходит путем ферментации — то есть им приходится поедать собственные экскременты, «добирая» из них неиспользованные питательные вещества. Эти создания в чем-то сходны с кошками — так же лазят по деревьям и так же ведут ночной образ жизни. У них густая коричневая шерсть и большие уши и глаза. Дневные часы спортсмены проводят, свернувшись калачиком в дупле дерева. Ночью же они ведут активный образ жизни, чередуя спортивные упражнения с песнопениями замогильными голосами.

На следующее утро удрученный Кью обнаружил, что пойманные ранее гигантские прыгающие крысы благополучно улизнули ночью. Казалось неверо-

ятным, чтобы столь крупные животные с огромными головами просочились сквозь прутья наших разборных клеток, но факт оставался фактом. Сколько раз мы убеждались в наших поездках за редкими представителями фауны, что животные (которые не читают написанных про их повадки многоученых книг) способны удивлять и потрясать самыми неожиданными поступками. У меня был даже случай, когда сбежавшее животное через несколько часов после побега вернулось *назад* в клетку, из которой удрало. В общем, мы в глубоком унынии позавтракали и, не дожидаясь, пока пробудится мушиное царство, поехали осматривать ловушки.

Дорога к местам, где были расставлены ловушки, была широкой и сравнительно гладкой; здесь грелись на солнышке и охотились десятки игуан. Некоторые из них были крупными, старыми и коренастыми, а их шипастые хвосты напоминали викторианские подушечки для иголок. Здесь также было райское место для удонов, великолепных в своем розово-бело-черном оперении, а их хохолки, похожие на веера, придавали птицам такой боевой вид, будто они отправлялись на войну против всего царства насекомых. Шагая через лес, мы потревожили небольшую группу лемуров-сифака, бросившихся от нас прочь, однако периодически останавливавшихся и наблюдавших за нами с интересом, но и с долей тревоги, — примерно так коренные обитатели благословенного Богом места наблюдают за туристами, высыпающими из автобуса.

Жилища, сооружаемые гигантской прыгающей крысой, велики по размеру и бросаются в глаза. Холмики вокруг нор указывают на то, что протяженность этих нор весьма значительна. Джон и Кью объяснили, что сперва они поставили ловушку у входа в нору, но увидели, как крыса с большим усердием прорывает обходной путь. Тогда был применен новый метод, оказавшийся успешным: ловушку заглубляли и загораживали ветками, так что крыса оказывалась перед непреодолимой деревянной стеной и путь из гнезда оставался только один — в ловушку. Как ни странно, но этим животным не приходило в голову просто прокопать второй выход.

Разумеется, обход ловушек есть скучная, рутинная работа, но после осмотра пустой ловушки остается надежда, что уж в следующей-то что-нибудь да будет. Между тем солнце поднялось над верхушками деревьев и стало невообразимо жарко. Ни малейшего шума, ни ветерка; казалось, лес, через который мы идем, написан масляными красками на холсте. Наконец мы подошли к первой ловушке, где, к нашему изумлению, сидела, удивленно оглядываясь, гигантская прыгающая крыса. Мы высвободили ловушку из веток. Наша добыча, хотя и была слегка встревожена, перенесла процесс вполне флегматично. С огромной осторожностью мы отнесли ее к «тойоте», — теперь другим настал черед осматривать остальные ловушки, а мне — следить за крысой, чтобы не удрала.

Животное было размером с небольшую кошку, с длинным толстым лысым хвостом, большими, но изящными розовыми лапками и огромными розово-серыми ушами, похожими на изысканные цветы. На первый взгляд это существо кажется совсем непохожим на крысу, скорее на одного из тупомордых коней с римских скульптур. Оно смотрит сквозь толщу белых жестких усов, словно через сетку кружев. Я попытался скрепить нашу дружбу, вручив крысе кусок сахарного тростника, но она взглянула на меня с таким выражением ужаса — ни дать ни взять гурман, которому официант подал живого лангуста.

Как и многие животные из малагасийской фауны, эти крупные крысы встречаются только на этом острове и, насколько нам известно, только на этом небольшом участке леса. А поскольку лес не застрахован от вырубки, то при столь узком ареале их будущее видится, мягко говоря, печальным.

Насколько я знаю, единственное исследование с целью пролить свет на личную жизнь этого странного грызуна было предпринято в 1988 году Джеймсом Куком, организовавшим десятидневную экспедицию. Среди прочих тонкостей было открыто, что жилище воситсе (как этого зверька называют по-мальгашски) обычно имеет несколько входов, многие из которых закрываются мусором. Когда животное находится дома, но не принимает гостей, туннель блокируется свежевыкопанной грязью. Во многих случаях в таких жилищах обитает пара (или тройка) взрослых крыс и потомство. Животное ведет строго ночной образ жизни и выходит на поиск фруктов, цветов и нежной коры молодых деревьев при лунном свете. Согласно Куку, крыса покидает свою нору, действуя мощными задними лапами. Выйдя на свободу, она садится у норы и чистится. Весьма странная манера поведения: если животное покидает нору для того, чтобы сбить с толку хищника, терпеливо дожидаясь снаружи, так для чего же сидеть и заниматься личной гигиеной, требующей отвлечения внимания от внешнего мира? Впрочем, мои наблюдения над млекопитающими Мадагаскара показали, что большинство представителей местной фауны не слишком-то сообразительны, так что удивляться тут, собственно, нечему.

Вскоре вернулись остальные члены экспедиции с известием, что все ловушки удручающе пусты, и мы отправились с единственной крысой в лагерь, где она была помещена в большую клетку, обмотанную проволокой так, что убежать из нее было столь же трудно, как из Бастилии. На обратном пути, когда все сошлись во мнении, что одна крыса все же лучше, чем ничего, Кью неожиданно издал дикий, душераздирающий крик, сравнимый разве что с призывным криком бронтозавра в брачный период, и с силой нажал на тормоза, отчего мы затряслись, как Панч и Джуди, застигнутые ураганом. Я решил, что его укусило какое-нибудь из вредных насекомых, обитающих в лесу, но ошибся.

— Похоже, мы переехали капидоло, — сказал он удрученным тоном, словно некто, обнаруживший, что растопил печку неизданной рукописью Шекспира.

Сообщение повергло нас в ужас.

— Как ты мог?! — спросила Ли. — Бедный он, бедный...

— Мы же ловим их, а не истребляем, — сострил я.

— Я не мог объехать, — сердито заявил Кью. — Пусть не шляется по проезжей части!

— И пусть не переходит улицу в неподобающем месте, — тихо добавил Джон.

— Лучше выйдем и посмотрим, — предложил я.

Кью вылез из «тойоты» с таким видом, будто шел за гробом кого-то из членов правительства. Вдруг он издал радостный крик и вернулся с неповрежденным капидоло в руках. В молодости эти животные, возможно, самые красивые из всех черепах, но, к несчастью, к старости их панцири сжимаются, становятся овальными и приобретают грязно-серую окраску. В противоположность им, молодые особи играют всеми цветами, их панцири раскрашены в

ореховый, черный и светло-желтый. На голове, между светящимися глазами и верхней губой, светло-желтая отметина, создающая впечатление, что животное носит усы, какие носили наши прадедушки. Этой черепахе было, наверно, годика два, и у нее по-прежнему был круглый, сияющий, как у младенца, панцирь.

Капидоло, иначе плоская черепаха, — странное и вместе с тем обаятельное создание, о котором известно немного. Она живет только на крошечном участке сухого леса в западной части острова, где бывает два сезона: теплый сезон дождей, когда жара может достичь отметки 45 градусов по Цельсию, длящийся три — пять месяцев, и холодный сухой, длящийся семь-восемь месяцев. Судя по всему, наибольшую активность эти животные проявляют во время ливней и после них, тогда как в сухой сезон (и ночью) они забираются под толстый лиственный покров на почве. Считается, что они откладывают одно довольно крупное яйцо за каждую кладку, но сколько бывает кладок в год — не выяснено. Предполагают (хотя уверенности в этом нет), что на продолжительный сухой период капидоло зарываются под землю и вылезают на поверхность в сезон дождей для размножения. Как и во множестве случаев, не только на Мадагаскаре, но и по всему миру, есть опасность, что мы перебьем этих бедняг прежде, чем разузнаем подробности их образа жизни. Да и лес, где они обитают, катастрофически сокращается, так как люди вырубают его на дрова и под пастбища. Когда истребят лес, то не только исчезнет капидоло, равно как и крыса-воситсе, которым негде будет найти пристанище, но и людям придется не сладко.

* * * Вернувшись в лагерь и поместив наши трофеи в подходящие клетки, мы решили, что неплохо бы выпить пива. Видно, того же самого захотели и мухи. Я-то надеялся, что жалобы компании на их количество были преувеличением. Какой же меня постиг шок, когда я убедился, что друзья, напротив, преуменьшали!

Во-первых, там были обычные комнатные мухи. Но от этих я по крайней мере знал, чего ожидать. Когда я налил стакан и заткнул пробкой горлышко бутылки, то обнаружил, что в нем уже нашли себе могилу по крайней мере десятков мух; я был слишком удручен, чтобы попытаться определить их. Они были округлые и размером примерно в половину нашей европейской мухи, которая так досаждала на кухне. Очевидно, они слишком ревностно отнеслись к задаче сопровождать нас с восхода до заката. Скорость, с которой они забирались в тарелку с едой или стакан с пивом, казалась невыносимой. Колышки, на которых держались палатки, чернели от них; насекомые так густо покрывали стол, что казалось, будто на нем живая скатерть. Многие в свободное от основного дежурства время залезали в ухо и знакомили с последним шедевром мушиной поп-музыки, причем ни мелодия, ни слова не были ни более благозвучны, ни более понятны, чем в обычной человеческой песне в стиле поп. Они напевали свои серенады, поднимаясь по ногам, рукам, лицу и другим открытым частям тела; но особое наслаждение испытывали они, когда кто-нибудь из нас был особенно незащищен, моясь в баньке или сидя в галюне.

Но Всевышнему, как видно, показалось мало ниспосланных нам мучений. Когда солнце стояло в зените и палило, как печь хлебопекарни, к обычным мухам присоединялись еще и мухи-галикты. Маленькие, круглые и блестя-

щие, с полупрозрачными крылышками, они досаждали еще больше, чем вышеописанные мухи. Появляясь внезапно, тише тени, они садились на нас целыми полчищами. Из-за их тяги к влаге наша одежда, взмокавшая под палящими лучами солнца, становилась для этих тварей манной небесной. Они так покрывали наши руки, лица и ноги, что со стороны можно было подумать, будто мы в одночасье заразились ветряной оспой в тяжелой форме. Эти изверги набивались в ноздри, в уши и, что было особенно мучительно, в глаза. Убивать их доставляло мало удовлетворения. Одним ударом ладони можно было прихлопнуть до полсотни и более, но на их место тут же являлись полсотни новых, и издевательство, способное свести с ума кого угодно, начиналось сызнова. Я нередко думал, что, если отловить шпиона иностранной державы да поддержать голышом в нашем лагере, он быстро бы во всем сознался без всяких иных пыток.

Чуть позже, когда мы становились неменяемыми от обычных мух и галиктов, налетали слепни — тихо, быстро и незаметно. Но каждый из них был вооружен даже не хоботком, а ленточной пилой, так что их присутствие обнаруживалось тут же. После них на теле оставались такие следы, будто какой-нибудь миллионер погасил о вашу кожу дорогую гаванскую сигару.

Но самое парадоксальное в отношении этих назойливых насекомых заключалось в том, что когда смотришь на расчлененную муху или комара под микроскопом, то сразу же очаровываешься гармонией их архитектурной конструкции. Сложный глаз комнатной мухи, например, представляет собой чудо дизайна. Крылья иных из подобных насекомых под микроскопом столь изящны, что с ними не сравниться даже витражам собора в Шартре. Право, если тебе довелось изучить под микроскопом невероятно изощренный и интригующий узор, ты даже чувствуешь себя виноватым, что рассек на части создание, обладающее таким соразмерным обликом. Семейство мух, безусловно, обширно и чрезвычайно распространено по всему свету. Они могут жить везде, где может жить человек, но могут жить и размножаться там, где человек не способен выжить, не то что рожать детей. Мухи-береговушки могут жить и размножаться в таких засоленных местах, что диву даешься, как новорожденные мушки способны выдерживать. Другие виды, по одним только им известным причинам, живут в горячих источниках Исландии, Америки, Японии и Новой Зеландии; их потомство превосходно переносит температуру до 55 градусов по Цельсию. В Калифорнии существует вид мухи, живущий в озерах из сырой нефти; для дыхания у личинок имеется особая трубка, нечто вроде акваланга. Когда они втягивают в себя соки умерших насекомых, то вместе с пищей в организм мухи попадает и нефть; но внутренняя система у них устроена так хитро, что расщепляется только пища, но никак не нефть.

Вообще же список субстанций, могущих служить пищей мухам и их потомству, поражает и кажется бесконечным — от коровьего помета и тухлого мяса, от гноя и сока заболевших деревьев до таких деликатесов, как репчатый лук и луковицы нарцисса, аспарагусов и моркови. Число созданий, являющихся для них источником пищи и на которых они паразитируют, потрясает. Личинки мухи-червидки могут обитать в земляных червях, что явствует из названия, другие — в шмелях, иные — в различных гусеницах. Паразитировать могут на ком угодно, начиная с человека и далее вниз по шкале. Дрозофилы, помимо других неприятных болезней, могут вызвать конъюнктивит, если сядут на

слизистую оболочку глаза. Пиофилиды — самые настоящие гурманы среди этих насекомых: предпочитают питаться сыром высшего сорта, типа «Горгонсола» или «Стилтон», и в нем же выводить потомство. Среди людей-гурманов есть и такие обладатели железной воли, которые считают, что сыр не годится к употреблению иначе как «живым» от личинок пиофилиды. Многие из подобных гурманов попадают в обморок, когда узнают, что личинки эти невосприимчивы к желудочному соку человека и, натворив бед в слизистой оболочке желудка, приведя ее к серьезному воспалению, выходят невредимыми с испражнениями.

Но если не брать в расчет гурманов, охочих до «живого» сыра, поедание паразитов не характерно для цивилизованной Европы. Зато в Северной Америке обитают так называемые мухи-бекасницы, которые сбиваются в стаи, чтобы отложить яички перед смертью. Тогда некоторые индейские племена собирают их и запекают в булки вместо изюма. Из семейства комнатных мух следует выделить одну особенно чудовищную, откладывающую яйца на тело какой-нибудь несчастной

— и наверняка особенно рассеянной — жабы. Когда вылупляются личинки, они поселяются у земноводного в носовой полости и выедают не только ее, но и всю переднюю часть головы. (Еще более опасна личинка мясной мухи, обитающей в Северной Америке и таким же образом нападающей на человека; при отсутствии лечения результаты оказываются те же.) Хотите верьте, хотите нет, но в жизни мух помимо зловещей стороны медали есть и чарующая — таинственная, и даже полезная. Всем известно, какую пользу оказала человечеству мушка-дрозофила, благодаря которой оказался возможным колоссальный прорыв в знании и понимании генетики.

Термитоксения, славная тем, что возмещает убытки существу, которое эксплуатирует, знаменита еще своим необычным жизненным циклом. Эти мухи появляются на свет самцами, но затем, в силу ведомой одним только насекомым алхимии, они становятся самками. Откладывают единственное крупное яйцо за одну кладку, а дальше разворачивается второй акт чудодейства. Подросшая личинка вскоре вылупляется из яйца и через каких-нибудь несколько минут превращается в куколку — это, пожалуй, одно из самых скоростных превращений в мире животных! Конечно, муха живет в колонии термитов и питается яйцами термитов, но законные обитатели термитника принимают ее на условиях: живи и давай жить другим. На конце ее могучего тела имеется желтый хохолок, через который выделяется секрет, почитаемый у термитов деликатесом. За это термиты терпимо относятся к этой странной гостье и даже к тому, что она поедает у них немного яиц. Старый принцип — не резать курицу, которая несет золотые яйца.

У некоторых мух-толкунчиков интересно наблюдать очаровательный брачный ритуал, когда они ухаживают за привлекательной самкой. Будущий поклонник ловит другое насекомое и одевает в своеобразную шелковую вуаль, которую вырабатывает из собственного тела. Затем он берет этот подарок и танцует с ним перед дамой сердца; последняя, очарованная его щедростью и внимательным отношением, немедленно отвечает взаимностью. Пока она съедает свадебный подарок, кавалер делает предложение. Впрочем, в иных случаях кавалеры оказываются расчетливы и жестокосердны: они открыли, что самку можно завоевать куда проще. Никаких тебе изнуряющих погонь за

свадебным подарком — он просто снимает вуаль и танцует с ней. Дама сердца, очарованная красотой вуали, готовится к свадьбе. Затем кавалер отбрасывает вуаль, предстает перед дамой в своих природных красках, и дама отдается его страсти. В общем, жизнь иных видов мух столь же сложна и невероятна, как любая мыльная опера на телеэкране.

В ближайшие несколько дней нам неплохо удалось пополнить коллекцию капидоло. Как раз прошел небольшой дождичек и выгнал их из укрытий. Они спокойно ползали по лесу, а мы хватали их на пересекавших лес просеках. Вскоре мы также выполнили нашу квоту по крысам — три пары — и торжественно посадили их в новые жилища и на новую диету. Как ни странно, но в той немногочисленной литературе, что о них имеется, ничего не сказано об их голосах: с заходом солнца в ночной хор дикого леса влились крысиные ворчанье, шипенье, тьяканье и глубокие вздохи.

В последнее утро мы несколько задержались с выездом, так что, когда добрались до ловушек, солнце палило столь яростно и безжалостно, что казалось, будто оно готово поджечь весь лес. Я отвертелся от обхода ловушек, сказав, что лучше посижу у дороги и понаблюдаю за птицами.

Голоса других членов нашей команды уже стихли в глубине леса, когда на сплетения ползучих растений, опутывавших деревья над моей головой, опустилась стая нектарниц — целая эскадра пернатых с черными и кривыми, как турецкие сабли, клювами. Их головки, подбородки и шейки окрашены сочным, переливающимся зеленым цветом, а на серо-коричневой спинке отливают металлом пурпурные пятна. Грудка блестящего синего цвета окаймлена красным и ярко-желтым, хвост зеленый. Стая птиц, яркая и веселая, словно цыганский табор, оживила лишенные листьев лозы. Южноамериканские колибри нашли себе достойных соперников в лице столь же красивых, как они, африканских нектарниц. В каких-нибудь нескольких футах у меня над головой эти птицы охотились за насекомыми, ибо на лозах не было цветов, из которых они могли бы высасывать нектар. Они носились, как быстрые дротики, так что уследить за их полетом было невозможно; те же, которые сидели на ветках, выклевывали на коре необычные геометрические орнаменты. Та или другая птица неожиданно замирала на лету и хватала насекомое, которое я мог бы разглядеть только с помощью сильной лупы. Члены этого небольшого стада перекликались острыми свистящими сигналами, что, по всей видимости, выражало радость. Вскоре охотники очистили лозы от обитавших там насекомых и умчались в лес, словно залп фейерверка.

Затем ко мне в гости пожаловали восемь попугаев-ваза — этих обаятельных птиц с закругленными хвостами и бледными, цвета рога, клювами. Издавая весьма певучие для попугаев звуки и хлопая крыльями, они полетели к огромному дереву, отстоявшему от меня в пятидесяти ярдах. На этом дереве не было фруктов и вообще ничего съестного, так что у меня сложилось впечатление, будто здесь у птиц находился спортивный зал. Они перепархивали с ветки на ветку, свешивались головой вниз и затевали забавные схватки. Вся эта деятельность сопровождалась хриплыми, похожими на кудаханье криками и мелодичным свистом. Весело наблюдать за птицами, столь восторженно проявляющими радость к жизни.

Когда галикты в конце концов загнали меня в душную кабину «тойоты», пожаловала еще одна примечательная гостья, которую я и не надеялся уви-

деть. Мой глаз выхватил что-то красно-коричневое, мелькнувшее в кустах всего в шести футах от машины, и вдруг как из-под земли, тише тени, явилась фосса, торжественно выступив на середину дороги и усевшись там. Ошибки не было — этим существом с ленивой, похожей на кошачью походкой могла быть только фосса. Мне доводилось наблюдать эту самую крупную на Мадагаскаре хищницу, очень похожую на молодую пуму и с походкой пумы. Выйдя на середину дороги, она уселась в каких-нибудь десяти футах от «тойоты», на которую не обращала никакого внимания, и сидела неподвижно минуты две. Животное расслабилось и, как видно, чувствовало себя вполне уютно — ни испуганных оглядок назад, ни подергиваний ушами, ни напряжения мускулов. Как будто она была здесь почетной гостьей. А что ж такого? Она в лесу у себя дома! Я тоже решил расслабиться и сесть поудобнее.

У фоссы длинное, атлетически сложенное тело и непропорционально длинный хвост. Маленькая по сравнению с туловищем и хвостом голова похожа на голову священной египетской кошки на древних рельефах. Ее густая лоснящаяся шкура напоминает цвет теплого, медового имбирного пряника. Одним словом, в этой кошке слились лев, тигр, ягуар и еще Бог знает какие красавцы хищники; и все же в этой компании она стоит несколько особняком.

Животное посидело неподвижно несколько минут, а затем принялось тщательно чиститься, как это свойственно кошке, поднимая передние лапы и вылизывая пухлые подушечки. Затем она вытянула вперед задние ноги, чтобы вылизать и их, а после усердно вычистила свой мощный хвост. Весь процесс занял минут пять-шесть, и я счастлив был понаблюдать за зверем, не замечавшим моего присутствия, а если и замечавшим, то игнорировавшим, примерно как аристократ игнорирует находящегося рядом мужлана.

Вылизав мельчайшие пятна грязи на и без того блиставшей чистотой шкуре, кошка села на прежнее место, вздохнула и зевнула, блеснув белыми зубами; затем она принюхалась к ветру, медленно и грациозно перешла дорогу и исчезла в лесу, только огромный хвост болтался из стороны в сторону, словно веревка колокола. Я чувствовал глубокое удовлетворение: мало кому выпадет такая удача — провести десять минут один на один со столь редкостным по красоте хищником. Впрочем, сами мальгашаи недолюбливают это животное и боятся его за то, что, по их заверениям, оно безбоязненно нападает на стада зебу, а то и на человека, если он это спровоцирует. Может, так оно и есть, но моя фосса отличалась такой мягкостью и таким благородством, что казалось, стоит подойти с лаской — и она уютно свернется у твоего камина. А что, неплохо иметь у своего очага такое большое, доброе украшение золотисто-медового цвета.

Всего увиденного за день с лихвой хватило бы для полного счастья, но, как оказалось, сюрпризы еще не кончились. На пути к лагерю нам попало стадо из восьми сифака, отдыхавших в каких-нибудь двадцати футах от дороги в тени деревьев, сквозь которую пробивались лучи солнца. Зверьки сидели такой чудесной группой в самых разных позах, что можно было подумать, будто они заключили выгодный контракт с телекомпанией Би-би-си и теперь у них в самом разгаре репетиция, а один даже растянулся во всю длину на ветке, бессильно свесив все четыре лапы. Время от времени он открывал глаза и безучастно смотрел на нас. Однажды он предпринял летаргическую попытку

схватить крупную голубую бабочку, беспечно летавшую вокруг, но это ему не удалось. Два других животных сцепились в смертельной схватке, обняв друг друга за плечи и нещадно кусаясь, а затем ускакали прочь. Четыре других члена стаи, сидя на ветках повыше, наслаждались солнцем, откинув головы и раскинув руки. В этих смешных позах они чем-то напоминали оперную труппу на гастролях, исполняющую одну из самых трудных партий «Кольца Нибелунгов». В тени сидела самка с мохнатым детенышем на коленях и тщательно исследовала его шкурку, нет ли заноз или других повреждений. Но детенышу больше всего хотелось забраться матери на голову и поскакать вслед за двумя дерущимися взрослыми. Мы провели некоторое время в обществе этой очаровательной группы, фотографируя и наблюдая их ужимки и прыжки. Лемуры не обращали на нас внимания, как если бы мы были стадом зебу. В конце концов мы с неохотой расстались с ними, и когда отъезжали, зверьки без любопытства смотрели на нас золотистыми глазами. Хорошо, что они интересовались нами куда меньше, чем мы ими.

На следующий день мы покинули Мурундаву с ее мушиным царством и тихим шумом леса. Мы возвращались домой с триумфом, отловив почти все, что хотели. Теперь предстояла нелегкая задача — доставить все это в целостности и сохранности на Джерси. Я очень сожалею, что перед нашим приездом не прошел ливень, который позеленил бы деревья. Милый, дружелюбный лес, полный самых необыкновенных животных, — но без зелени это было все-таки не то. Правда, через голые ветви и увидеть можно было больше, но листва защищала бы нас от солнца. Пока мы катили по бурой пыльной дороге посреди вековых баобабов, над нашими головами летела стая попугаев-ваза, посылая с бледно-голубого неба прощальные крики.

Глава пятая. ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ

Наши поиски Зверя с Магическим Пальцем начались с пари, которое я имел несчастье выиграть. Мы сидели в баре отеля «Кольбер» и в ожидании киногруппы из «Джерси чэннел телевижн», которая собиралась нас снимать, склонились над картами и обсуждали путь к месту назначения, примерно в трехстах пятидесяти милях от Антананариву. Сначала наш путь лежал на восток в направлении Таматаве. Мы знали, что эта дорога хорошая: Таматаве — важный малагасийский порт, и уж дорога к нему должна быть в относительном порядке. Кошмар начнется, когда повернем на север: дорога тут пойдет хуже, а главное, предстоит переправа через множество речек, а сколь аккуратно ходят паромы, шут его знает. Поскольку дорога бежит по краю моря, то успех переправы будет зависеть не только от течения данной реки, но и от приливов и отливов. Словом, в дороге скучать не придется.

— Тебе следовало бы проявить благоразумие и полететь самолетом, — сказала Ли. — Мы бы заехали за тобой в Мананару и отвезли туда, где Джон и Кью разобьют базовый лагерь. Не надо на машине — ты окончательно искалечишь себе бедра.

Мои бедра, безотказно служившие шестьдесят лет, недавно сыграли со мной злую шутку. Из-за развившегося артрита их следовало бы вынуть и заменить на стальные и пластмассовые. На рентгеновском снимке, сделанном после операции, бедра походили на проволочные ограждения времен первой мировой войны. Они подвели меня во время съемок серии телепередач в России и окончательно приказали долго жить, когда мы находились в тундре, в каких-нибудь девятистах милях от Северного полюса. Наш руководитель нашел чудесную лужайку с миниатюрными цветами ярдах в пятистах от лагеря, и нам, естественно, захотелось заснять этот волшебный цветной ковер. По поверхности тундры, состоящей из вечной мерзлоты, покрытой мхом и карликовым кустарником, идти не более безопасно, чем по поверхности льда. Я сообщил нашему руководителю, что из-за страшных болей просто не смогу пройти такое расстояние; он ушел удрученный и долго беседовал о чем-то с русскими. И тогда они подогнали к лагерю вертолет и бережно отвезли меня за пятьсот ярдов, а там столь же бережно вынесли из вертолета и уложили среди цветов. Когда я отснял все, что хотел, они опять же бережно усадили меня в вертолет и отвезли в лагерь. Это был единственный в моей жизни случай, когда я чувствовал себя как Элизабет Тейлор.

С новыми бедрами я мог ходить без опаски, но не должен был слишком перенапрягать их, иначе и они могли отказать. Постоянное напоминание, что ты далеко не молод и не можешь, как прежде, пускаться в рискованные предприятия без оглядки на самочувствие.

— Значит, так, — заявил я. — Все в один голос твердят, что дорога хорошая. Коль скоро она бежит по берегу моря, ей сам Бог велел быть ровной.

— Значит, так, — упрямо сказала Ли. — Все в один голос твердят, что дорога скверная. Боюсь, покалечишь бедра.

Джон и Кью, трусоватые от природы, опасаясь быть втянутыми в спор, сделали вид, что их больше волнуют опустевшие стаканы.

— Ну, что скажешь, Джон? — спросила Ли.

Джон глубоко вздохнул и выдал один из тех мастерских ответов, которые

наверняка обеспечили бы ему место в палате общин, если бы он заинтересовался политикой.

— Значит, так. Одни говорят — хорошая, другие — плохая. Пока мы не проедем по ней, мы не узнаем, на чьей стороне правда. С другой стороны, если Джерри хочет лететь, это будет комфортнее. Но если хочет рискнуть и ехать... м-ммм... Пусть сам решает! — неуверенно заключил он.

Ли бросила на него испепеляющий взгляд.

— Ну, словом, решено. По этому случаю нальем по второму кругу, — одобрительно кивнул я.

— Ты еще пожалеешь об этом, — сказала Ли.

К своему огорчению, мне довелось убедиться в том, что она была права.

На другой день явилась телевизионная команда. Пока выцарапывали застрявшее на таможене разнообразное и весьма необычное оборудование, пока затаскивали и распахивали его по углам, в гостинице царил полный хаос. Но после того, как каждая деталь была распакована и тщательно обследована на предмет поломок по пути с Джерси, мы собрались в баре, чтобы дать команде подкрепиться и обсудить наши планы. Нужно было проделать тысячу вещей: побывать в соответствующих министерствах; докупить на рынке зума самое необходимое, чего хватились в последнюю минуту; и наконец, выпить с товарищами на посошок, — чем кошмарнее были их рассказы о местных дорогах (и в особенности той, по которой нам предстояло ехать), тем неправдоподобнее они казались, да к тому же алкоголь туманил мозг.

Многие из членов команды были нашими старыми друзьями: как только у нас в зоопарке рождался детеныш или к нам поступало редкостное приобретение, они были тут как тут. Наша работа послужила для них материалом для великолепной серии учебных фильмов. Продюсером был Боб Эванс — маленький, опрятный, с блестящими карими глазами, бойкий, как малиновка весной. Оператором — Тим Рингсдор, изящный, с густыми вьющимися волосами и элегантными, тщательно ухоженными усами, похожими на редкую бабочку, случайно присевшую на его верхнюю губу. Ему бы еще соломенную шляпу-канотье, отутюженный белый фланелевый костюм и полосатый жилет — и вот вам великолепный щеголь времен короля Эдварда, катающий даму своего сердца на маленьком ялике по Темзе и который, отыскав уединенное тенистое местечко, поет ей серенаду, аккомпанируя себе на гавайской гитаре.

Наш звукооператор Микки Тоствин был столь мускулистым, что рядом с ним Кью выглядел пациентом санатория для чахоточных. Его темно-рыжие волосы дерзко росли в семнадцати различных направлениях, а с такими, как у него, усищами можно было бы неплохо зарабатывать в старые времена в мюзик-холлах. Еще с нами был Грэм Тайди — добрый малый, мастер на все руки, который в любую минуту мог устранить любую неполадку; да так оно и происходило каждый раз, когда что-то ломалось. Грэм выглядел моложе своих лет; у него было круглое лицо херувима, и всем своим обликом он напоминал пай-мальчика-отличника, которому в конце каждой четверти вручают награду вроде «Старых и новых гимнов» в переплете из телячьей кожи.

Наконец, наш директор Фрэнк Цвитанович напоминал мне — сам не знаю почему — мускусного быка. Сильный и флегматичный, он редко подавал голос. Не то чтобы Фрэнк вообще был молчалив — просто он, в отличие от всей остальной нашей братии, не любил разговоров ради самого процесса говоре-

ния, так что вся его речь сводилась к вопрошающему ворчанию, странным вздохам да двум случайным «о'кей». Но когда он наконец решился взять слово, то позабавил меня рассказами о днях своей юности в Голливуде, где начал карьеру с руководства «поющим ковбоем» Джином Отри. А когда я расспросил его, что собой представляет Джин Отри, Фрэнк подумал с минуту и так описал его в биологических терминах, что у меня не осталось ни капли сомнения, — он явно не в восторге от пережитого в Голливуде. Фрэнк был коренастым мужчиной, а его зачесанные назад волосы оставили на лбу единственный локон, подобно тому как волна при отливе оставляет на песке морскую раковину. Задумчивые глаза имели голубоватый оттенок, какой бывает у незабудок в пору цветения. Он перенес три операции на сердце, курил как паровоз и недавно женился в пятый раз. В общем, мы поняли, что имеем дело с человеком прожженным, уверенным, строгого характера и при всем при том вечно исполненным надежды.

Оборудование экспедиции — не говоря уже о численности личного состава — возросло в таких пропорциях, что нам пришлось принанять еще двух водителей с машинами. Старшему из них, Бруно, с его внешностью хорошо бы стоять за прилавком магазина по продаже женских юбок, а на досуге показывать фокусы с тремя картами; в своих шортах, раскрашенных во все цвета радуги, и потрепанной шляпе, сдвинутой на блестящие, как у сороки, глаза, он был готовый мистер Фиксит. Другой водитель, по имени Тиана, был худощавым славным малым, и с первого же взгляда было ясно, что он готов всем сердцем пробивать нам путь в неведомое и что наше слово для него закон. В качестве поощрения мы прикрепили к их машинам «тойотовские» эмблемы с изображением ископаемой птицы додо на алом фоне.

— Автоколонна машин «Утенок щипаный», — молвил Джон. — Впечатляет.

— Слушай, ты, не очень-то! — возмутился я.

— А почему ты обозвал ее «щипаным Утенком»? — любопытствовал Боб Эванс.

— Да видишь ли, один из молодых ученых, который работал с нами в Бразилии, ничего не слышал о додо и спросил, почему у нас щипаная утка на эмблеме, — объяснил Джон.

— Стало быть, *теперь* у нас четыре «щипаные утки», — медленно и с расстановкой произнес я.

— Намек понят, — подумав, заявил Боб. — Если кто в этой компании еще раз так скажет, от того пух и перья полетят.

Но настал день, с лихвой вознаградивший наше нетерпение. Все подготовительные работы в малагасийской столице завершились, и был назначен день отправления. Колонна машин «Утенок щипаный» загрузилась, все обменялись поцелуями, и мы тронулись в путь, пробивая себе дорогу через толпы попрошаек, пытающихся совать руки за милостыней прямо в кабины.

Начало нашего путешествия было волнующим, но вдвойне волнующим казалось то, что нам предстояло посетить те районы Мадагаскара, где мы никогда прежде не бывали, да к тому же ехали мы за одним из самых странных животных на планете. Чего же еще?

Некоторое время колонна двигалась по центральному плато, среди окружавших столицу разрушенных эрозией холмов. Единственным растением здесь была пальма равенала да рисовые плантации, окружавшие деревни. Ни

с той, ни с другой стороны дороги не было видно леса. Покрытые сухой желтой травой холмы прорезали, словно раны от сабельных ударов, красные овраги. Впрочем, я с радостью отметил, что крестьяне обрабатывали рисовые плантации с помощью деревянных плугов, в которые впрягались зебу, — таким образом, плуг не только переворачивал плодородный слой почвы, но и тягловые животные удобряли ее своим навозом. Я был бы просто счастлив, если бы большее число крестьян обрабатывало почву деревянным плугом, в который впрягается животное, вместо современного плуга, который несет почве только смерть.

Наконец мы проехали плато, и дорога запетляла в сторону моря. Трасса, недавно отремонтированная китайцами, оказалась превосходной. Но, как это ни курьезно и ни грустно, китайские дорожные рабочие научили местных жителей есть змей — прежде эта кулинарная тонкость не приходила им на ум. Уменьшение числа безвредных удавов приведет не к чему иному, как к вспышке численности грызунов, а в результате пострадает урожай риса. Впрочем, людям не свойственно заглядывать далеко, особенно в том, что касается биологии. В этом одна из причин, почему жизнь человечества — сплошной бардак.

Вообще же это была одна из самых грустных поездок по Мадагаскару. Дорога петляла среди протянувшихся на многие мили холмов, на которых теперь не было ничего, кроме травы да рубцов от эрозии. В окружавших деревни долинах мы видели пальмы равенала, кокосовые пальмы да порою деревья манго и личи; изредка на вершинах холмов красовался крошечный участок изначального леса, точно остатки бороды на скверно выбритом подбородке. Все же по этим остаткам можно было судить о том, как красивы были холмы до сведения лесов. Теперь же почве, лишенной растительной защиты, не оставалось ничего другого, как оказаться смытой вниз, оставив после себя незаживающие язвы.

Конечно, с точки зрения непосвященного, и травяной покров делал холмы приятными глазу; но мы-то знали, что через каких-нибудь двадцать лет эти холмы принесут несчастье обитающим у их подножия людям, которые в отчаянии стараются вырвать пропитание у постоянно разрушающейся почвы. С исчезновением лесов, являвшихся легкими здешних холмов и корнями удерживавших почву, последней ничего не остается, как сойти в долину, подобно песку в песочных часах. Как разъяснить этим милым, но задыхающимся от нищеты людям, что этот способ ведения сельского хозяйства — выжигание все новых участков под посевы — только подталкивает их детей и внуков к смерти от голода? Даже если бы удалось найти миллионы долларов, фунтов, марок и иен, борьба с оврагами и восстановление лесов заняли бы сотни лет. Проблема представляется чудовищной и неразрешимой.

По мере приближения к Таматаве все чаще попадались огромные роскошные плантации кокосовых пальм. Это стройные деревья высотой примерно в сорок футов, с мощным солидным стволом и нежными листьями, похожими на фонтан, бьющий из верхушки. Каждый ствол надежно защищен толстым слоем тканей, а некоторые из них стали родным домом для бесчисленных папоротников, эпифитов и орхидей, создающих впечатление, будто пальма одета в плотную шубу из зеленого меха. Это «одеяние» представляет собой своеобразные мини-джунгли, в которых приютилось множество гекконов, сороконо-

жек, пауков и прочей живности. Я высказал пожелание как-нибудь сделать остановку и исследовать, кто же обитает на такой пальме. Помню, как-то раз в Гайане мне довелось исследовать один эпифит размером с небольшой куст; к своему удивлению, я открыл там не менее десятка позвоночных — от древесных лягушек до древесной змеи, — не говоря уже о целой массе беспозвоночных. Этот эпифит оказался целым городком, в котором ключом была жизнь. А поскольку таких эпифитов множество, нетрудно догадаться, что спилить хотя бы одну пальму означает погубить множество живых существ.

* * * Наконец мы прибыли в Таматаве. Огромный белый песчаный пляж отделял город от моря с темной прозрачной водой. Вдали, словно страж, виднелся белый гребень рифа. Пляж был, безусловно, привлекателен, но в рифе в нескольких местах виднелись проломы, что делало акваторию доступной для акул. Разумеется, каждая страна любит похвастаться, что ее акулы самые кровожадные, даже если последний раз там видели акулий плавник полвека назад. Но нам рассказывали, что в Таматаве эти хищницы плывут вслед за кораблями до самого порта и когда какой-нибудь дурень, утомленный дорогой, полезет в воду освежиться, то остается без руки, без ноги, а то и без глупой головы.

Вдоль пляжа тянулись большие, построенные в колониальном стиле дома с широкими верандами; каждый дом отстоял далеко от дороги, утопая в густо засаженном саду. Этаким Довиль в тропиках. Мы остановились в большой элегантной гостинице у самого моря, с верандой огромной, как танцевальный зал, безупречной обслугой, а вид роскошных садов, пляжа, моря и рифа на заднем плане тешил взор.

Я был рад узнать, что в этом городе в изобилии имелся мой любимый вид транспорта — пус-пус или, как его называют в других частях света, рикша. Почему на Мадагаскаре его называют push-push, я так и не понял, ведь на самом деле его следовало бы назвать pull-pull. Представьте себе сиденье, снабженное опускающимся верхом (с бахромой, если вам повезет), водруженное на два колеса вроде велосипедных, но несравненно больших по размеру, и с маленькими оглоблями, вроде как для запряжки пони. Только вместо пони запрягается человек. Садись на сиденье, «шофер» подбирает оглобли и плавной трусцой везет тебя в указанном направлении. Идеальное средство транспорта: едет плавным, почти бесшумным ходом, с безопасной скоростью, при которой ни разбить голову, ни поломать руки-ноги невозможно. Ни тебе шума, ни выхлопных газов — только нежный шорох колес и босых ног вашего «шефа». В этих замечательных транспортных средствах можно увидеть элегантных леди с покупками, важных бизнесменов с сияющими словно крылья жука «дипломатами» и нахмуренными взглядами: дескать, дела обязывают к разъездам! Полог укрывает их от жары, а встречный ветер доставляет желанную прохладу. Иногда встречается повозка с одним только громоздящимся на ней багажом, а однажды я видел, как одетый с иголки четырехлетний мальчик в блестящей соломенной шляпе и его возница так оживленно болтали и заливались хохотом, что чуть не оказались под колесами огромного грохочущего и жутко чадающего грузовика. Соблазн нанять девять рикш и устроить в честь начала экспедиции гонки по берегу моря был велик, но, хоть и скрепя сердце, мы отказались от этой затеи: мы приехали сюда во имя высокой науки, а не ради развлечений.

На обед подали огромного, красного и импозантного на вид морского рака; однако вкус у этого морского чуда оказался чем-то средним между кожей и пористой резиной. Улегшись в постели, мы наслаждались убаюкивающим шумом моря и зовом ночных козодоев — странноватый звук, похожий на прыгающий по столу целлулоидный шарик. Звук, непривычный и поначалу раздражающий, впоследствии, однако, подействовал успокаивающе.

* * * К нашему неудовольствию, на следующий день пошел дождь, но мы все же вышли в путь по этой треклятой дороге, о которой слышали столько дурного. Дорога, оказавшаяся, кстати, ровной и песчаной, бежала вдоль тянувшихся по берегу моря огромных пустынных пляжей. Ни отеля, ни туриста, ни пляжного зонтика. Интересно, долго ли так будет продолжаться — ведь это один из самых великолепных пляжей, какие я только видел во всем мире, так что, если бы кто построил здесь курорты, нажил бы состояние.

Деревни, которые мы проезжали, были опрятные, с добротными бамбуковыми домиками, крытыми рифленым железом. При многих домиках был сад, обнесенный оградой, с тщательно выметенными песчаными дорожками. Некоторые сады окружали живые изгороди быстрорастущего кустарника; эти ограды вместе с посаженными в них цветами придавали деревне яркий, радостный и ухоженный вид. Во многих садах росли большие деревья личи — их блестящие зеленые листья создавали густую тень; на каждом дереве висели оранжевые гроздья деликатесных плодов. Конечно же там были и вездесущие кокосовые пальмы, с листьями, шелестящими как шелка на ветру, и с крупными блестящими зеленовато-желтыми орехами. Владелец этих деревьев забрался наверх и там аккуратно срубил орехи с помощью мачете, чтобы мы могли утолить жажду содержащейся внутри изысканной прохладной жидкостью. Когда мы осушили эти «кубки», он взял каждый орех и отрезал от него кусок, которым можно было действовать как ложкой; мы выскребли кокосовую мякоть, словно белое молочное желе.

На окраинах нескольких деревень мы видели группы детей, несших рыбу, вероятнее всего пойманную их отцами, отправившимися на каноэ к рифу. У некоторых корзины были полным-полны — целый фейерверк малиновых, голубых, ярко-оранжевых, желтых и зеленых оттенков. Одна девчушка несла рыбину почти с себя ростом. Это был серебристый «Длинный Том» — один из видов саргана, с длинным ртом, похожим на клюв, торчащий как рог единорога. Были тут различные виды и подвиды *Scomberesocoldel* — звучит как название малагасийской деревни, а на самом деле это просто скумбрещуковые, или, иначе, макрелещуковые. Эти рыбешки весьма испортили мне нервы, когда я с ними столкнулся, занимаясь подводным плаванием близ острова Маврикий. Представляете, оглянулся — и увидел себя в окружении стаи страшилищ по пяти футов каждая, с огромными глазами и мордами, похожими на копыя. Впрочем, рыбы оказались абсолютно безвредными и просто плавали вокруг, спокойно наблюдая за незваным гостем, охваченным самым печальным и мрачным настроением.

Какой-то мальчуган нес детеныша акулы-молота, черного, как эбеновое дерево, примерно в три фута длиной. Эта рыба, возможно, одна из самых курьезных во всем рыбьем племени. Первый раз я с ней столкнулся, когда плавал в красивейшем заливе Тринкомали на Цейлоне (ныне Шри-Ланка). Там был участок, огороженный сетями от акул, жаждущих знакомства с пловцами. Я

себе преспокойно плавал по периметру, любуясь морскими ежами, каждый с футбольный мяч величиной и с шипами, похожими на нож гравера, когда позади меня вода от чего-то всколыхнулась. Я оглянулся и оказался лицом к лицу с акулой-молотом длиной в двенадцать футов, которая вынюхивала, как бы ей проникнуть за ограждение и разобратся со мной. Столкнувшись с этой невероятной по величине головой и пристрастным взглядом, я испытал колоссальный шок. Я, конечно, знал, как эти акулы выглядят, но в натуре это оказалось таким зловещим зрелищем, какое не под силу вообразить даже постановщику голливудских фильмов ужасов. Я понимал, что за проволочным ограждением я в полной безопасности, но был так напуган, что на всей скорости поплыл к берегу. Причиной тревоги стал, разумеется, не только гротескный облик этого существа, но и знание того факта, что акула-молот — страстная охотница до человеческого мяса.

Впрочем, посмотрев на акулу-молот холодным и рациональным взглядом, убеждаешься, что это одно из самых замечательных творений изобретательницы-природы. Ее тело, по форме напоминающее торпеду, — рукоятка «молота», а странная голова — его «головка». В каждую сторону «головки» вделан глаз, а ниже — похожий на свод средневековой церкви дугообразный рот с цинично опущенными уголками, примерно как у Соммерсета Моэма в старости.

Вернувшись на Джерси, я постарался больше разузнать об этой странной голове. Оказалось, что сплюснутая со спины и брюха форма головы обладает наименьшим сопротивлением, когда акула преследует добычу. Акулы-молоты питаются в основном кальмарами, невероятно быстрыми тварями, а один из видов этой акулы включает в свое меню даже скатов, которые движутся еще быстрее, чем кальмары. Кроме того, «крылья» головы акулы-молота имеют чрезвычайно чувствительные обонятельные и электровосприимчивые органы, а расположение глаз дает возможность превосходного бинокулярного зрения. Еще одна тонкость заключается в том, что расположение глаз предохраняет акулу от щупалец пойманного кальмара. В общем, эта голова, которой только сниматься в фильмах ужасов, оказывается, обладает превосходным бинокулярным зрением, блестяще действующими органами обоняния и может работать как радар. А что еще нужно акуле?

* * * Дорога, петляя, взбиралась на холмы и становилась все хуже и хуже. Теперь она уже ничем не напоминала путь сообщения — скорее высохшее русло реки, на которое вода нанесла огромные валуны размером с лохань и вымыла вокруг них ямы, так что камень выглядел точно огромный шарик мороженого на блюдечке. Нас швыряло из стороны в сторону, словно тряпичных кукол, и мои бедра заныли с небывалой прежде силой. Хотя Фрэнк вел машину как настоящий ас, увертываться от всех ухабов оказалось невозможным — вся дорога выглядела будто после артобстрела, предшествующего наступлению неприятеля. На ней не осталось живого места, где можно было бы отдохнуть от постоянных толчков, тряски и колотушек.

Мосты, перекинутые через овраги и реки, никак не облегчали продвижение. По большей части они представляли собой два бревна, перекинутых с одной стороны на другую, да несколько планок, кое-как прибитых поперек. И бревна и планки были порядком изношены, а кое-где уже начали гнить. И когда машина проезжала по ним, они издавали шум, ровно пластинки огромного деревянного ксилофона. После того как машина переезжала мост, ее пасса-

жиры должны были выйти и приколотить планки на место, чтобы могла проехать следующая. О том, чтобы въехать на такой мост двум машинам сразу, не могло быть и речи: это означало бы неминуемую катастрофу.

На одном мосту с нами случилось неприятное происшествие, но мы считаем, что еще дешево отделались. Через некую широкую реку, темно-желтую, словно львиная шкура, был перекинут импозантный на вид стальной мост. Но хотя фермы моста и были сделаны из стали, поперек них лежали те же полуистлевшие планки. Только я собрался дать Фрэнку наставления о том, что может произойти, если ехать не строго вдоль стальных балок, как случилось именно то, чего я опасался. Планки разъехались, и «тойота» накренилась, как пьяная. Более того, стала прогибаться и сама стальная балка, и «тойота» опускалась все ниже и ниже.

— По-моему, нам с Ли следует выйти из машины, — подумав, сказал я и открыл дверцу. — Трус! — бросил Фрэнк.

— Не знаю, какие ты там строил пакости несчастному Джину Отри, — возразил я, — но я не поющий ковбой и имею скверную привычку цепляться за жизнь сколь возможно долго.

— А дезертировать перед лицом врага — хорошо? Вы просто хам, сэр, — сказал Фрэнк. — А как же я?

— А тебя — в расход! — безжалостно отрезал я, выбираясь на мост, где было относительно безопасно.

— Вот именно! Без тебя снимем фильм гораздо лучше! — сладко пропела Ли.

— Крысы бегут с погибающей «тойоты», — сказал Фрэнк, когда мост заскрипел и машина ушла еще глубже. Он открыл дверцу и вышел сам.

— Будь я проклят, если один пойду ко дну вместе с кораблем, — заключил он.

Проведенное нами расследование показало, что с виду мощные стальные фермы так проржавели, что создавалось впечатление, будто на самом деле они сделаны из какого-то неведомого кружева. Были места, куда палец входил на четверть дюйма. Трудность заключалась в том, что, если бы другая машина рискнула въехать на мост для помощи, мост мог окончательно рухнуть и обе машины, набитые ценнейшим оборудованием, полетели бы в реку с высоты семьдесят футов. К счастью, вторая «тойота» и более легкие машины уже выбрались на другой берег. Мы привязали к «тойоте» веревку и медленно, с величайшей осторожностью выволокли машину на противоположный берег.

При всех неудобствах и тяготах путешествия мы всегда испытывали облегчение, когда переправлялись на пароме, — даже в том случае, когда переправа задерживала движение. Паромы представляли собой скрепленные понтоны времен второй мировой войны, похожие на гигантские каноэ; поверх них были положены планки. Управлялась эта конструкция крепким паромщиком, ловко орудовавшим бамбуковым шестом необыкновенной длины и толщины. Но въехать на такой паром, равно как и съехать с него, было поистине подвигом. Паром просто подходил к берегу или к причалу, и планки сходились под острыми углами. Задача водителя — подогнать колеса так, чтобы въехать на планки и съехать на берег. Паром тотчас же отходит назад и кружится в вальсе на бурой воде. Если паром на противоположном берегу реки, звони в подвешенный на пальму колокол; если таковой (как это часто и бывало) отсутству-

ет, вся надежда только на силу собственных легких. Сумеешь докричаться до паромщика (который на противоположном берегу крутит шуры-муры с какой-нибудь соблазнительной деревенской девчонкой), тогда твое счастье: паромщик неохотно и с тоской во взоре двинется к вам.

Но уж коли въехал на паром, можешь понаслаждаться тишиной. Ласково греет солнце, медленно и плавно движется посуда, и единственный звук, который долетает до твоих ушей, — плеск и свист бамбукового шеста в надежных мускулистых руках паромщика, точно копье в руках охотника на мамонтов... Порой промчится стая белых, как звезды, цапель, летящих строем на поиск мест, богатых рыбой; иногда стрелой пролетит над рекой крошечный зимородок ярко-голубого и красно-коричневого цвета, а высоко в небе парят коршуны, будто черные кресты. Иногда мимо проскальзывают небольшие пироги и каноэ, двигаясь бесшумно, словно упавшие на воду листья или крылатые семена.

Между тем дорога становилась все хуже и хуже. Мы двигались с самой что ни на есть черепашьей скоростью, но все равно не удавалось избежать ям и огромных камней. Дорога шла уже в нескольких сотнях футов над уровнем моря, вниз уходил совершенно отвесный обрыв, а над нами высилась столь же отвесная скала. Росшие когда-то внизу деревья были вырублены под посе-вы; затем участок забросили, и он зарос низким кустарником и вьющимися растениями. Иногда над этой порослью, словно зеленая ракета, выстреливала случайная пальма-равенала или кокосовая пальма, распушив веер из листьев, будто павлиний хвост. Вода в море была темно-синяя, кое-где в нее вдавались скалы; побережье изрезали большие бухты с роскошными пляжами цвета поджаристого печенья, и волны, накатывавшие на темный песок, оставляли на нем белую пену, похожую на коралловое ожерелье.

Наконец мы добрались до деревни, где предполагали найти профессора Ролана Альбиньяка — нашего старинного приятеля, основавшего заповедник «Человек и биосфера», где нам предстояло работать. Но эта встреча, как и большинство из намечавшихся на Мадагаскаре, не состоялась, а местные жители, как всегда, были готовы прийти на помощь и сообщили массу новостей о нашем друге. Кто сообщил, что он вот-вот прилетит на самолете, кто поведал, будто он вот-вот приедет на автомобиле, кто-то слышал, будто он приплывет на пароходе; он был там-то, он был здесь, он в Париже, он вообще никогда не приедет.

При такой противоречивой информации мы сочли за лучшее пообедать в местном отельчике, лелея крохотную надежду, что профессор все-таки объявится. Если же нет, то нам надо было спешить дальше: следующий на нашем пути паром зависел от прилива. Кстати, об этом пароме и о приливе мы тоже получили лавину самой противоречивой информации.

Подкрепившись скромным, но плотным завтраком из свежей рыбы, курятины и неизменной миски риса, без которой, судя по всему, не обходится ни один обед на Мадагаскаре, мы тронулись в путь. А путь предстоял неблизкий, и, к нашему огорчению, чем дальше, тем хуже делалась дорога и тем медленнее мы продвигались вперед, так что когда наконец добрались до реки, небо уже подернулось нежным оттенком зеленого, а тени зловеще вытянулись.

К вящей радости, паром был на нашем берегу, но паромщиков беспокоило, что начинался отлив и вода в реке быстро спадала. Если уровень окажется

слишком низким, мы попросту не сможем съехать на тот берег и вынуждены будем дожидаться нового прилива — перспектива не особо соблазнительная, потому как наши подушки и ламба, не говоря уже о соломенных матрацах, были тщательно упакованы и в поисках их нам пришлось бы перерыть все машины; еду мы, кстати, тоже запрятали глубоко. Мы быстро погрузились на паром (к счастью, он был достаточно велик и мог взять две машины сразу), и паромщики спешно повезли нас через темнеющую реку. Добравшись до противоположного берега, мы, к своему ужасу, обнаружили, что вода спадает гораздо быстрее, чем нам поначалу казалось, и что съехать просто невозможно: паром пребывал на три-четыре фута ниже причала. Ничего страшного, сказали паромщики, можно будет причалить и на небольшой пляж в пятидесяти ярдах ниже по реке.

Для полного счастья еще пошел дождь — хоть и не сильный, но и его хватило, чтобы промокнуть до нитки.

Мы достигли песчаного пляжа и, к нашему облегчению, благополучно причалили. Паромщики тут же погнали паром за остальными; мы послали им всточку, что едем в деревню, лежащую в четырех милях дальше, и к их прибытию успеем приготовить ужин. Чтобы еще больше ободрить оставшихся, велели передать, что распакуем пиво. Итак, мы двинулись в путь сквозь моросящий дождь, нас бросало и било еще нещаднее, так как в темноте труднее было ориентироваться. Фары машин отбрасывали на дорогу самые причудливые тени, и определить, что впереди — валун или ухаб — становилось невозможным.

Когда мы наконец добрались до деревни, она вся была погружена во тьму, лишь слышался какой-то странный звук — очевидно, это храпели местные жители. Несколько собак встретили нас бессвязным лаем и сразу же отправились спать. Здешний отельчик представлял собой длинное, приземистое, малогостеприимное сооружение из дерева и бамбука и с бамбуковой же крышей. Впрочем, дородная супруга хозяина отельчика и остальные члены семьи отнюдь не выказали признаков неудовольствия или раздражения. Напротив, они повскакивали с постелей в самом добром настроении, готовые к услугам. Мы объяснили хозяйке, что в конечном счете нас будет одиннадцать душ и что у нас с полудня во рту не было маковой росинки. Стало быть, провианта нам нужно как на целый полк, а то с голодухи слопаем друг друга. В ответ она одарила нас широкой спокойной улыбкой, так же улыбнулась своим забавным, не по годам сообразительным детям и безмятежной походкой направилась в огород, гоня перед собой ребячью гурьбу.

Столовая, служившая одновременно и жилой комнатой, была вместительной и перекрывалась мощными деревянными балками, сквозь которые можно было разглядеть небрежно положенную бамбуковую крышу. Вся мебель — длинные стародавние столы из толстых неструтаных досок и такие же длинные деревянные скамьи. В каждом углу горело по две маленьких керосиновых лампочки, отбрасывавшие тонкие струйки света, — более бесполезного огня я не видел за всю свою жизнь. Все было пропитано затхлым запахом горелой древесины, а стол был до того засален, что мы брезговали даже дотрагиваться до него. Видимо желая похвастаться (мол, и мы не чужды цивилизации), хозяйка пригвоздили к стенам несколько плакатов: вот пара пышных блондинок рекламирует какой-то невероятный продукт (вкусив который скорее всего до

срока вкусишь райское наслаждение), а вот странная для здешних мест панорама Нью-Йорка. Когда б не это, можно было бы подумать, что ты на доисторической английской ферме в эпоху сакских королей, которых звали как-нибудь вроде Кнут или Этелред.

Из-за двери, которая вела в кухню, просачивались тонкие облачка дыма и доносился обнадеживающий запах еды. На столах, словно подушечки для булавок, свернулись два кота; под столами же находилось несколько собак — одни спали, другие самозабвенно ловили блох, а из угла на нас смотрели пустым взглядом два сонных петушка и одна утка. Из-за кухонной двери стайка одетых в лохмотья худых курчавых детишек взирала на нас черными глазами величиной с блюдечки — их напугало нашествие странных вазоха с непонятным оборудованием. Мы, наверно, представлялись им пришельцами с Марса.

Решив подождать остальных и сесть за обед всем вместе, мы послали Бруно назад к парому с обнадеживающими вестями, что обед готов и пиво распаковано. Но примерно через час Бруно примчался и сообщил, что паромщики сделали отчаянную попытку перевезти на другой берег оставшуюся «тойоту» и другую машину, но было поздно: вода спала и паром застрял на середине реки в ожидании нового прилива.

Мы накормили Бруно и послали его назад выяснить, нельзя ли чем помочь. А сами пришли к выводу, что самое правильное — сесть за обед: мало ли какую штуку может выкинуть прилив. Мы, конечно, не ожидали лукуллова пиршества, но хозяйка гостиницы подала деликатесное блюдо из разных моллюсков и крабов, большую миску земляных орешков под горячим соусом и, естественно, огромное количество риса. Мы как раз тщательно вытирали наши тарелки хлебом, когда вернулся Бруно. Он был в панике. Паромщики поторопились пригнать паром с «тойотой» к песчаному пляжу. Она съехала и закопалась носом в песок, а между тем вода все прибывает, и если ничего не предпринять, то машина полностью уйдет под воду, а с ней и половина нашего драгоценного оборудования. К счастью, одной из благополучно доехавших машин была «тойота» — именно то, что нужно. Бруно сел в нее и поспешил на выручку.

Вернулись измотанные. Вызволить перегруженную «тойоту» из песка и воды, даже при наличии лебедки, оказалось адски трудным делом. А не будь у них этого ценнейшего инструмента, так они бы до сих пор там сидели. Измученные путешественники сели за стол и жадно, словно волки, поглотили еду, а затем принялись разгружать «тойоту», а также осматривать, нет ли повреждений машины и оборудования. К всеобщему удивлению, повреждения были незначительны. Правда, пострадали ценные батареи, но, когда их по одной выгрузили и высушили, выяснилось, что от долгого нахождения в воде пришли в негодность лишь семьдесят из трехсот. К счастью, уцелевших с лихвой хватило для того, чтобы выполнить нашу программу.

На следующий день по-прежнему лило как из ведра, так что разрешить задачу по высушиванию всего подмокшего оказалось вдвойне сложно. К счастью, под самым потолком была натянута веревка, на которой развесили палатки, похожие на шкуры китов. Каждую вторую единицу оборудования пришлось перенести в главную комнату отельчика и тщательно исследовать на предмет попадания влаги. Везде, где возможно, морскую воду смывали пресной. Но все же, пока лил дождь, процесс сушки подвигался со скрипом.

Джон обнаружил в столовой еще две двери, и когда их открыли, внутри стало больше света и исследовать оборудование стало легче. Эти три двери были как три телеэкрана — сидя внутри на скамье, я мог наблюдать все, что происходит за стенами отельчика на главной улице деревни. Вот прошел долговязый Джон, неся какую-то деталь с такой бережностью, будто она из стекла; вот прошел Кью в обратном направлении — ему еще предстоит подобная миссия. Вот прошествовал Боб, словно заводная игрушка, — у него в руках пачки бумаги, губы медленно шевелятся, а лицо сосредоточено в задумчивости. А вот и другие члены нашей команды — у кого в руках динамо, у кого ящик с незаменимыми батареями. И за всем этим, стоя под проливным дождем, зачарованно наблюдают группы ребятишек — еще бы, для них это интереснее всякого цирка.

Вот маленький белый щенок с раздутым животом и важным видом подошел к «тойоте» и поднял ножку, как будто на всем Мадагаскаре для этого больше места не нашлось; под самой же машиной укрылись от дождя несколько мокрых, взъерошенных петушков. Зато утки и хрюшка, по-видимому, испытывали наслаждение от такой погоды — поросюшка возилась в грязи, издавая короткие восторженные похрюкивания и визги, а утки, помахивая хвостами, шествовали гуськом вниз по улице, словно на важное деловое свидание. Вот прошел крестьянин, погоняя небольшое стадо зебу; и хотя было очевидно, что и животные, и их погонщик были бы не прочь остановиться и полюбоваться диковинным зрелищем, они проследовали дальше.

Наконец дождь прекратился, и солнце сделало отчаянную попытку пробиться сквозь серую дымчатую завесу. Фрэнк распаковал свои рыболовные снасти и вместе с Ли отправился к морю в надежде поймать нам что-нибудь на обед, но вернулись ни с чем. Джон и Кью пошли на охоту и вскоре принесли безобидную слепозмейку *Tuphlops* — черную и блестящую, как шнурок для ботинка, длиной около пяти дюймов. Эти прячущиеся по норам необычные создания не то чтобы совсем слепы, просто глаза у них покрыты прозрачными чешуйками, так что, возможно, они способны лишь отличать свет от тьмы. Живут змейки тихой оседлой жизнью, прячась под землей и питаясь мелкими насекомыми и термитами. Они настолько таинственны, что об их образе жизни практически ничего не известно.

Но вот солнце засияло в полную силу, и от нашей хитрой механики повалил пар. Появилась надежда, что к следующему утру все высохнет и мы сможем продолжать наш путь на Мананару.

Глава шестая. ХРУСТАЛЬНАЯ СТРАНА, ИЛИ ПОГРЕБАТЬ — ТАК ВЕСЕЛО

Рано поутру мы отправились в путь, и как это ни казалось невероятным, дорога сделалась совсем негодной. Натыкаясь на огромные камни, намытые дождем, мы залетали прямо в ямы, которых пытались избегать. Дождь довел грязь до консистенции густого теста, и, плывя по пояс в этой скользкой жиже, мы неожиданно налетали на скрытые под ней скалы. Мои бедра и спина до того разболелись, что я уже клял себя за то, что не послушался совета Ли полететь самолетом и не подвергать себя костоломной тряске. Единственным утешением было то, что небосвод был голубым, солнце вовсю сияло и от всего вокруг шел белый пар.

К нашему удивлению, нам попало мало птиц, зато много прочей фауны. Пара переходивших дорогу чванливой походкой мангустов с хвостами колесом и шоколадными мордами предусмотрительно пропустили наш кортеж вперед, с интересом взирая на нас золотистыми глазами и вытянув хвосты трубой, словно восклицательные знаки, и только потом медленно и беззаботно закончили переход. Однажды дорогу нам переполз удав; медленно выписывая петли, он пробивал себе дорогу сквозь грязь. Достигнув противоположной стороны, он ненадолго задержался отдохнуть — хотя, по-видимому, обратил внимание на наше присутствие — и после этого исчез, сверкая чешуей, будто смазанной маслом. В общем, как я заметил, на Мадагаскаре все млекопитающие и рептилии были до того ручными, что легко могли стать мишенью точно нацеленного мачете или пули даже самого плохого стрелка.

Проехав мимо одной из деревень, спрятавшейся за холмами и оттого почти невидимой, мы догнали по дороге группу местных жителей, несущих нечто странное. Поравнявшись, мы увидели, что группа состояла из мужчин и подростков, и все — в соломенных шляпах, столь популярных у малагасийцев. В середине четверо мужчин несли на грубо сколоченных носилках труп старца, частично закрытый ламба. Погребальное шествие выглядело, однако, очень весело — все болтали, курили сигареты, махали нам, когда мы проезжали мимо, тогда как покойник подпрыгивал и трясся на носилках, словно был еще живой. Старца несли в первый раз в последний путь.

Судя по всему, мальгаша весело и задорно воспринимают смерть. У многих племен на Мадагаскаре существует обычай извлекать из могил кости предков; в честь этого устраивают хорошую пирушку, а кости потом вновь погребают со всей пышностью. Не знаю, так ли это на самом деле, но слышал, будто на стоянках такси на Мадагаскаре вывешены такие вот преysкуранты:

ПО ГОРОДУ: 7000 франков.

СВАДЬБЫ, ПОХОРОНЫ И ПЕРЕМЫВАНИЕ КОСТОЧЕК — ТАКСА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

Церемония перезахоронения называется «фамадана» и нередко происходит тогда, когда привезенные из другой местности останки погребаются в могилу предков; пользуясь этим, живые устраивают обряды и в честь ранее погребенных предков (например, перемывание косточек, которые потом заворачивают в новую шелковую пелену). Обрядами может сопровождаться и «церемония открытия» новой могилы, когда останки умерших переносятся сюда из

временных мест захоронения. Фамадана происходит очень пышно, при изобилии музыки, пения и танцев (в том числе танцев с костями предков!). Рассказывали, что однажды такая церемония происходила под музыку «Бездельник, кто с нами не пьет». Потомки выносят из могилы останки предка, «беседуют» с ним, а то и просто носят усопшего, «показывая», что нового произошло со времени его отсутствия в родном доме, городе или деревне. И всему этому сопутствует грандиозное веселье и смех

— назвать, что ли, словом «хохороны», не в пример нашему мрачному обряду, где заливаются слезами.

Ближе к вечеру мы, к своему облегчению, все-таки достигли Мананары. Сдается, что именно здесь родилось выражение «однолошадный городишко» (если, конечно, и одна-то лошадь тут найдется). Горстка полуразвалившихся домиков разбежалась по трем улицам, проложенным, вероятно, пьяным строителем и изрытым дырами, как сыр грюйер. Впрочем, для местной домашней скотины лучшего места, чем эта теплая, изрытая ямами земля, не нашлось. Зебу возлежали на дороге, меланхолично пережевывая жвачку и не обращая внимания на механический транспорт. Два крупных петуха, как заправские бойцы, в радостном возбуждении взлетали в воздух и старались поразить друг друга длинными кривыми желтыми шпорами. Солнце сияло на бронзовом, золотом и желтом оперении бойцов. В одной из ям курица с пятью цыплятами искала съестного, но безуспешно; зато в другой, радостно крякая, купались в пыли четверо утят. В соседней яме на боку лежала до крайности истощенная собака с тремя щенками, настойчиво пытавшимися выдоить немного жидкости из ее ссохшихся сосков.

По улицам городка расхаживали обитатели, нося корзины с провиантом на голове; у них не было привычки смотреть влево, вправо, а некоторые останавливались поболтать прямо посреди проезжей части. Даже когда мы клаксонили изо всех сил, они часто не обращали на нас внимания или в лучшем случае лениво оглядывались и нехотя сходили с дороги.

Здесьний отельчик, как это вообще свойственно «однолошадному» городу, смутно напоминает ковбойский салун на Диком Западе. Это конструкция из столбов и досок, снаружи окруженная верандой, с большим баром и рестораном внутри и помещением для кухни сзади, снаружи. Выйдя из этой основной структуры, можно увидеть кучку небольших шале в глубине сада. Кровати деревянные, а о таких штуках, как пружинные матрацы, здесь и слухом не слыхивали. Банька, размером чуть побольше, чем гроб для умершего от водянки, была оборудована ведрами с водой; закончив омовения, следовало просто вылить воду в щель между досками пола. Освещалось сие полезное заведение единственной электрической лампочкой размером чуть побольше грецкого ореха, свешивавшейся с конца провода со стершейся изоляцией. Поскольку помещение было рассчитано на низкорослых мальгашей, всякий раз, когда я открывал дверь в баньку, лампочка норовила стукнуть мне прямо в глаз. Когда же я исхитрялся вымыть голову, провод норовил так впутаться в волосы, что, если бы подаваемое здешней динамо-машиной напряжение было хоть чуть выше, меня неминуемо сразило бы током. Шале для приезжающих соединялись между собой узкими тропинками из камня-ракушечника, который хрустел под ногами, и если ты опаздывал ко сну, от этого хруста просыпались все постояльцы.

Владельцем отельчика был стройный, но чем-то похожий на кулачного бойца мальгаш, который в своей прошлой земной жизни был, вероятно, каким-нибудь янычаром из воинства турецкого султана. Заправляла же делами его жена — высокая, стройная, по-настоящему красивая китайка, с черными, как маслины, глазами, инкрустированными в нежную, белую, словно сливки, кожу. Всегда безупречно одетая, она держала небольшой штат отельчика в ежовых рукавицах: под ястребиным взором хозяйки гостиницы самые деликатесные и роскошные блюда подавались в любое время дня и ночи без задержки (что вообще-то не характерно для местных привычек), а в баре, также открытом двадцать четыре часа в сутки, всегда имелся большой выбор напитков — от пива до местного рома, от которого гарантированно вырастут волосы на груди даже у самой женственной рубенсовской модели.

В тот день мне открылась еще вот какая тайна: отельчик, оказывается, был центром торговли хрусталем. Мадагаскар и Бразилия — две ведущие страны по добыче хрусталя, причем Мадагаскар в этом даже опережает Новый Свет. Я наивно предполагал, что где-то есть какие-то хрустальные копи и мускулистые шахтеры, подобно семи гномам Белоснежки, извлекают кирками эти дорогие камни. Оказывается, ничего подобного. Хрусталь, тщательно маскируясь под обычные камни, пробивается из-под почвенного слоя в лесу, а предприимчивые местные жители ходят и собирают его, а затем сдают местным экспортерам, одним из каковых и являлся владелец отельчика.

Тайна мне открылась поутру, когда я услышал странные звуки. Что-то похожее не то на монотонный крик африканской птицы, чей голос напоминает молоточек медника, не то и в самом деле кто-то стучит молоточком по крошечной наковальне, а впрочем, это походило и на хор лягушек в брачный период. Направив свои стопы туда, откуда раздавался звук, я обнаружил группу девушек, сидевших в тени сделанного на скорую руку навеса из тростника; каждая разбивала малюсеньким молоточком большие кристаллы на кусочки размером с бразильский орех или чуть покрупнее. Сначала от кристалла-сырца откалывали порядочный кусок, каковой затем и обрабатывали молоточком, удаляя с него примеси. Подвергнутый такой обработке кристалл сияет белыми и серыми оттенками, словно сосулька. Постепенно куча обработанных кристаллов растет; их пакуют и отправляют в Европу, где используют, помимо всего прочего, в производстве лазеров.

Когда я поведал о своем открытии членам нашей команды, выяснилось, что я задел за живое Фрэнка, который оказался страстным коллекционером минералов. Вскоре, после долгой торговли с владельцем отельчика, Фрэнк приобрел у него темный кристалл величиной с хороший кирпич, но значительно толще. Эту разновидность неправильно называют черным хрусталем, хотя на самом деле он играет оттенками дымчато-серого, словно персидская кошка. Позже, в ходе этой же поездки, я приобрел большой кристалл, показавшийся мне несравненно лучшим: он играл всеми оттенками лиловато-розового, словно хорошо разбавленное красное вино; он был похож на гигантский розовый лепесток и столь хорош, что не нуждался ни в какой шлифовке.

Расположившись в отельчике, мы пребывали в состоянии некой неуверенности. Прежде всего мы предались размышлениям, где основать базовый лагерь: ведь раз основал — так там и сиди; туда притаскивай всех пойманных животных, оттуда отправляйся на ловлю. Во-вторых, мы точно не знали, в ка-

ких участках леса отлов будет удачливее, — как бы нам пригодился совет неуловимого профессора Ролана Альбиньяка, советника заповедника «Человек и биосфера», который начинался сразу за городом. Ожидалось, что мы встретимся с профессором по дороге, а его советы были нужны срочно.

Общая концепция заповедника представляется очень интересной и крайне важной, тем более в условиях такой страны, как Мадагаскар, где почти не осталось лесов. Под заповедник отведена обширная по площади территория, разделенная концентрическими кольцами, подобно мишени лучника. «Яблочко» в центре — участок неприкосновенного леса, куда заказан вход даже ученым, разве что с очень важными целями. Разумеется, там не разрешены ни охота, ни рубка деревьев. Следующее кольцо также представляет собой девственный лес, но там разрешены под строгим надзором охота и рубка. Лес используется как и должно — разумно и щадяще, с выгодой для человека, но и с заботой о мириадах других форм жизни, населяющих его. Третья зона — внешняя окружность — предназначена для занятия земледелием, но под наблюдением, чтобы земля не истощалась, а продолжала кормить людей. Если эта необыкновенно тонкая концепция сработает, она реально поможет Мадагаскару. Для нас же весьма существенным было знать, где начинаются и где кончаются различные зоны, чтобы можно было начать охоту за неуловимым ай-ай. Следовательно, прежде чем определять место для лагеря, необходимо было разузнать координаты Альбиньяка.

Но самым скверным являлось то, что после чудовищной тряски по жуткой дороге мои бедра совсем отказались слушаться и я передвигался примерно как восьмидесятилетний старец, зачем-то решивший принять участие в соревновании по бегу в мешках. Однако в самом беспомощном состоянии я оказался, когда настало время познакомиться со здешними удобствами во дворе. Двигаясь по дорожке из камня-ракушечника словно черепаха, неохотно пробудившаяся от спячки, я заперся в сооружении из кровельного железа, в котором на цементном полу отпечатались чьи-то следы, а дыра была размером с туннель под Ла-Маншем. Хуже всего то, что, уже сидя на корточках, я обнаружил, что мне не на что опереться, чтобы разогнуться. К счастью, я смог докричаться до своей благоверной Ли, которая самоотверженно бросилась мне на выручку. Так потом и ходили в туалет вместе, и я представляю, как остальные постояльцы гадали, чем мы там занимаемся, — ведь, прямо скажем, не самое удачное место для блаженства лобзаний, безумных желаний.

Я поставил проблему перед Кью, который как раз договаривался с местным плотником об изготовлении ящиков, в которых мы надеялись поселить ай-ай, когда они наконец будут отловлены.

— А у тебя хороший плотник? — спросил я Кью.

— Отличный, если проследишь за ним, — ответил тот.

— Я имею в виду — у него не торчат гвозди? Насколько я знаю, плотники чаще всего этим грешат.

— Нет, он очень аккуратен. А что?

— Так вот. Как только он закончит изготовление ящиков, пусть соорудит то, что я в юные годы называл словом «громотрон».

— Громотрон? А это еще что за хреновина? — спросил Кью, ошарашенно глядя на меня.

— О... громотрон — это... прекрасная вещь! Это ящик с двумя стенками, без

дна и с отверстием в крышке. Водружаешь над расщелиной или ямой в земле, садишься поудобнее — и делаешь свое дело с комфортом, с толком, с расстановкой... Как-то, будучи в Парагвае, я соорудил его из розового дерева, но здесь, боюсь, такой роскоши не будет.

— Ну, это для него пара пустяков. Однако почему ты называешь его гро... А! Все ясно! Только ставить надо над самой гулкой расщелиной.

— Ну и слава Богу, что до тебя дошло, — строго сказал я. У меня не было ни малейшего желания разжевывать ему этимологию этого слова.

Громотрон был закончен в сжатые сроки. Он оказался сработанным на совесть, и благодаря ему странствия даже по самым глухим закоулкам природы стали легче.

На пути в Мананару мы конечно же останавливались в каждой сколько-нибудь прилично выглядящей деревушке, где сохранился хоть небольшой участок леса, и расспрашивали про ай-ай. Результаты разочаровывали. Многие обитатели никогда в глаза его не видели. Даже самый почтенный старец, которому явно перевалило за восемьдесят, упорно отрицал наличие столь опасного создания в здешних краях. В одной из деревень сознались, что лет десять назад имелся такой, который разорял их плантации и был за то убит. В общем, пусто, ни намек на изобилие ай-ай. Настроение у нас совсем упало.

В ожидании Ролана Альбиньяка, который помог бы развеять наши сомнения, мы решили исследовать местность — выбрать наиболее подходящий уголок для базового лагеря и порасспросить жителей о загадочном животном. Джон наудачу поехал на «тойоте» в северном направлении, а Кью решил обследовать окрестности Мананары. Мы были в известной степени уверены, что Зверь с Магическим Пальцем существует в данном регионе, потому что некоторое время назад именно здесь было отловлено несколько особей для Венсеннского зоопарка и Дьюкского университета с целью разведения в неволе. Самый маленький из пойманных ими ай-ай, которому дали странное имя Хэмпри, был вообще первым ай-ай, которого я когда-либо видел. Он и позвал нашу экспедицию в дорогу.

К нашей компании добавился стройный простоватый юноша по имени Жулиан — в прошлом он показал себя прекрасным ловцом ай-ай и отловил несколько экземпляров для зоопарков. Он был настолько бесшабашен, что лазил за ай-ай по деревьям и хватал их руками, не боясь огромных зубов, которыми те могли в два-три приема разгрызть кокосовый орех. Доказательством кусачести ай-ай служили впечатляющие царапины на руках Жулиана. Было решено, что вместе с Кью он выедет в ночную разведку в окрестности Мананары на поиски следов этого странного создания. Ли взялась исследовать окраины города, а мне пришлось остаться в отельчике: как ни хотелось поучаствовать в ночной охоте, но боли не отпускали.

В одной из своих прогулок по окрестностям Ли выведала, что через реку, протекавшую на самой окраине города, перекинут внушительный железный мост, а тамошняя дорога замощена щебнем и находится в прекрасном состоянии. Она тянулась на тридцать пять миль и непостижимым образом заканчивалась в деревушке под названием Савдракатси. Путем расспросов нам удалось выяснить, чем была вызвана постройка этого участка хорошей дороги в столь, казалось бы, глухом месте. Жена бывшего президента являлась уроженкой Сандракатси, и ее предки родились здесь и покоятся здесь. Как все добрые

мальгаши, она должна была время от времени поклоняться могилам предков, но не таскаться же ей по разбитой дороге! Ее благоверный, как и подобает хорошим мужьям, проникся сочувствием к проблемам жены и повелел замостить дорогу. Разумеется, жена была обрадована, равно как и обитатели деревень, расположенных вдоль этой дороги: теперь им стало куда проще добираться до Мананары и продавать там продукты. Двигаясь по этой дороге, Ли набрела на деревушку близ обширных песчаных пляжей реки Мананара. Лучшего места для базового лагеря не найти! Но прежде чем решиться, мы все-таки постановили дожидаться неуловимого Ролана.

Тем временем из разведки вернулся Джон. Он отыскал район, где, по словам местных жителей, водились ай-ай, а также подходящее место для лагеря. Но загвоздка была в том, что дорога туда была разбита, как нигде, и, что хуже всего, сгнили мосты. Если хотя бы один из них рухнет, то вся экспедиция (и, естественно, ай-ай, если мы добудем таковых) окажется в ловушке. Но даже если бы дорога оказалась проезжей, все равно без советов Ролана крылья у нас были подрезаны.

Кью неоднократно выходил на ночную охоту вместе с Жулианом. и всякий раз наши герои возвращались ни с чем. Но однажды утром, когда я сидел на веранде и завтракал, вошел сияющий Кью.

— Ты не поверишь, — сказал он, по-хозяйски развалившись в кресле.

— Во что? — спросил я.

— Ай-ай! Полно ай-ай! Так и скачут по деревьям! Это было... Нет, это неопишимо! Это... баснословно! Ну, словом, просто невероятно. Я хотел сказать... Они повсюду!

— Вот ты сперва отдышись, а потом говори. Медленно, четко, чтобы можно было понять, — сказал я, наливая ему кофе.

Кью проглотил бодрящую жидкость и поведал, как все было.

Около половины восьмого вечера он с Жулианом зашли в нетронутый участок леса. Вдруг они обнаружили, что окружены ай-ай. Они видели восемь — десять животных, и Кью подумал, уж не брачное ли у них торжество. Известно, что текущая самка привлекает сразу нескольких самцов. Он сказал, что было много грохочущих звуков, как будто самцы, отвергнутые самкой, прощались со всей компанией. Крики самцов напоминают продолжительное «а-а-а», почти как у кошачьего лемура; тогда как у самок пронзительный крик похож на «э-й-й-э». Было и немало звуков явно агрессивного характера: фырканье с шипением. Очевидно, это или предупредительный сигнал у самцов, или звук, сопровождающий их брачные драки. Он видел, как ловко, словно белки, зверьки взбираются вверх и соскакивают вниз по ползучим растениям; как они лижут только что распустившиеся цветы пальмы равенала — очевидно, в поисках нектара; как они жуют на деревьях что-то вроде чернильных орешков, а затем выплевывают — по-видимому, их интересуют не сами орешки, а таящиеся в них личинки или жуки. Кью рассказывал, как ловко они лазят по деревьям, слезают головой вниз, кормятся, свесившись на задних лапах с веток.

Новости, что и говорить, замечательные. Итак, место выбрано верно, осталась только самая малость: поймать. Но легко сказать, а вот поди поймай! Мы умно сделали, что распространили по всем окрестным деревням новость, что ищем ай-ай: два дня назад из соседней деревни пришла тревожная весть.

Зверолов со стажем привык к тому, что сюрпризы могут поджидать его в любую минуту. Вот он отправляется в далекий и опасный путь за редкими животными, а когда наконец прибывает к месту назначения и всех расспрашивает, отовсюду слышит что-нибудь в таком роде: «Что ж вы не приехали на прошлой неделе, сейчас их и след простыл. Я вот видел двадцать, а Чарли... Чарли, сколько их тебе попало на глаза? Вот видите, сорок. Сами виноваты, что явились не в сезон. Где вы раньше были?» И понятно, что две-три недели подобных расспросов загонят в сумасшедший дом даже зверолова со стальными нервами. На нашу же долю выпало нечто похуже. В одной деревне сообщили, что выследили гнездо ай-ай. Туда мы и отправились. И что же? Прибыв на место, обнаружили, что это гнездо крысы, но жители уверяли, что видели там ай-ай и что десять дней назад одного поймали.

— И что с ним сделали? — с замиранием сердца спросили мы и услышали, что животное было убито за то, что поедало кокосовые орехи.

— А вы не слышали, что это животное охраняется? — спросили мы.

Местные жители смущенно переглянулись. Да, что-то такое слышали краем уха, но не верили этому, потому что в деревне в нескольких милях отсюда пойманного ай-ай просто-напросто съели. У нас замерло сердце. Мы знали, что во многих местах ай-ай подпадает под запрет — фад и, и даже если его убивают, то не едят. Если же на вкус местных жителей ай-ай окажется еще и деликатесным блюдом, то вскоре он будет истреблен по всей округе. Позже мы узнали, что обе деревни находились в пределах заповедника «Человек и биосфера», что конечно же не добавило нам оптимизма.

В этот день хозяйка гостиницы отмечала день своего рождения и в честь этого вечером устроила для нас всех пирушку. Мы надели чистые рубахи и чистые шорты, а я написал ей поздравление на открытке с изображением ай-ай, задним числом подумав, стоило ли так поступать: вдруг она разделяла мнение местных жителей о злокозненности этого существа? Но, судя по всему, хозяйка наша была польщена. По случаю праздника она вырядилась щеголихой, а ее волосы цвета вранового крыла были причесаны всем на зависть. Да, был в ней некий необъяснимый изыск, окружающий иных женщин, словно аура.

Ужин удался на славу. Хотите верьте, хотите нет, но подали и шампанское. Редко кому посчастливится столь роскошно отужинать с таким прекрасным вином в подобной экстраординарной обстановке. Но и на этом сюрпризы не кончились — в конце вечеринки именинница объявила, что утром повезет нас на пикник на остров среди протекавшей неподалеку реки. Мы знали, что неутомимый Ролан выпустил именно туда пойманного им ай-ай, и, по словам виновницы торжества, у нас были большие шансы увидеть его. Коль скоро мы все равно не могли приступать к решительным действиям до появления Ролана, идея пикника на острове среди реки пришлась нам по душе, а если еще удастся хоть одним глазком взглянуть на ай-ай, будет совсем здорово.

На следующее утро мы отправились. Именинница выехала вперед в небольшом фургоне, набитом съестными припасами; ее сопровождал почти весь штат. Мы последовали за ней примерно часом позже. Река в месте переправы была очень узкой; вода цвета крепкого кофе лениво текла меж берегов. Мы переправились на остров на внушительной пироге, чьи мореходные качества оставляли, мягко говоря, желать лучшего. Когда высадились на остров,

выяснилось, что он порядка тридцати пяти акров площади, окружен зарослями тростника и папируса; на острове росли малопригодные для ботанических садов кофейные и гвоздичные деревья, кокосовые пальмы и масса бананов. Повсюду бегали цыплята и хрюшки.

Под одной из кокосовых пальм приютилось несколько хижин. Поскольку мальгашаи вообще низкорослые и строят соразмерно своему росту, в наших глазах эти жилища выглядели детскими шалашиками для игры. Возле хижин стояло несколько удобных мальгашских стульев с гнутыми спинками, сплетенных из тростника. Я нахожу их самыми удобными из такого рода мебели, но уж если комфортабельно устроился, не делай резких движений. Это все равно что сидеть в уэльской тростниковой лодке, когда от резкого или неосторожного жеста катишься вправо, влево или назад. Впрочем, мы подносили ко рту кушанья и напитки с величайшей осторожностью, так что сидеть на этих стульях нам показалось наслаждением.

Когда мы расселись поудобнее, виновница торжества властно, как некая азиатская Клеопатра, отдала распоряжения — и праздник начался. Подали цыпленка под острым соусом с помидорами, жареную рыбу с овощным гарниром и как коронное блюдо — изысканно приготовленный холодец из свиных ножек в огромных мисках. Едва мы успели воздать должное великому разнообразию яств, как со стороны реки жизнерадостной походкой явился Человек-невидимка — не кто иной, как Ролан собственной персоной, с сияющими голубыми глазами, с лицом и лысиной, румяными как яблочко, одетый в чистую рубашу и шорты.

— Привет, Джерри, — радостно сказал он. — А вот и я. Как дела?

Он протянул мне руку, а я, расцеловав его в обе щеки, подал ему зыбкий мальгашский стул и налил вина.

— Так где тебя черт носил? — спросил я Ролана. — По слухам, тебя кидало по всему Мадагаскару от Ну-си-Бе до Фо-Дофена.

— Так оно и было, — сказал он. — Я ведь теперь советник заповедников биосферы и ношусь то туда, то сюда, ни минуты покоя. Ужасно! Я совершенно измотан.

«Что-то верится с трудом, судя по твоей пышущей здоровьем физиономии», — подумал я, когда он наливал себе второй стакан.

— Ну, — спросил Ролан, — а как у вас дела?

— Да ничего, потихоньку, — ответил я. — На озере Алаотра добыли лему-ров, а в Мурундаве — черепах и прыгающих крыс. Сейчас они в целости и сохранности в зоопарке Цимбазаза. Теперь бы нам еще достать этого треклятого ай-ай.

— Нет проблем, — молвил Ролан, допивая стакан. У нас отлегло от сердца, когда мы услышали эту его любимую фразу. В нашей предыдущей поездке его «нет проблем» было ответом на самые, казалось бы, неразрешимые ситуации, из которых он неизменно находил выход. Это было его излюбленное выражение, так что мы прозвали его Профессор Нет Проблем; так я и назвал его, посвятив ему книгу, которую написал за ту поездку. Рядом с этой страстной натурой чувствуешь, что любое затруднение, разрешить которое под силу лишь Геркулесу, Ролан снимет одним мановением руки и возгласом: «Нет проблем!»

— Сейчас наша главная задача — найти, где основать базовый лагерь, —

произнес я.

— Здесь, — отрезал Ролан.

— Как, прямо тут, на острове? — удивился я.

— Да нет же, нет, — нетерпеливо сказал Ролан. — Я имею в виду здесь, близ Мананары, и вы сможете охотиться у границ заповедника. Если не добьетесь успеха, я выпишу вам разрешение на ловлю в пределах внешнего кольца. Я знаю, что там водятся ай-ай и что люди убивают их, хоть и осведомлены, что этого делать нельзя.

— Они еще едят их, — угрюмо добавил я.

— Едят? — воскликнул Ролан, как громом пораженный. — Это ужасно. Когда люди убивают их за то, что те пожирают у них кокосовые орехи, это одно дело, но если ай-ай стали убивать ради еды, это чудовищно.

— Мы подумали, не основать ли лагерь в какой-нибудь деревне у той мощной дороги, — сказал я. — Так, по крайней мере, легче будет ездить в город за провиантом.

— Прекрасно, — согласился Ролан. — Лучше не придумаешь.

— Да вот беда — у телевизионной группы слишком мало времени, — продолжал я. — Нам нужно добыть ай-ай, пока им не настало время ехать.

— Нет проблем, — мягко сказал Ролан. — У меня один уже есть.

— Как?! — вскрикнул я и неосторожно дернулся. Стул опрокинулся, увлекая меня за собой, и я оказался на земле вверх ногами.

— Джерри, будь поосторожнее и побереги бедра, — проговорил Ролан, помогая мне подняться. Он произнес это с еще большим придыханием, чем обычно.

— Так у тебя действительно есть ай-ай? — переспросил я. Я был так потрясен, что позабыл о боли в бедрах.

— Да, да, есть. Вы можете взять его для съемок, но потом попрошу вернуть: я хочу выпустить его на остров к тому, которого уже там поселил.

Я передал новость телевизионщикам, и не нужно говорить, как это их обрадовало. Представьте, что было бы, если бы нам не удалось поймать ай-ай! Тащиться в такую даль и возвратиться ни с чем! Тут дело даже не столько в огромных деньгах, выброшенных на ветер. Как было бы досадно, если бы так и не удалось снять фильм об этом редчайшем и необычайшем существе на земле!

— Так поедем скорей! — выпалил я. — Так хочется на него посмотреть!

— Предупреждаю, он вовсе не ручной, — сказал Ролан. — Тот, прежний, был куда послушнее.

— Да хоть бы и людоед! Не важно, лишь бы снять фильм.

— Сказать по совести, я не запасся страховым полисом на случай встречи с ай-ай-людоедом, — подумав, заявил Фрэнк.

— Так-то оно так, — возразил я. — Ну, а у него, по-твоему, есть страховка на случай встречи с человеком?

— Я не трус, — сказал Фрэнк. — Просто я пообещал своей новой жене вернуться домой как огурчик. А если оно поотгрызает мне руки-ноги, что тогда?

— А ничего! Пусть поотгрызает тебе руки, ноги и... кое-что еще, но фильм должен быть! — изрек Боб Эванс, которого Фрэнк по одним только ему ведомым соображениям нарек Капитаном Бобом — видимо, чтобы польстить его проворной, энергичной натуре.

— Давайте не будем об интимной жизни Фрэнка. Лучше отправимся в город и посмотрим на зверя, — сказал я.

— А зверь попался крупный, — заметил Ролан.

— Вот и прекрасно, — продолжал я. — Значит, не ускользнет даже от такого оператора, что нам достался.

Тим обиженно взглянул на меня.

— Бросьте трепаться! Болтушки! — сказала Ли. — В путь!

Мы забрались в пирогу и отправились на тот берег.

Глава седьмая. ВЕРИТИ ВЕЧЕРНИЙ

Недалеко от отельчика на главной улице расположилась дощатая постройка. В ней разместились контора заповедника «Человек и биосфера». Здесь, под крышей, в тени и прохладе, стояла коробка, откуда высывались усы. Там находилась самая крупная самка ай-ай, которую мне когда-либо доводилось видеть. Она смотрела на нас мягким любопытным взором, словно любимая хозяйская кошка, сидящая на подоконнике. Можно было подумать, что она и родилась в неволе.

— По-моему, она старая, — сказал Ролан. — Если не старая, то уж в зрелом возрасте точно.

— Ну, для фильма это не имеет значения, — заявил я. — Спасибо, Ролан, мы перед тобой в неоплатном долгу.

— Нет проблем, — ответил тот.

— Как мы назовем ее? — спросила Ли.

— Верити! — твердо сказал я.

— Почему Верити? — заинтересовался Джон.

— А почему бы нет? Старинное красивое викторианское имя. И потом, Фрэнк снискал себе славу своими «правдивыми фильмами».

— Хм, — пробурчал Фрэнк. — Надеюсь, вы не имеете в виду эпизод, когда я пытался усадить Джина Отри на лошадь?

— Ничего, пусть называется Верити, — настоял я.

Быть посему — и мы сохранили за животным новое имя, даже когда открыли, что это самец.

Теперь, когда у нас на вооружении был Профессор Нет Проблем, мы могли приступить к более активным действиям. Как и всегда на Мадагаскаре, первое, с чего мы начали, — нанесли визит президенту округа Мананара. Он оказался милым и спокойным малым, однако под маской свойственного мальгашам добродушия с трудом скрывалось его отношение к нам как к неисправимым чудакам, сбежавшим неизвестно из какого сумасшедшего дома. Но поскольку мы выглядели скорее блаженными, чем буйными, президент выразил свое восхищение тем, что мы будем работать на подвластной ему территории, и радушно приветствовал нас.

Оказав своим визитом честь главе местной администрации, мы двинулись по мощеной «дороге предков» и доехали до деревни Антанамбаобе, где Ли заметила место для базового лагеря. Понятно, вдоль дороги не осталось и намека на настоящий лес, зато можно было попытаться порадоваться плодам человеческой деятельности. Вот уголки буйной растительности, над которыми распростирали свои веера пальмы равенала; вот небольшие поля риса в овражках, куда эрозией нанесло немного плодородной грязи; они были похожи на пятна изумрудно-зеленой акварели из детского набора красок. Деревенские дома утопали в ухоженных садах, где росли личи с ярко-оранжевыми плодами и гвоздичные деревья столь аккуратных удлиненных яйцеобразных форм, что их можно было принять за чудо искусства стрижки деревьев.

Подвигаясь вперед, мы вдыхали самые разнообразные ароматы листьев, на которых играло солнце, чудесный запах земли и прелой листвы, напоминавший запах сливового пирога. Но вот въехали в деревню — и были очарованы ароматами кофе, гвоздики, ванили, разложенных для просушки на тростнико-

вых подстилках. Высыхая на солнце, они наполняли воздух волшебными благовониями.

Антанамбаобе оказалась большой деревней в несколько тысяч душ; а с первого взгляда не подумаешь — домики так разбросаны среди кокосовых и гвоздичных плантаций, что, если бы не череда домов вдоль дороги, можно и не узнать о таком скоплении населения. Здесь мы встретились с уполномоченным провинции. Назначенные правительством чиновники, зачастую не из числа исконных жителей, обычно (как мы скоро в этом убедились) находятся в натянутых отношениях с местным населением. А как же иначе: назначенные правительством, да к тому же не местные — целых два черных клейма!

«Уполномоченного» звали Жером. Его улыбка заставляла непроизвольно хвататься за карман, чтобы убедиться, цел ли бумажник. Очевидно, Жером был польщен, что мы выбрали для своей работы подвластную ему деревню, а на наши перегруженные машины он смотрел восторженно, даже с восхищением.

Он широко улыбнулся, обнажив множество разрушенных, как у большинства мальгашей, зубов. Любой дантист, который заглянет в этот благословенный уголок, или навсегда потеряет покой и сон, потому что столько гниющих клыков он не увидит даже в самом страшном кошмаре, или же решит обосноваться здесь и сколотить состояние. По сравнению с крепкими, белыми зубами африканцев, блестящими как надгробия из итальянского мрамора, во рту у мальгашей обычно сталактиты и сталагмиты всех оттенков черного, желтого и зеленого, способные вызвать шок. Впрочем, у Жерома среди останков выкрошившихся передних зубов, словно солнце меж несущихся по небу грозовых облачков, сиял аккуратно вставленный золотой зуб. Правда, автор сего блестящего украшения был или дилетант, или так волновался за порученное ему ответственное дело, что в итоге коронка зуба оказалась ненавязчиво нависающей над нижней губой Жерома.

Хотя в лицо мы называли его «месяе Жером» (похоже, его самого удивляла такая почтительность), за глаза он именовался не иначе как Гнилозубом. Мы сказали ему, что не собираемся вмешиваться в жизнь деревни — просто разобьем лагерь на песчаном пляже вниз по реке, а все, что нам надо, — немного тени для себя и тех живых существ, что мы надеялись отловить. Ну а все необходимое для самообеспечения у нас есть. Расставшись с месяе Жеромом, наша команда отправилась осматривать окрестности.

Тут произошло радостное событие: пока мы обсуждали все «за» и «против», из кустов выползла большая блестящая змея и медленно и соблазнительно, точно танцовщица с острова Бали, проскользила как раз через тот участок, где мы собирались стать лагерем. Кью поймал ее, и мы ощутили в своих ладонях тепло длинного, мягкого как шелк тела зеленой и коричневой с золотым отливом раскраски, текшего меж пальцев словно вода. Мы отпустили ее, пожелав всего самого доброго. Не будучи людьми суеверными, мы все же восприняли это как доброе предзнаменование.

Местность и в самом деле радовала глаз. Широкая река медленно несла свои бурые воды среди скал и песчаных дюн. С первого взгляда могло показаться, что на противоположном берегу сохранился девственный лес, но это впечатление создавали лишь несколько каким-то чудом уцелевших больших старых деревьев. Вокруг их массивных стволов бурно расцвела молодая по-

росль футов двадцать высотой, а из нее выстреливали группы кокосовых пальм и неизменных пальм равенала.

Мы осторожно ступили на песок и расчертили площадку под будущий лагерь. Вот здесь у нас будет столовая-гостиная, а вот тут построим помещение для животных... Тем временем Гнилозуба окружила толпа сельчан. Все лезли с советами, как делать то, как делать это. И бедняга окончательно вышел из себя — ведь если все будут приставать с советами, того и гляди, забудут, кто здесь начальник. По мере того как он выходил из терпения, все ярче сиял на солнце его золотой зуб, словно кинжал. Еще бы, ведь событие могло оказаться судьбоносным в жизни деревни! Когда еще такое случится, чтобы в деревне Антанамбаобе остановилось сразу девять вазаха, да еще на четырех машинах, напичканных несметными сокровищами! Тем более все знают, какие простаки эти вазаха, — стоит их хорошенько потрясти, как денежки посыплются, БУДТО листья с дерева! Тут местные жители хором принялись заверять нас, что бамбук для опор и пальмовые листья для крыш будут заготовлены уже к утру, а постройка начнется сию же минуту. Я сказал, что надо бы понаблюдать за началом работы и убедиться, что вместо заказанного прямоугольного сооружения нам с энтузиазмом не построят треугольного. Такое случается не только в тропиках, но и в матушке-Европе: я сам убедился в этом. У меня были друзья, которые строили дом в Греции и все доверили вкусу и опыту строителя. Когда же вернулись, то с ужасом обнаружили, что фасад выходит не туда, куда они заказывали. Строитель пытался оправдываться тем, что зимой в этом направлении дуют ветры, но мои друзья-то не собирались жить там зимой; тогда строитель упал духом и разразился слезами, и моим друзьям стоило немалых усилий его утешить. Наученный горьким опытом, я не хотел повторения того же в Антанамбаобе.

Я также расспросил о местных перемещениях стад зебу, потому что выйти рано поутру из палатки и увязнуть в коровьей лепешке никак не входило в мои планы. Разузнав обо всем, мы решили отправиться в путь, предварительно повторив все наши инструкции от начала до конца. Жером слушал с большим вниманием, кивал в знак согласия и в то же время самозабвенно ковырял в носу

— вероятно, чтобы внимательнее слушать. Наконец нам настало время двигаться, и он соизволил прекратить развернутые археологические изыскания у себя в носу и вынуть оттуда палец. Пожелав с сияющей улыбкой доброго пути, он пожал всем руки. Я заметил, что был не единственным членом экспедиции, кто после такого прощания тщательно вытер руки о штаны.

Когда мы выехали, небо было еще чистым — бледным, мягко-голубого цвета. Но неожиданно налетели полчища грозных темно-серых туч, похожих на кочаны цветной капусты. Они заслонили солнце, словно задули свечу; их набухшие сосцы готовы были пролиться дождем. Тот, кто не был в тропиках, не может и вообразить ту внезапность и ярость, с которой обрушивается на путника тропический ливень. Когда мы добрались до отельчика, из-за грохога ливня по крыше и по кронам пальм было невозможно разговаривать. Я видел, как от дождя укрылась под листом красивая, алая с черным, бабочка; когда же ливень достиг такой силы, что лист начал сгибаться и качаться, она сделала неразумную попытку вылететь и поискать более надежное убежище и тут же была прибита струями ливня к земле. Прежде чем я смог спасти ее, капли до-

ждя вмазали ее в почву. Когда такие капли бьют по голове и лицу, это довольно ощутимо. Шум воды, стекающей с пальмовых листьев, напоминал шум гигантского водопада. Дорога в считанные секунды превратилась в полосу жидкой грязи, изменив окраску с цвета розовой карамели на почти алый; с крыши из рифленого железа сыпались капли размером с алмазы в двадцать девять карат, но гораздо красивее. Температура упала до десяти градусов Цельсия. Вдруг неожиданно облака милостиво очистили небо, солнце застенчиво выглянуло, и от каждого предмета повалил пар, как из чайника.

Этим вечером Ли накормила Верити согласно разработанной нами необычной диете. Во-первых, в меню были включены личинки жуков длиной в три дюйма и весом почти в унцию каждая. Они были чем-то похожи на дородных пожилых леди в ночных халатах из бледного шелка и, вероятно, могли бы превратиться в больших жуков, подобных тем, что нам доводилось видеть, — каждый размером со спичечную коробку, с коричневым и черным отливом, будто отлакированный, и с огромным, как у носорога, рогом на голове. Впрочем, Верити оказался начисто лишеным воображения и набросился на угощение с таким энтузиазмом, с каким ребенок накидывается на стаканчик мороженого. Излюбленным блюдом Верити были также хлебные шарики, намазанные сырым яйцом и медом. Кроме того, чтобы у него не слишком-то росли зубы, мы давали ему палки сахарного тростника, а иногда и кокос. Словом, на этой диете наш питомец жил как у Христа за пазухой и в несколько дней приучился брать пищу из рук Ли.

Когда мы вернулись с места будущего лагеря, Жулиан сказал, что хочет выйти на ночную охоту, чтобы своими глазами убедиться, стоит ли возлагать такие надежды на район вокруг Антанамбаобе. Мы отпустили его, уповая, что поутру он расскажет о самом крупном из известных науке скоплений ай-ай как раз в том месте, где мы заложили лагерь; правда, были некоторые сомнения. Штука в том, что ай-ай как цыгане: нынче здесь, а завтра там. Найдут подходящую ферму, устроят набег и, насытившись, соорудят гнездо для сна. Гнезда же представляют собой объемистые сооружения из листьев и ползучих растений с мягкой подстилкой внутри. В таких «коттеджах» они днем спят, а ночью, словно пираты, отправляются на поиски другой фермы для разграбления. Таким образом, добыть ай-ай можно, только застигнув его в гнезде в дневное время. На нашу беду, сходные по внешнему виду и размерам гнезда строили местные крысы, и определить, кому принадлежит гнездо, можно было, слазив на самую верхотуру. Но взбираться на высоту пятидесяти — шестидесяти футов (дело само по себе рискованное) только ради того, чтобы убедиться, что гнездо принадлежит крысе, — занятие крайне раздражающее, не говоря уже о том, что и бесполезная трата времени. Судя по всему (хотя мы и не были совершенно уверены), ай-ай строили себе гнезда, спали там, а на следующий день строили гнездо на новом месте. Следовательно, даже если ты с таким трудом и добирался до гнезда, всегда был риск обнаружить его пустым. Еще одним удручающим фактором служило то, что приехали мы, как полагали, в разгар сезона размножения, но поскольку знания наши об ай-ай были скудны, нам было неизвестно, остается ли самка в том же гнезде после рождения детеныша, пока он не станет достаточно большим, чтобы следовать за нею, или же продолжает прежний кочевой образ жизни, строя каждый день новое гнездо и таская за собой беспомощного несмышлениша.

Приходилось жалеть о том, что мы так мало знаем об этом невероятном животном. (А впрочем, много ли мы знаем о большинстве других Божьих созданий?!) И все же у нас появилась надежда. Пару лет назад удалось поймать несколько особей ай-ай (считавшихся тогда вообще последними) и перевезти их на остров Нуси-Мангабе, где был устроен заповедник. Там для этих животных оказался рай земной, и туда прибыла доблестная леди по имени Элеонора Стирлинг. Она уже два года изучает живущих на этом острове ай-ай, и, когда наконец опубликует свою докторскую диссертацию, посвященную этим животным, мы надеемся, что большинство их секретов перестанут быть секретами.

На следующее утро возвратился беззаботный Жулиан и с радостной улыбкой сообщил, что его миссия кончилась ничем. Хотя новость не явилась неожиданной, она все-таки покорила нас, и члены экспедиции в угрюмом настроении отправились посмотреть, как идут дела на стройплощадке. Впрочем, то, что мы там увидели, несколько придало нам бодрости. Работы на всех заказанных объектах шли полным ходом — чудо, какое вряд ли еще где увидишь. Гигантские стволы бамбука, каждый с блюдечко в диаметре, зеленые и желтые, как старая слоновая кость, с черными штрихами, будто нанесенными кистью, срезались на противоположном берегу реки и сплавлялись к месту стройки. В связках они выглядели как огромные леденцы. Что и говорить, бамбук вообще одно из самых удивительных и полезных творений природы. Срежьте одно только звено, примерно в три фута длиной, удалите один конец — и вот вам прочный и изящный сосуд: хотите — называйте кувшином, хотите — вазой. Разрежьте звено пополам и удалите лишнее — и вот вам две отличные чаши; разрежьте в длину — вот вам большая пепельница, а если угодно, карандашница, закладочница или что хотите.

Мы осмотрели место, где сооружались кухня и жилые помещения. Работы здесь начались в первую очередь, и мы пленились этим зрелищем. Сначала лопатами выкапывались ямы для установки столбов. Вообще же лопата была единственным применявшимся на этой стройке инструментом, если не считать мачете. Этот последний — родня абордажной сабли, паранга, кри и ятагана, а также старший брат опасной бритвы — в руках умелого воина или работника становится едва ли не частью его тела, продолжением его руки. Он может легко отрубить человеческую руку или расколоть надвое череп, а может и разрезать надвое травинку.

Скорость и аккуратность, с которой местные жители работали этими смертоносными орудиями, казалась невероятной. Следующим шагом за рытьем ям являлась установка опорных столбов из бамбука, которые сначала очищались от листьев и мелких веток. А вот за этим процессом нужен был глаз да глаз: мы опасались, что малорослые мальгаши построят такой дом, в котором поместятся разве что семь Белоснежкиных гномов, — ходить, постоянно стучаясь головой о потолок, как в елизаветинском коттедже, нам совсем не хотелось. Определив высоту конструкции, верхний конец бамбука расщепляли надвое, в виде римской цифры пять, устанавливали в яму и засыпали, а землю хорошенько утрамбовывали. Между тем другие рабочие тщательно сдирали прочную кору с гигантского бамбука — из нее делалась надежная веревка для связывания потолочных балок. Как только балки водрузили, началась заготовка пальмовых листьев для крыши. Пальмовый лист надрезался вдоль, чтобы его

можно было сложить, как палатку. Потом, укладывали поверх балок и закрепляли на месте.

К обеду была готова базовая структура и половина крыши. Скорость работы представлялась немислимой. Когда мы вернулись с обеда, конструкция была готова полностью. Ко времени же чаепития были установлены и палатки. Мы разместили свою под хлебным деревом, телевизионщики же поставили свои роскошные зеленые палатки в ряд, как в военном лагере, а Фрэнк воздвиг свой расписанный оранжевыми и белыми полосами шатер прямо на песчаном берегу. Это совершенно испортило вид из нашей палатки, но кто мы такие, чтобы спорить с директором? Теперь осталась самая малость — «кабинеты задумчивости», мусорная яма и прочие подобные мелочи. Мы выгрузили наше разномастное оборудование и покидали в только что возведенный дом для сортировки. Что же касается обитателей самой деревни, то настроение у них было такое, будто к ним приехал цирк.

Пока в лихорадочном темпе велись работы, на холме чуть выше лагеря, где строился домик для животных, собралась, кажется, вся детвора Антанамбаобе. Осмелев, они спустились и обступили нас плотным кольцом человек в двенадцать толщиной. Здешние дети, правда, спокойны и послушны, но по мере того как распространялась весть о нашем появлении, детей сбегалось все больше и больше и кольцо становилось все теснее и теснее. Даже при самом отличном их поведении нам становилось все труднее сортировать поклажу и обустриваться. Кроме того, из-за присутствия такой массы человеческих тел температура поднялась на целых пять градусов.

Детей, конечно, можно было понять — в их глазах мы были чем-то совершенно не от мира сего. Даже пришельцы с летающей тарелки и те, наверное, не произвели бы такого впечатления. Мы были одновременно цирком Барнума и Бейли, выступлением лорд-мэра, сменой караула у королевского дворца и фестивалем диснеевских фильмов, вместе взятыми. Было интересно вглядываться в их изумленные лица, пытливые глаза, следившие за нами с жадностью телемана, которого часами не оттащишь от голубого экрана. Наше непостижимое оборудование было в их глазах примерно тем же, чем для нашего брата является оснащение агента-007. Только когда мы начали доставать понятные для них вещи — одежду, лампа, банки сардин и тушенку, блестящие золотистые бутылки растительного масла, рис и печенье, по их рядам пронесся шепот: мол, эти вещи нам знакомы. Дети следили за каждым нашим движением, точно детективы из Скотланд-Ярда. От их сияющих глаз, похожих на тутовые ягоды, не ускользнуло ничто — и все это конечно же будет рассказано родителям сегодня же вечером. В свою очередь, я сам наблюдал за детьми, порой невзначай наступая им на ноги.

— По правде, я не хотел бы лишать этих детишек удовольствия, — сказал я Ли. — Это явно самое большое событие в их коротких жизнях. Но лучше будет, если они отойдут на несколько шагов, а то мы тут задохнемся. А еще лучше будет, если они сейчас отправятся по домам, а придут завтра. Надо, чтобы кто-нибудь сказал им, что мы пробудем здесь несколько недель и не испаримся к ночи. Ты можешь пойти к месье Жерому и посоветоваться с ним, что делать? Дай ему понять, что мы *любим* детей, но всему же есть предел.

...Мы сидели за чаепитием — с плохо скрываемым отвращением пили пахнущий дымом очень горький чай, чуть подслащенный сгущенкой, когда вер-

нулась радостная Ли.

— Ну как? — спросят я. — Повидала месье Жерома?

— Да, — сказала Ли. — И он нас понял. Он посоветовал учредить часы посещений.

— Что? — недоверчиво спросил Джон.

— Часы посещений.

— Это что, как в зоопарке? — любопытно спросил я.

— Что-то вроде этого, — хмыкнула Ли.

— Ну вот, круг и замкнулся, — с облегчением сказал Фрэнк. — О чем бы ни зашел разговор — мы все сведем к теме зоопарка.

— Я все-таки не совсем понимаю, — молвил я.

— А чего тут понимать? Мы отведем несколько часов, чтобы они могли прийти и поглазеть на нас, — объяснила Ли. — Я предложила: с половины одиннадцатого до половины двенадцатого. У нас как раз в это время завтрак, и думаю, в это время они не будут нам так досаждают.

— А он что ответил?

— Он сказал, что дети в это время в школе. Договорились — с четырех до половины шестого, — сказала Ли. — Так, по-моему, будет лучше всего.

— Значит, устроим им что-то вроде утренника? — спросил Капитан Боб с тоской во взоре. — Помню, я так любил выступать на утренниках в юные годы!

— И что, по-вашему, нужно для них делать? — поинтересовался я.

— А зачем для них еще что-то делать? — сказала Ли. — Будем вести себя естественно, и все.

— Ну нельзя же ничего не делать на глазах у аудитории в восемьсот человек! — запротестовал я. — Что-то нам надо все-таки делать!

— Согласен, — сказал Микки, чьи рыжие волосы встопорщились во все стороны, а усы яростно ощетинились. — Что-то надо делать. Я могу спеть для них несколько старых песен. «Три поросенка» — пойдет?

— А я могу аккомпанировать на гребенке с папиросной бумагой, только вот гребенку еще надо найти, — подхватил Тим.

— Я могу представить сцену с кинжалом из «Макбета», — сказал я. — Из меня получится милый страшный Макбет.

— Тебе не надо быть Макбетом, чтобы быть страшным, — заметил Фрэнк.

— Ли может спеть что-нибудь по-французски, — продолжал я, сделав вид, что пропустил его замечание мимо ушей. — У нее такой приятный голос!

— А я на что? — вмешался Джон. — Я тоже умею петь.

— Нет уж, извини, — решительно возразил я. — Я знаю тебя тридцать лет и слышал, как ты поешь. Ни слов не помнишь, ни мелодии не выдерживаешь. Нет, петь ты не умеешь.

— Правда? — заинтересованно спросил Грэм. — Я тоже не умею. Попробуем дуэтом?

— Не дай Бог! Они от вашего пения как мухи передохнут. Помнишь, Джон, как называли тебя детишки в Сьерра-Леоне? «Белый человек, у которого болит живот».

Увы, все наши споры оказались напрасны. Мы честно ждали гостей к четырем часам, но никто не пришел. Позже выяснилось, что родители устроили детям такую головомойку, что напугали их до смерти. Более того, когда мы по-

дошли к месту, где стояли наши машины, то увидели пригвожденный к столбу щит с надписью большими неровными буквами на мальгашском языке. Надпись гласила:

«ВАЗАХА — НАШИ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ. НЕ БЕСПОКОЙТЕ ИХ. ПРИХОДИТЕ СМОТРЕТЬ НА НИХ ПО ВЕЧЕРАМ ПО НЕСКОЛЬКУ ЧЕЛОВЕК». Было ясно, что местные жители готовы уважать наше право на личную жизнь. А что касается актерских амбиций, то я не вижу ничего страшного в том, что наши таланты оказались невостребованными.

Несмотря на это, около лагеря было довольно оживленно, потому что он лежал между двух тропок, что вели от деревни к реке. Одна тропинка шла туда, где стояла большая, но малоустойчивая пирога для переправы людей с их товарами и пожитками через воды шоколадного цвета. По другой, петляющей тропке дважды в день совершали паломничество к реке женщины — за водой и для мытья посуды. К несчастью, из-за своих болячек я принужден был большую часть времени проводить в лагере, но зато эти две тропки исправно поставляли мне «антропологический» материал, за которым я наблюдал с удовольствием и интересом.

Любопытной фигурой являлся, например, худощавый молодой человек, который жил где-то на противоположном берегу. Он имел красивого откормленного зебу цвета орехового дерева. Большое богатство для такого молодого человека и, без сомнения, гордость семьи. Дважды в день он приходил купать животное, а заодно и потрепаться с паромщиком. Если паромщик был на нашем берегу, парень отвязывал свою пирогу, переплывал на нашу сторону и накрепко привязывал пирогу к мощному корню. Вслед за ним, по шею в воде, переправлялось и животное. Здесь хозяин тщательно очищал его пучком травы или плоским камнем, что явно доставляло быку наслаждение. Убедившись, что каждый квадратный дюйм кожи питомца очищен от блох, клещей, пиявок, перхоти и прочей нечисти, парень слушал рассказ паромщика о последних новостях из лагеря этих сумасшедших вазех а. Нынешней ночью мы опробовали генератор и залили лагерь непривычным для местных жителей светом; пытаясь на следующий день разъяснить происшедшее скептически настроенному владельцу зебу, паромщик так отчаянно жестикулировал, что опрокинул пирогу и, взметнув фонтан брызг, оказался в воде. К моей радости, находившееся в воде животное встретило нового купальщика благосклонно.

Случалось, хозяин зебу так заслушивался рассказами паромщика, что совершенно забывал о своем подопечном. Пока он жадно расспрашивал паромщика, зебу становилось скучно. Сверкая лоснящимися боками на солнце, животное выходило из воды и слонялось по берегу. Однажды оно исчезло за деревьями, и через минуту оттуда раздался страшный крик: это кричал крестьянин, в чьи посевы забрался бык. Владелец зебу тотчас же побежал туда, схватил своего питомца и, обменявшись со взбешенным крестьянином полным перечнем непечатных выражений, помчался назад к другу-паромщику — восхитительному мастеру сказок...

По другой тропке к реке спускались женщины — яркие, как попугаи, в своих веселых ламба, с целыми столбами посуды на головах. У некоторых были кастрюли из жести с почти стершейся эмалью, у других — посуда из пластмассы с такими ободранными стенками, будто по ним водили шкуркой. Чтобы понять, чем вызвана такая изношенность, нужно посмотреть на метод чист-

ки, которому, впрочем, не откажешь в оригинальности. Посудину погружают в реку и насыпают в нее порядочную горсть песка, после чего девушка ставит в нее ногу, удерживая посудину, чтобы ее не унесло течением. Второй ступней девушка поворачивает посудину вокруг своей оси, между тем как пальцы первой ступни растирают по внутренней поверхности посуды песок, очищая ее. Результат известен, зато руки остаются свободными. Хочешь — жестикулируй, хочешь — держи необыкновенной длины палку сахарного тростника; девушки расправляются с ними с такой ловкостью, какой позавидует любой ай-ай. Каждый раз, когда юные особы дефилировали в ту или другую сторону, они бросали нам скромный взгляд из-под пизанской башни горшков, стоящих у них на голове, и приветствовали нас мягкими и нежными, как у воркующих голубей, голосами. Они были восхитительны, и я до смерти жалел, что не знаю мальгашского, — как бы хотелось спуститься вниз к реке да поболтать с ними, пока они чистят кастрюли пальчиками ног, с мягким шипящим звуком, как будто едет лилипутский паровозик, — прямо скажем, приятнее на слух, чем посудомоечная машина.

Был еще один человек, чье поведение озадачивало нас. Мы долго спорили, что все это могло бы значить, но стеснялись спросить у него. Он переправлялся через реку на пироге, а затем шел через песчаные дюны к тропке, по которой девушки спускались мыть посуду. Миниатюрный и стройный, он одевался в шорты и чистую рубаху, а на голове его красовалась традиционная для мальгашей соломенная шляпа. Через плечо у него всегда была перекинута палка, с конца которой свисала небольшая сумка из соломы — по всей видимости, его завтрак. Всякий раз, когда этот мальгаш проходил мимо наших палаток, он останавливался, снимал шляпу, склонял голову (в этом своем поклоне он напоминал эмбрион в утробе матери) и, лопоча что-то в знак приветствия, ждал, чтобы мы ответили тем же. Когда церемония заканчивалась, он надевал шляпу и шел к домику для животных. (Чем он там занимался, я заметил только после того, как он проделал это несколько раз.) Поприветствовав снятием шляпы нас, он еще раз снимал ее, проходя мимо домика для ай-ай, единственным обитателем которого пока был Верити. Может, он считал животное зловецким и молил не насыпать на него горестей и бед? Этого мы никогда не узнаем, но факт тот, что он снимал шляпу и перед нами, и перед нашим пленником.

Еще одним колоритным персонажем была девушка с ведром. Полненькая и в то же время грациозная, с широкой яркой улыбкой и соблазнительными глазами с поволокой, она дважды в день приходила за водой с огромным желтым пластмассовым ведром. Мы слышали, как она, приближаясь, что-то напевала милым и щебечущим, как у черного дрозда, голосом. Наконец она показывалась с надетым на голову, словно шляпа, ведром. Ведро было столь огромно, что полностью накрывало ей голову, и видеть из-под него она могла разве что свои ступни; но тем не менее девушка грациозно, словно серна, ступала по тропинке со всеми ее камнями и корягами. Естественно, ведро служило отличным резонатором, так что ее пение отзывалось всюду звонким эхом. Возвращаясь назад с полным ведром на голове, она посыпала нам ослепительную улыбку, желала всего самого доброго и продолжала свой путь по взбирающейся на холм тропинке, по-прежнему оглашая округу счастливой песней. Мы всегда с нетерпением ждали ее серенад и цирковых трюков с ведром и каж-

дый раз жалели, что все это длится так недолго.

К этому времени Верити стал совсем ручным, и каждый вечер Ли ходила кормить его с рук. Вообще-то в кормлении с рук не было строгой необходимости, но оно дает представление о том, сколько пищи требуется животному. Если животному просто оставить пищу, оно часто разгрызает ее, не съедая, и разбрасывает по всей клетке, так что, когда утром приходишь убирать, трудно понять, сколько же пищи было съедено фактически. Верити с удовольствием поедал хлебные шарики с медом и сырым яйцом, каждый размером с мячик для пинг-понга. Потом наставлял черед его любимых жирных личинок жуков, которые он поглощал с великим наслаждением. Поскольку мощные зубы ай-ай постоянно растут, ему нужно грызть что-нибудь твердое, иначе зубы грозят превратиться в клыки. Ну а уж грызть-то было что: тут и подгнившие палки, и кокосовые орехи в кожуре, и сахарный тростник. Тростник, равно как и личинок жуков, исправно поставлял Марк — маленький коренастый бодрый мальгаш, который был у нас на стройке за прораба. Он был глубоко предан Ли, но досаждал ей тем, что упорно называл ее Мама.

Забавно было наблюдать, как по-разному Верити обходился с различными блюдами. Мягкие шарики с медом он подносил ко рту средним пальцем, точно вилкой. Так же он поступал и с жирными личинками жуков, но начинал с того, что отгрызал им головы, отчего те судорожно корчились и сплющивались, как проколотые воздушные шарики, а потом с наслаждением принимался за остатки. Палки сахарного тростника он раскусывал своими огромными зубами, сдирая внешнюю грубую кору и добираясь до сладкой сочной мякоти. Сахарный тростник, по которому прогулялись зубы ай-ай, выглядел как некий древний музыкальный инструмент вроде архаической флейты.

С кокосовым орехом (часто величиной почти с самого ай-ай) дело обстояло посложнее. Сначала ай-ай должен был срезать толстую блестящую зеленую кожу — понятно, здесь не обходилось без мощных зубов, похожих на резцы. Когда он решал, что путь к ядру открыт, то принимался за ядро. Работая зубами как циркулярной пилой, ай-ай прогрызал в ядре дыру диаметром два с половиной дюйма. Речь идет конечно же о молодых орехах, в которых еще есть кокосовое молоко, — Верити снова пользовался средним пальцем, с необыкновенной ловкостью и проворством окуная его в жидкость и поднося ко рту. На этой стадии развития мякоть кокоса не застывает, как в тех орехах, что мы получаем в Европе. Она скорее напоминает полупрозрачное беловатое желе с едва сладковатым вкусом и запахом кокоса. Добравшись до этого лакомства, Верити вновь орудовал средним пальцем, доставая желе с поразительной скоростью. Добыв все, что мог, он делал паузу, затем расширял отверстие и снова пускал в дело свой магический палец. Палец-то на самом деле не намного длинней, чем остальные, но кажется таковым, потому что тоньше и костистее.

Когда животному дают подгнившую палку, оно тщательно прислушивается к ней, стараясь поймать малейший шорох скрывающейся там жирной личинки, прогрызающей дерево изнутри. Затем зверек разгрызает палку зубами, стараясь добраться до сделанного личинкой хода, втыкает туда свой палец с точностью хирурга, запуская зонд во внутреннюю полость больного, накалывает ногтем личинку и извлекает из укрытия. На Мадагаскаре, как это ни странно, нет дятлов, и существует предположение, что ай-ай играют их

роль в экологическом балансе леса.

Единственным звуком, который издавал наш пленник, если кто-то его неожиданно тревожил, было громкое сопение. Кью блестяще описал этот звук — точно кому-то приспичило очень сильно чихнуть, но чих пришлось заглушить. Однажды ночью Микки услышал, что Верити орет, как мартовский кот, и, преисполненный чувства долга, достал звукозаписывающее оборудование, пробрался к домику ай-ай и записал его голос, не обращая внимания на полчища голодных комаров. Наблюдая за Верити, а позже и за другими ему подобными, я пришел к выводу, что ай-ай — стойкие животные, как и подобает немногим уцелевшим, и что они гораздо умнее, чем всякие там лемуры, с которыми мне приходилось иметь дело.

Заселение лагеря оказалось столь же хлопотным делом, как и переезд в новый дом. То один, то другой член экспедиции отчаянно выкрикивал: где отвертка?! где сардинки?! где компас?! где пиво?! И неизменно на каждый вопрос мягким голосом отвечал Грэм. Он отыскивал все, где бы то ни лежало, каким-то шестым чувством, подобным научно не объясненному феномену лозоходца, отыскивающего с помощью волшебного прута подземную воду. Можно было подумать, что у него в голове, как в компьютере, запечатлелась карта размещения наших пожитков. Однажды я спросил между делом, куда могла деваться Ли. Не отрывая глаз от книги, которую он читал, Грэм быстро доложил мне, что она делала с самого утра, и закончил сообщением о том, что Ли только что ненадолго отправилась в деревню, по всей видимости за сахарным тростником. Грэм был нашим Шерлоком Холмсом, и без него мы были бы дезориентированы, как собака Павлова без звонка.

Между тем охотничий сезон продолжался. Джон, Кью и Жулиан выходили на ловлю каждую ночь и всякий раз возвращались с пустыми руками. Однажды они выследили-таки ай-ай, и Жулиан, с необыкновенной ловкостью и скоростью взобравшись на дерево, схватил животное за хвост. Неудивительно, что ай-ай, оскорбленный таким непочтением, обернулся и впился своими невероятными зубами Жулиану в руку. К счастью, бедняга отпустил ай-ай прежде, чем тот откусил ее совсем, но следы зубов остались навсегда. И долго еще после этого в лагере раздавались крики: «Грэм, где пластырь?», «Грэм, где тубик с обеззараживающей мазью?». Своим мягким голосом Грэм руководил нашими действиями по спасению незадачливого охотника, как заправский хирург с Харли-стрит.

Жизнь в лагере входила в свою обычную колею. Марк ежедневно приносил для ай-ай кокосовые орехи и сахарный тростник. Приходили и дети, принося личинки жуков, хотя по-прежнему тарасили на нас испуганные глазенки. Мы наняли двух полногрудых деревенских девиц таскать воду, мыть посуду и стирать нашу одежду, но как-то так получилось, что готовить себе решили сами. Мы открыли, что Капитан Боб блестяще варит рис, просто пальчики оближешь; за это он получил еще один титул — Рисовый Король. Мы также послали нашего продюсера в Мананару за покупками, поскольку обнаружили, что в нем развит необыкновенный инстинкт выискивать, как по мановению волшебной палочки, в этом «однолошадном» городе самые экстраординарные продукты в самых крошечных магазинчиках. Мы изоцрялись, составляя список покупок, и каждый раз поражались, когда ему удавалось все достать. Однажды Фрэнк и я решили сыграть с Бобом шутку: вписать в список черную ик-

ру и перепелиные яйца и посмотреть, что будет. Правда, потом мы все же отказались от этой затеи — вероятно, из-за смутного страха, что он таки принесет. В нашей команде высказывалось предположение, что под именем Капитана Боба скрывался не кто иной, как мистер Фортнум Мейсон, но от этой идеи Капитан Боб категорически отрецировался.

Что касается Тима, то, прежде чем взяться за свое исконное ремесло кинооператора, он решил стать у нас шеф-поваром и снимать пробы с приготовляемых блюд. В какой-то злосчастный момент он объявил себя главным спецом по десертным блюдам. Тут же со всех сторон раздались требования экзотических десертов — от паточного торта до булок с начинкой. Тим же, как умелый матадор, ловко увертывался от наших алчных требований, уверяя, что он-де может все — от яблочного пирога до пудинга с вареньем, дайте только необходимые продукты. Ах, у вас только бананы да сгущенка? Так каких же деликатесов вы от меня хотите, оставьте меня в покое! В итоге у нас закралось в душу подозрение, что Тим никогда и не переступал порога кухни и что даже вскипятить воду будет для него неразрешимой проблемой. Каким-то чутьем догадавшись о наших мыслях, он взял бананы, сахар, сгущенку и, к нашему удивлению, изготoвил из этих самых заурядных продуктов такие изысканные и притом разнообразные десерты, что я никогда не подумал бы, что такое возможно.

Однажды (видимо поймав нас на слове, что мы любим готовить) Фрэнку и мне было поручено сочинить коронное блюдо к обеду. Тушенка и сардины с гарниром из риса не вызвали того энтузиазма, на который мы рассчитывали. Сардины на поджаренных ломтях хлеба, за которыми последовали оладьи с тушенкой, были встречены более чем прохладно. Также с треском провалилась тушенка, приправленная кэрри. А ведь до сего случая приготовленная кем-либо из нашей компании еда неизменно встречалась криками радости! Пришлось согласиться с мнением Фрэнка, что мы только зря расточаем наши кулинарные таланты на потребу тупой, неотесанной черни, которой все равно, что страсбургский пирог, что кормовая репа.

Фрэнк втайне от меня пожелал исправить положение и стонял в город купить на рынке свежего мяса зебу. Обычно сей деликатес отличался не большим изыском, чем сапог наполеоновского солдата при отступлении из России; но Фрэнк, вероятно обратившись к опыту своих среднеевропейских предков, каким-то чудом приготовил из этого мяса нежный гуляш. Желая не остаться в долгу, я отправился на рынок раздобыть чего-нибудь такого, от чего вся команда языками бы зацокала. В одном из уголков рынка на земле (а на этом рынке вся торговля велась с земли) я приметил нечто любопытное. Эти предметы напоминали викторианские пасхальные чепчики розового и зеленого цвета с привязанными к ним ленточками. Впрочем, «пасхальные чепчики» — сильно сказано: эти штуковины не ведали ни мыла, ни воды — очевидно, по ним раз десять проехали тяжелым асфальтовым катком, потом на несколько месяцев закопали в ароматный компост и лишь после этого выставили на продажу в рядах съестного на рынке. Близко и пристально изучив странные творения, я пришел к выводу, что это осьминоги, с которыми случилось что-то страшное, — они ничем не напоминали тех глазастых, лоснящихся моллюсков, которых мне приходилось видеть в детстве. Короче, если кого ударить этой штукой по голове, можно не только проломить череп, но и вызвать смер-

тельное заболевание мозга. Тем не менее, поддавшись порыву, любопытству и принципу, что хоть раз нужно все попробовать, я купил парочку этих мумифицированных головоногих и принес в лагерь.

Здесь, в обстановке строжайшей секретности, я показал их Фрэнку. Когда он пришел в себя после шока, я спросил его, как, по его мнению, их следует готовить.

— Сначала их надо оживить, — изрек он после некоторого раздумья.

— То есть как? — изумился я. — Ты хочешь, чтобы я делал искусственное дыхание осьминогам, издохшим двести лет назад? Нет уж, уволь!

— Да нет, конечно. Я имел в виду напитать их водой, — сказал Фрэнк. — Они высушены, пусть вымокнут.

Мы положили тушки в миску с водой; в результате осьминоги стали выглядеть еще более зловеще. Мы оставили их на пару часов, а затем пришли взглянуть, что с ними стало. К нашему удивлению, поглотив много воды, они сделались немного похожими на тех осьминогов, которых мы знали и любили. К вечеру они выглядели уже совсем пухлыми, скользкими и приятными. Мы мелко покрошили их, сдобрили растительным маслом, добавили все, какие только у нас были, специи да еще горсть горячего как огонь, деликатесного и ароматного малагасийского черного перца и поставили все это на медленный огонь, полагая, что члены нашей команды, измотавшись и проголодавшись за тяжелый день, накинутся на нашу стряпню с жадностью. Не то чтобы мы ошиблись, но есть было можно — правда, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы разжевать. Я сказал, что грубая пицца полезна для пищеварения, а работа челюстей способствует укреплению зубов.

— Точнее, так, — сказал Фрэнк, — сперва ломаешь себе зубы, а потом мучишься запором.

Однажды Капитан Боб вернулся из города со связкой петухов, чему наша команда несказанно обрадовалась. Какое же разочарование постигло всех, когда петухи были ошипаны. Эти странные малагасийские птицы чем-то напоминают длинноногих бойцовых петухов, которыми славилась старая добрая Англия, — так же пышно раскрашены, и глаза свирепые, как у василиска. А поди разоблачи их от богатого оперения — и тут же обнаружишь, что птички эти практически лишены груди, а бедра у них как у танцовщика, страдающего отсутствием аппетита. Как мы ни колдовали над ними, результат был один: чем дольше их варишь, тем они жестче.

Один такой большущий расфуфыренный представитель семейства куриных, с походкой как у короля бойцовых петухов, каждое утро спускался к нам из деревни в сопровождении целого гарема драных кур. Оказывается, мы поставили палатку как раз посреди его территории, что вызвало явное его неодобрение. Когда над рекой рассеивался туман и кукушки начинали свой мелодичный, протяжный, бормочущий зов, этот петух подходил вразвалочку к нашей палатке и, поворачивая голову, устремлял на нас яростный взор сначала одним золотистым глазом, потом другим, желая показать, что мы для него не заслуживающая внимания мелюзга, с какой точки зрения ни посмотри. Затем он запрокидывал голову назад и издавал хриплый, протяжный и очень противный крик. Предполагая, что этим он запугал нас до смерти и теперь мы у него в подчинении, он входил в палатку и начинал скрести наши пожитки своими мощными ногами, вероятно считая, что все, что здесь лежит,

можно съесть. Впрочем, меткий удар сапогом мгновенно убавлял ему спеси, и он вываливался с чувством оскорбленного достоинства, вымещая злобу на одной из своих покорных жен, как бы давая понять, что молодец он тот еще.

Визит петуха и его громогласное приветствие окончательно прогоняли сон. Кукушки продолжали свой утренний хор. С хлебного дерева, укрывавшего палатку своей тенью, с шумом падали на крышу листья и затем с таинственным шорохом соскальзывали вниз, на землю. Высохшие листья напоминали огромные пятерни человека, страдающего артритом. Они хрупали, словно хрустящее печенье, под ногами, когда я выходил из палатки выпить первую в этот день чашку чаю, раздумывая, сумеем ли мы наконец поймать этого неуловимого ай-ай с «магическим пальцем».

Глава восьмая. УЧЕНИКИ ЧАРОДЕЯ

Мадагаскар изобилует колдунами, магами и чародеями всех сортов и мастей, и Фрэнк высказал мысль, что неплохо бы задействовать одного в нашем фильме. Марку доходчиво растолковали, что нужен колдун, который за скромную плату предсказал бы, каковы наши шансы поймать ай-ай и на верном ли мы находимся пути в достижении этой цели. Марк сказал, что у него есть на примете превосходный колдун и что он не замедлит связаться с ним. Я заметил, что нам требуется не какой-нибудь завалящий шаман, а потомственный колдун с родословной не хуже, чем у троицы ведьм из «Макбета». Марк заверил, что у этого колдуна самые что ни на есть блистательные рекомендации и его услуги повсюду пользуются спросом. Марк тут же послал весточку своему знакомцу, и, естественно, ответа не последовало.

Поиски ай-ай продолжались днем и ночью; Кью и Джон все больше напоминали заезженных кляч и окончательно пали духом. Время работало против нас. Мы вели поиски уже без малого четыре недели, и скоро телевизионщикам предстояло возвращаться назад на Джерси. Правда, в нашем распоряжении был Верити, но нам-то хотелось заснять все перипетии поимки животного в дикой природе — то, ради чего телегруппа и затеяла эту многотрудную и дорогостоящую поездку. Если со мной и с Ли возможно заключить контракт, обязывавший нас делать то, что от нас требуют, то заключить такой же контракт с ай-ай невозможно. (Всем было тошно слушать это от меня в сотый раз.) Так-то так, но нам от этого было не легче. Мы все ходили как в воду опущенные — не только потому, что у нас пропал фильм (как бы ни было важно его снять), но и потому, что поимка ай-ай была главной целью всей экспедиции, на которую не только Трест, но и я сам выложил из собственного кармана огромную сумму. Чем дальше, тем грустнее проходили наши завтраки, обеды и ужины.

— Ну как, слышно что-нибудь о колдуне? — спросил Фрэнк.

— Да, — сказала Ли. — То есть я сама ничего не слышала, но Марк-то уж точно знает.

— Так надо же расспросить его! — оживился я. — Хоть колдуна снимем.

— А может, мне самому выступить в роли колдуна? — предложил Фрэнк.

— Прекрасная мысль, — сердечно сказал я. — Как у тебя с мальгашским языком? Он сам по себе такой таинственный, что все, что от тебя требуется, — пробормотать несколько слов вроде «Амбатондразака» или «мисаотра томпоко». А давай-ка сначала вырядим тебя в местную одежду!

Фрэнк призадумался.

— От-ли-чно, — вразтяжку произнес он.

Слава Богу, до таких крайностей дело не дошло, потому что на следующее утро торжествующий Марк объявил, что колдун прибудет уже сегодня вечером.

Он появился, как раз когда стемнело. Хорошо сложенный, высокий по мальгашским стандартам мужчина, с интересным, в какой-то мере даже импозантным лицом. Нас несколько удивило, что он притащил с собой мать, жену и четырехмесячного младенца, — вот, мол, мои ассистенты.

— Как, и младенец? — спросили мы.

— Да нет, конечно, только жена и мать. Младенец пока только зритель.

Впрочем, и в этом возрасте он способен усвоить кое-какие сведения.

Публика расселась на земле, улыбаясь и тихо переговариваясь. Жена колдуна передала ребенка бабушке, на руках у которой он мирно лежал, словно шоколадный человечек, а затем уселась, подбоченясь, позади своего благоверного. Колдун лег на спину и велел накрыть себя с ног до головы белой ламба. Засим последовала мелодраматическая пауза, после чего колдун сделал глубокий вдох и все его тело, особенно ноги, затряслось так, будто через него пропускали сильный электрический разряд. Как нам объяснили, в этот момент его устами могут говорить предки. Но вот он снял накидку, сел и очень вежливо попросил пива и сигарету. Его жена объяснила, что сам колдун не курит и не пьет, но предок, который собирается дать нам совет, баловался и тем и другим. Очевидно, эти шалости недоступны в местах, где ныне пребывала его душа. Колдун глотнул пива, затем, сделав первую затяжку, вдохнул в свои легкие колоссальный объем дыма, и сеанс связи начался.

Естественно, первое, о чем мы спросили, — ждет ли нас, по мнению предка, удача на охоте. Предок (то бишь колдун) сделал еще один глоток пива, еще раз затянулся и медленно, самым высокопарным тоном, какому позавидовал бы сам сэр Генри Ирвинг, играя в «Колоколах», заявил, что нас, безусловно, ждет удача, если наши мотивы чисты и мы не будем действовать как грабители-колонизаторы.

Сказанное поначалу показалось мне смешным, да и, прямо скажем, странно, чтобы духи предков выступали с политическими заявлениями. Но нам объяснили, что жители Мадагаскара по-прежнему боятся, что вазаха вернутся и вновь начнут разграблять их страну. Мы заверили предка, что нам менее всего хотелось бы захватывать Мадагаскар силой, а все, что нам нужно — приобрести нескольких замечательных мадагаскарских животных, чтобы отвезти их домой и показать другим вазаха, сколь прекрасен остров Мадагаскар и какие замечательные существа там обитают.

Похоже, предок был удовлетворен ответом и на какое-то время замолк, наслаждаясь пивом и затягиваясь сигаретой. Затем он изрек, что наши мотивы чисты и что мы наверняка обретем успех. Произнесение этого краткого пророчества заняло, однако, большой промежуток времени — оно было изречено на самом красноречивом мальгашском, а мальгаши любят длинные напыщенные речи, сопровождаемые театральными жестами и конечно же с длительными паузами для подкрепления.

Наконец, когда пиво было допито и сигарета выкурена, предок забрался под покрывало и вынырнул оттуда уже в обличье колдуна. Мы выдали ему запрошенную символическую сумму за услуги, и, к нашему удивлению, колдун настоял, чтобы мы получили с него деньги за пиво. После этого он со всей свитой ушел во тьму ночи.

Не знаю, был ли наш последующий успех обусловлен вмешательством предка, но факт в том, что успех пришел вскоре после того, как дух предка посетил нас. Я не собираюсь фарисейски рассказывать об этом, потому что мальгаши крайне серьезно относятся к подобным контактам. Кто верит в Магомета, кто — в Будду, кто — в Иисуса, кто — в души предков; не нам судить — кто прав, кто не прав. На мой взгляд, большинство мировых религий слишком категоричны; однако, проповедуя философию «живи и давай жить другим», на деле редко так поступают.

На следующий вечер нас посетил местный школьный учитель и, выпив несколько банок пива, поведал о представителях странной мифической фауны, которой мальгаши населили свою землю. Вы скажете, у них и без того много дивных существ, чтобы выдумывать еще какие-то? Тем не менее то, что поведал нам местный учитель, напоминало средневековый bestiary. Одно из таких существ, например, напоминало гигантскую кошку, которая вдобавок к пугающему внешнему облику и способности убивать человека одним лишь взглядом имела еще одно необычное свойство: у нее было семь печеней. Поскольку тварь эта была столь агрессивна, трудновато было понять, каким образом было сделано это открытие; но факт остается фактом — у нее было семь печеней. Существует поверье, что у кошки девять жизней, но семь печеней — это, по-моему, уже слишком. Я не стал выяснять, является ли причиной тому страсть кошки к спиртному и, следовательно, стоит ли записывать ее в Общество анонимных алкоголиков.

Другим волшебным созданием было огромное крысopodobное существо, которое при встрече немедленно принималось заниматься онанизмом. Человеку, увидевшему такое, следовало ускорить шаг и продолжить свой путь. Если же вы остановитесь и начнете смеяться (а я думаю, многие, увидев онанирующую крысу, животики бы от смеха надорвали), зверюга разразится гневом и вызовет такую бурю, после которой насмешник если и уцелеет, то не узнает леса и неминуемо заблудится и погибнет.

Следующий рассказ касался реального существа мунго — грациозного, красивого животного, похожего на мангуста, именуемого по-латыни галидия. Больше всего на свете эти мелкие твари любят кур и, к раздражению сельчан, убивают и едят их, где бы ни встретили. Как бы хорошо ни был построен курятник, где содержатся столь желанные птицы, мунго идет на все, чтобы проникнуть внутрь. Если же надежность конструкции становится препятствием для его дерзновенных планов, то он, разочаровавшись, являет всю низменную сущность своей натуры. Отчаянно работая лапами, он затыкает доступ воздуха в курятник. Наутро крестьянин обнаруживает кур задохнувшимися. Так мунго мстит за то, что от него ушел лакомый кусок. Я, к сожалению, забыл спросить учителя, нельзя ли оборудовать курятники кондиционерами для пресечения подобных случаев.

Между тем охота по-прежнему не приносила результатов, а день, когда телекоманда должна была нас покинуть, приближался с неумолимой быстротой. Разумеется, все время мы снимали и засняли немало сцен кормления Верити из рук Ли. Поскольку снимался фильм на видеоленту, а у нас с собой был небольшой телевизор для просмотра отснятого, то мы решили, что было бы неплохо показать сюжеты с Верити местным школьникам. Мы рассчитывали, таким образом, убить трех зайцев. Во-первых, было бы забавно заснять реакцию детей на такой просмотр, поскольку большинство из них никогда прежде не видели телевизора. Во-вторых, это продемонстрировало бы им на примере Верити, каким кротким и безобидным может быть ай-ай. И наконец, был расчет на то, что они поделятся увиденным с родителями и воодушевят их помогать нам в охоте. Впрочем, события развивались не совсем по намеченному сценарию.

Школа располагалась примерно в миле по дороге, и спускаться к ней нужно было по очень крутой, размытой дождями тропинке из красного латерита.

Проделывать такое крайне трудно даже в сухую погоду, и я удивляюсь, как дети ходят по ней в сезон дождей, когда тропинка, должно быть, становится опаснее, чем самая сложная трасса для слалома.

Впрочем, школьные здания из дерева и кирпича выглядели довольно солидно, а наша аудитория — примерно полтора десятка детишек от шести до десяти лет — сидела по рядам, являя собой образец послушания. Когда мы появились, кто-то испуганно перешептывался, кто-то раз или два кашлянул, кто-то шаркнул босыми ногами по деревянному полу — вот и все. Девочка смотрела на нас огромными, черными, изумленными глазами. Перед ними была целая группа великанов-вазаха, которые, если их разозлить, могут и слопать мальгашских детей — и за завтраком, и за обедом, и даже за чаем, так что нужно сидеть тише воды, ниже травы и смотреть чудеса, которые мы для них приготовили.

Мы установили телевизор, чтобы было видно всем, а я произнес короткую доходчивую речь, что, мол, ай-ай не такое уж плохое создание и что если оно и поедает кокосы и сахарный тростник, так только потому, что вырубается его среда обитания — лес, а это не сулит ничего хорошего ни мальгашам, ни ай-ай, которые принуждены воровать у людей урожай. Затем мы пустили фильм — и в одно мгновение дети затихли. По рядам пронесся вздох, когда на экране появился Верити и приблизился к дверце клетки; и раздались удивленные возгласы (впрочем, тотчас же стихшие), когда на экране показалась рука Ли с медовым шариком и зазвучали ласковые слова, которые Ли говорила Верити. Верити взял у нее из рук пищу, и, когда расправился с нею, на экране вновь возникла рука Ли, в которой на этот раз была жирная личинка жука. По рядам снова пронесся вздох — так вот, оказывается, для чего дети собирали такое множество личинок, за которые им платили настоящие деньги, да еще угощали диковинными и вкуснейшими конфетами! На корм ай-ай! Глаза девочек сияли, зубы блестели; ребята хихикали, глядя, как Верити расправляется с личинкой, сначала отгрызая ей голову, а затем доставая своим волшебным пальцем внутренности из еще корчащегося тела.

Фильм закончился, и по лицам детей было видно, что они готовы смотреть его без усталости хоть целый день. Учитель попросил ребятню на прощанье спеть нам песню в благодарность за визит, что они с энтузиазмом и исполнили. Но наши сюрпризы на этом не кончились, Мы засняли, как они с интересом наблюдали за кормлением Верити и как они пели. Эту кассету мы и поставили.

На мгновение воцарилась ошеломляющая тишина, пока кто-то не узнал своего друга. Новость, словно пламя лесного пожара, распространилась по рядам, и вскоре детишки, смеясь и показывая пальцем, стали узнавать своих друзей и — чудо из чудес! — самих себя. Разумеется, это было куда веселее, чем фильм о старом ай-ай. Сказать, что сюрприз имел успех, — значит ничего не сказать. «Мэри Поппинс» и «Белоснежка», вместе взятые, не удостоились бы такого восторженного приема. Это был тот успех, о котором мечтают и которого так редко достигают голливудские звезды. Естественно, сеанс пришлось повторить, потом еще раз. Мы начали понимать, что этот фильм не сойдет с экрана дольше, чем самая кассовая лента, если мы позволим детям крутить его сколько влезет.

А потом мы показали им еще один трюк. Тим наводил на детей камеру, а

изображение проецировалось на экраны. Теперь ребята могли видеть себя крупным планом, в окружении друзей. Разумеется, они махали себе руками и падали от хохота, глядя, как изображение на экране махало им в ответ. Я думаю, дети охотно провели бы с нами целый день и даже месяц — до того им понравились наши чудеса. Но, увы, настала пора возвращаться в лагерь и унести колдовские штуковины с собой.

Еще в бытность нашу в отельчике близ озера Алаотра меня поначалу удивляло, почему хозяева держат телевизор включенным, даже когда в баре нет ни одного человека, а потом сообразил, что это делается для идущих с базара зевак. Аудитория человек в пятьдесят, стоя у двух окон, наблюдала красочную и до слова понятную французскую мыльную оперу и горячо обсуждала происходящее на экране. Да, конечно, великая вещь — телевидение, но оно может оказывать и разлагающее воздействие. Боюсь, что после нашего ухода бедняге учителю призвать свой класс к порядку было куда труднее, чем укротить Кошку с Семью Печенями.

Возвращаясь в лагерь, мы проехали мимо стада зебу — крупных, с виду безмятежных животных с бархатными шкурами и горбами, как у маленьких верблюдов. Сцена, конечно, самая обычная на Мадагаскаре, где зебу почитаются как символ социального престижа. На похоронах богатого человека многие животные из его стада забиваются, а могилы нередко украшают их рогами. Данное же стадо отличалось тем, что насчитывало около десяти крупных животных и управлялось мальчуганом лет шести с испуганными глазами, вооруженным хворостиной ростом с себя. Не будет преувеличением сказать, что зебу не обращали на своего пастуха никакого внимания. Видимо, эти животные вбили себе в голову, что не только дороги, но и все на свете существует во имя их блага.

Зебу плелись, вздыхали, качая головами, а то вдруг задерживались пожевать жвачку или щипнуть травки с края дороги. Время от времени то одно, то другое животное останавливалось и неуклюжей походкой поворачивало назад; когда же мальчонка брался за хворостину и лупил животину по носу, это воспринималось как личное оскорбление. Но едва бедняге удалось повернуть одного такого обратно, как обнаружилось, что другая скотина свернула с дороги и, забредя на небольшую ферму, с наслаждением поедает первые в этом году нежные побеги спаржи. Так бы и продолжался этот грабеж среди бела дня, если бы ребенку, к величайшему неудовольствию животного, не удалось выгнать его обратно на дорогу.

Мальчонка плясал вокруг своего стада, словно маленький коричневый мотылек вокруг яркого, но сонного и потенциально погибельного пламени свечи. При виде приближающихся «тойот» и ребенок, и зебу ударились в общую панику. Мы нажали на все тормоза, но животные продолжали носиться в смятении и тревоге; мы испугались, что какое-нибудь из них раздавит пастушонка в лепешку, даже не заметив того, что натворило. К счастью, в этот момент подбежал отец пастушонка (который, остановившись потрепаться с приятелем, оставил парнишку одного). Суровый, как капрал на плацу перед толпой необученных новобранцев, он принялся орать на животных и лупить их хворостиной. Кое-как сбив их в стадо, он дал нам проехать, снял шляпу и улыбнулся широкой улыбкой. Мальчуган был, как видно, огорчен вмешательством отца, но я-то видел, что два-три раза он только чудом избежал смерти, так что

ему следовало благодарить судьбу, что все так кончилось.

Тут пора завести речь об утятах Джона, доставивших мне столько неприятностей. Доньше они были слишком маленькими, чтобы уходить из-под материнского крыла, а посему безвылазно жили в деревне; теперь же пташки подросли и могли самостоятельно добывать себе корм. В первый день их появления мы слышали взволнованное кряканье задолго до того, как увидели их самих, спускающихся по тропинке из деревни; они были взволнованны, словно дети, бегущие купаться к морю. Утят было трое — большой и средний коричневые, малыш — белый. Они двигались величавой походкой, вразвалочку, при этом беспрестанно крякая. Сойдя вниз, они направились к реке и исчезли за песчаными дюнами.

— Для жаркого мелковаты, — с сожалением заметил Фрэнк, — а вот супчик из них был бы неплох.

Джона словно громом поразило.

— Они *не* для еды! — запротестовал он. — Это мои любимчики! Я так люблю уток!

— И я тоже, — сказал Фрэнк. — Особенно за ужином.

Полчаса спустя, всласть наплававшись, утята вновь появились на песчаном берегу и открыли совещание. Очевидно, их чрезвычайно заинтриговал наш лагерь, и, посоветовавшись, как к нам лучше подступить, птенчики выстроились в колонну и, отчаянно крякая, зашагали прямо на нас, по дороге ущипнув Тима, который нес чашку чаю прихворнувшему Микки. Бедняга Тим распластался на земле, расплескав содержимое чашки.

— Черт вас задери, — пробурчал он. — Мало того что этот проклятый петух орет над ухом в четыре утра, так теперь еще утки будут путаться под ногами?!

— Да ты посмотри, какие лапочки, — мягко проворковал Джон. — Какие славненькие утяточки-ребяточки!

— Ладно, — сказал Фрэнк, — посижу-ка я лучше в палатке. Когда обед будет готов, скажете.

Между тем утятушки-ребятушки пялили глаза на наше житье-бытье примерно так же, как мальгашские детишки. Больше всего их заинтересовала куча пустых, тщательных вымытых банок из-под сардин. Они медленно подошли к этой свалке, как бы спрашивая друг друга, с чем это едят. Тут самый храбрый утенок наклонился к куче и отважно попробовал банку на вкус.

— Бедняжечки, они же голодные, — заволновался Джон и, вынув буханку, раскрыл ее.

— Нечего их приучать! — сказал я, но было уже поздно.

Утятушки-ребятушки, никогда прежде не видавшие хлеба, были в полном восторге. Одному из них так понравилось новое лакомство, что он, едва кончился хлеб, подхватил клювом валявшийся длинный окурочек. С окурочком в клюве он стал похож на Утенка Дональда.

— Нельзя, нельзя. Дядюшка Джон сказал «нельзя», — строгим тоном произнес Джон, вытащив окурочек из клюва утенка.

— Правильно, — кивнул я. — Им еще рано курить.

— Ничего, сейчас дядюшка Джон отрежет вам еще хлебушка, — сказал утиный благодетель.

С этого момента надежду на то, что утят удастся отвадить, можно было считать похороненной. Утята появлялись каждое утро — сначала бежали к реке, а

потом, выныривая из-за песчаных дюн, устраивали набег на наш лагерь, словно американская конница на мятежную индейскую деревню. Они всюду путались под ногами и все пробовали на вкус. Поминутно мы натыкались и наступали на них — как только не раздавили? Они настолько прочно вписались в нашу жизнь, что даже отдыхали одновременно с нами. И вот наступил злощастный день, когда они решили дать бой моему знаменитому громотрону...

Когда мы жили в отельчике в Мананаре, нас навещали наши старые друзья — чета Рене и Дэвид Уинн. Еще в Париже Рене помогала мне изучать первых трех в моей жизни ай-ай и ухаживать за ними, а Дэвид представил мне крошку ай-ай по имени Хэмпри, который и вдохновил нас на эту экспедицию. Перед отъездом Рене подарила мне полезнейшую вещь: черную пластмассовую сумку с приспособлениями для душа. Стоило наполнить сумку водой и выставить на солнце, как уже через час можно было принимать душ. Стало быть, нужно только найти подходящее дерево, куда ее вешать, — и вот вам готовый душ.

Мы расчистили среди кустов место, которое называли «банькой». В одном углу, с глубокой ямой в земле, мы соорудили небольшую хижину из пальмовых листьев и установили там громотрон; а рядом на дереве повесили душевое устройство и положили кусок пластмассы, чтобы вставать на него ногами. Но вот беда: вскоре обнаружилось, что если я повешу сумку достаточно высоко для себя, то крошка Ли просто не сможет дотянуться до крана. Дня два мы ломали голову, как разрешить эту задачу, покуда Ли не подала блестящую идею.

— А громотрон на что? — торжествующе изрекла она. — Ставь его под душем, сиди и мойся.

Я был в восторге от этой дерзновенной идеи; но если б знал заранее, чем все это кончится, ни за что бы не решился на подобный эксперимент.

На следующий день я установил громотрон под душем, уселся и принялся намыливать. Как раз в этот момент утятушки-ребятушки пришли с утреннего купания к нам в лагерь и, к своему удивлению, никого там не застали. Все эти добрейшие человеческие существа, которые натыкались на них, топали ногами, кричали, иногда скармливали им по целой буханке хлеба, куда-то испарились. В то же время я, придя в восторг от нагретой на солнце воды и мыльной пены, затянул песнь «Правь, Британия!».

Мое пение немедленно придало уткам бодрости. Наконец-то нашелся хоть один добрый человек! Выбежав из-за палатки, они помчались на мой голос, натыкаясь друг на друга, и остановились в нерешительности перед входом в баньку. Они никогда раньше там не бывали и вот теперь были ошарашены тем, что одно из милейших человеческих существ сидит посреди лужи воды, словно утка. Да, впрочем, от утки его теперь отличали лишь две вещи: ящик, на котором восседал человек, да белая пена, покрывавшая воду.

— Привет, утяточки, — ласково сказал я, прервав пение. — Ну что, пойдете поплаваем?

Утята о чем-то пошептались. Придя к выводу, что пена может оказаться съедобной (чем-то вроде сдобного хлеба), они решили попробовать. Все, как один, приблизились к воде и окунули в нее клювы, но самое интересное, что они признали пену съедобной, чем-то вроде шербета, пахнущего лавандой. Я испугался: вдруг пена содержит некие ядовитые субстанции, бросился искать свою палку и обнаружил, что, по дурости оставил ее висеть на дереве пример-

но в двадцати футах. Пока я бегал за ней, утята забрались под крышку громотрона, и выгнать их оттуда было невозможно.

Следующее мгновение заставило меня задуматься уже не об их безопасности, а о моей собственной. Сквозь отверстие в крышке громотрона утята увидели те части моего тела, которые неприлично показывать на публике, и, естественно, они открылись им впервые. Старшенький утенок крякнул: что бы это могло быть? Два других тоже заинтригованно закричали. А вдруг это невиданные лакомые плоды? Отчего бы не попробовать?

...Если бы в этот момент ветер дул на Антананариву, то мой дикий вопль был бы, без сомнения, там услышан. На крик прибежала Ли, но, увидев, что произошло, залилась истерическим смехом и наверняка упала бы, если бы не прислонилась к дереву. Иные жены самоотверженно несутся на выручку мужьям в экстренных случаях, но есть и такие, которые столь равнодушно взирают на их горе, что позавидовал бы сам маркиз де Сад.

— Что ты, дуреха, стоишь веселишься?! Гони к черту этих уток, пока они не защипали меня до крови! — прорычал я.

В конце концов Ли взяла себя в руки и прогнала утят. Но с этого дня всякий раз, отправляясь в душ, я сначала убеждался, со мной ли моя палка. Я и раньше относился к семейству утиных с известным предубеждением, но после этого случая окончательно возненавидел их.

Выше я как-то упомянул, что утятушки-ребятушки рискнули попробовать на вкус банку из-под сардин. Мы не выбрасывали, а мыли и тщательно собирали их у себя в лагере, потому что в такой бедной стране, как Мадагаскар, подобные вещи в огромной цене. К бутылкам почтение, как к старинным бутылкам, из коих пил Шекспир; к картонным коробкам — как к шкатулкам из сандалового дерева, инкрустированным янтарем и золотом; пустая банка из-под сардин или лучше из-под тушенки ценилась дороже, чем редкостная китайская ваза династии Мин. Мы решили разделить все это богатство между двумя скромными и милыми девицами — Вероникой и Армадиной, и они взирали на все растущую кучу алчными глазами.

Однажды нам открылось, что вскоре Веронике исполняется двадцать лет, и, в очередной раз отправившись на рынок, мы решили купить ей подарок, но тщетно: как выяснилось, в городе нет ничего, что могло бы порадовать женское сердце. Не нашлось даже сережек и ожерелий, тех, что на вид из литого золота, а на деле — грош им цена. Наконец, к нашему удивлению, мы нашли флакончик какого-то благовония, запах которого свалил бы с ног слона. Вероника была польщена, но я чувствую за собой вину: боюсь, что, если она им воспользуется, ее шансы выйти замуж снизятся, по крайней мере, наполовину — разве что у ее ухажера окажется хронический насморк.

Между тем приближался конец срока пребывания в нашем лагере телевизионной группы, а удача все обходила нас стороной. Конечно, мы выслушивали тьму историй о полчищах ай-ай где-то чуть дальше по дороге, но, прибывая на место, обнаруживали в лучшем случае старые гнезда, которые непонятно кому принадлежали — ай-ай или крысе, и в любом случае мы не заставляли хозяев дома. Но нашей главной заботой стал Микки. Бедняга, как говорится, сдал. Изю дня в день работая на износ, он все меньше походил на того Майка, которого мы знали и любили. Мы пригласили местного доктора, который сделал ему (нашим шприцем и нашими иглами) несколько инъекций, но они не

принесли ожидаемого облегчения. Майк исправно глотал пилюли и порошки, которые медицинские светила советуют всем, кто едет на Мадагаскар, так что болезнь его оставалась для нас загадкой. У него резко подскочила температура, что крайне нас взволновало. К счастью, Мананара была связана со столицей тремя авиарейсами в неделю, и мы решили отправить больного в Тану, где, по крайней мере, имелись условия для надлежащего ухода. Обеспечить таковые в палатке высотой три фута и шириной семь, да еще такому крупному мужчине, было крайне сложно. Но едва мы собрались эвакуировать беднягу самолетом, разверзлись хляби небесные. В моем дневнике появилась следующая запись:

«Льет как из ведра. Затопило палатку. Майку все хуже. Из-за сырости мои бедра и суставы болят все сильнее. Я с трудом могу двигаться. Единственное, что остается, дабы помочь экспедиции, — уйти из жизни».

Температура Майка перевалила за сорок, он часто бредил. Было совершенно очевидно, что его нельзя от-правлять одного. Но если из команды выбывают двое — со съемками можно распрощаться, так что в итоге улетели все телевизионщики. Когда мы их провожали, бедный Тиана был так огорчен расставанием, что залился потоком слез, и все, как могли, утешали его.

Когда телегруппа уехала, лагерь опустел и выглядел безжизненным. Это были чудесные люди, с которыми так хорошо работалось. Вот если бы еще поездка была чуть удачливее... Правда, Профессор Нет Проблем выручил нас, предоставив в наше распоряжение Верити, а то мы бы полностью прогорели на этой поездке. Мы печально сели за ужин. Становилось темно, и в чашках с песком, мерцая, догорали огарки свечей. Потом они находили свой вечный покой на маленьком кладбище окурков.

Семь белых цапель, гнездившихся недалеко от нашего лагеря и улетающих за несколько миль на рыбалку к морю, возвращались обратно к своему гнезду. Изысканно белые, они мягко взмахивали крыльями, сияя как звезды над темнеющей рекой и деревьями.

Глава девятая. ЯВЛЕНИЕ АЙ-АЙ

На следующий день после обеда Кью отправился осмотреть несколько гнезд, которые, как он мрачно предсказал, оказались гнездами крыс. Джон уехал за покупками в город, а Ли возилась в домике для животных. Я сделал кое-какие записи в дневнике, поскольку пропустил два дня, и решил отдохнуть. Первым делом я изгнал моего старого приятеля — петуха и сопровождавших его кур, которые искали у меня в постели насекомых; затем лег и попытался предаться прекрасным мыслям. Это оказалось нелегко, потому что петух, оскорбленный изгнанием, решил продемонстрировать высший класс пения. Третья пущенная мной палка достигла цели. Он понял намек и удалился вверх по тропинке на холм.

Я как раз собирался помечтать о чем-нибудь добром, когда услышал, как Ли зовет меня. Я выглянул из палатки прямо из лежачего положения и увидел, что она бежит ко мне. В руках у нее было что-то похожее на старый мешок, набитый проволокой, из которой делают клетки для кур. Так оно и оказалось: это была грубая проволочная клетка, ради предосторожности засунутая в мешок.

— Взгляни, что мы принели! Взгляни, что мы принели! — кричала она, и лицо ее светилось радостью и волнением, как у ребенка, получившего на Рождество неожиданный и роскошный подарок. Я взглянул и понял, что радоваться и впрямь было чему.

В проволочной клетке сидела взрослая самка ай-ай с детенышем, впрочем достаточно большим, чтобы быть отнятым от груди. Мамаша была явно перепугана, но младенец, похоже, воспринимал происходящее как часть богатой палитры жизни и озирался большими любопытными глазами, в которых не было и тени страха. Таким образом, через сутки после отъезда телевизионной группы мы обрели ай-ай, и притом не одного, а целых двух.

— Входи, — молвил я, с известным трудом поднимаясь из лежачего положения. — Сначала пересадим его в пристойную клетку.

— Посмотри на детеныша, ну разве не лапочка? — спросила Ли.

— Да, да, — сказал я, — только сначала пересадим его в новое жилище, а потом уж рассмотрим как следует.

Мы поднялись на холм, где стоял домик для животных. Там нас поджидали два сияющих крестьянина — ловцы ай-ай. Радоваться конечно же было чему: они не только избавили свое хозяйство от напасти, но еще и получают какое-никакое вознаграждение! Когда клетка была подготовлена и мы не без труда переселили ай-ай из временного жилища в более просторные апартаменты, я, к своему несказанному облегчению, смог убедиться, что оба животных целы и невредимы. К моему удивлению, мамаша не бросилась разведывать новое жилье (как этого следовало бы ожидать от вновь пойманного существа, которое примется искать безопасный уголок), но просто легла на пол, словно загипнотизированная. Детеныш же, которому явно хотелось освоить новое пространство, боялся далеко отходить от матери.

— Ее не могли ушибить? — с тревогой спросила Ли.

— Да нет. По-моему, она сознает потенциальную опасность ситуации и пребывает в трансе. Ей же не объяснишь, что мы не хотим ей зла. Вот несмышленькиш считает все происходящее забавным приключением, но приучен не уда-

ляться далеко от мамочки. Никогда ведь не знаешь, как животное себя поведет. У меня жил один зверь, который стал есть с рук через десять минут после поимки, зато другой ничего не ел три дня, и я уже думал, что придется выпустить его на волю. Но все-таки он начал есть, да так, что вконец разорил меня.

— А не покормить ли этих? — спросила Ли.

— Да мамаша пока не хочет. Она попила воды, а несмышленыш готов ее всю высосать. Самое правильное — оставить их в покое.

Так мы и сделали — накрыли клетку и оставили их в покое.

Вернувшись к палаткам, мы усадили отважных ловцов на почетные места, угостили их сигаретами и выдали причитающийся гонорар. Они же в седьмой или восьмой раз расписали нам во всех подробностях, как поймали ай-ай, каждый раз дополняя рассказ новыми деталями и расписывая, как они еще готовы нам послужить. Потом ловцы несколько раз пересказали наши эмоции и чувства при получении животных, как будто мы сами в том не участвовали. А все же забавно такое слушать. Люди, читавшие мои книги, часто подробнейшим образом пересказывают мне их содержание, а добравшись до смешного эпизода, без усталости излагают его снова и снова, чтобы убедиться, что до меня дошла суть. Порой после этого так и хочется сказать: «Черт возьми, интересная книженция! А не купить ли и мне?»

Когда вернулись Джон и Кью, радости не было границ. Еще бы: после стольких трудов и неудач выглянуло-таки ясно солнышко. Более того, я даже не слышал жалоб, что второй ужин подряд одни сардинки да тушенка. От избытка бурливших в нас чувств мы сделались столь добрыми, что даже позволили Джону исполнить фрагмент арии венецианского мавра — но вполголоса, чтобы не потревожить наших новых гостей.

Ли приготовила нашим подопечным еду, и мы отправились поглядеть, как они себя чувствуют. Самка все-таки слегка поменяла позу, но все еще смотрела с тем выражением, какие я видел у пациентов больниц в часы посещений, когда они с тоской во взоре глядят на нагрывавших к ним домашних, нагруженных фруктами, свертками, коробками конфет и новостями из дома. Впрочем, детеныш отнесся к нашему визиту как к главному событию сегодняшнего вечера и с интересом наблюдал, как Ли раскладывала перед ним палки сахарного тростника, кокосовый орех, хлебные шарики с медом, ставила блюдце с фруктовым салатом и еще одно — с копошащимися личинками жуков. Он даже осмелел и съел кусок банана. Обитавший на вилле по соседству Верити трескал, как поросенок, но этим подавал хороший пример.

Первый этап задачи был выполнен, мы обменялись поздравлениями. Теперь оставался самый пустяк: поймать еще четырех ай-ай, по два каждого пола. А самое лучшее, что мы могли сделать сейчас, — отправиться спать и смотреть безмятежные сны.

Я проснулся на заре после тихой ночи. Наши белые цапли, как всегда в положенный час, снялись с места и вылетели к морю, плавно махая крыльями над рекой. На какое-то мгновение в тумане, словно опал, мелькнул зимородок. До меня донесся каскад прозрачных голосов кукушек, начавших свой утренний зов. Потом с противоположной стороны реки долетело зловещее «чук... чук... чук...» вроде того, как забивают гвозди в крышку гроба. Это был стук топора, за которым последовал предсмертный всхлип срубленного дерева. Теперь я наглядно убедился, сколь важна была наша миссия: каждый удар

топора или мачете — не только удар по экологии человека, но и удар по королевству ай-ай.

Мы поднялись к домику животных посмотреть, что съели наши пленники. Это всегда волнующий момент — если животное начинает есть сразу, можно вздохнуть с облегчением. Если же нет — приходится ломать голову, как заставить его есть. Я надеялся, что соседство Верити, который лопал, как поросенок (простите, что повторяюсь), разбудит аппетит и у вновь пойманной самочки. К нашему разочарованию, этого не произошло. Только на палке сахарного тростника были едва заметны следы зубов, а самка по-прежнему подозрительно взирала на нас, точно старая дева на притаившегося у нее под кроватью хиппи с гитарой. Отношение детеныша было куда более терпимым — он был даже рад, что цирк опять приехал. Мы заметили, что бананов поубавилось, но подозревали, что это скорее детеныш, чем мамаша.

Когда у тебя два животных в одной клетке, трудно судить, сколько кто съедает, разве что установить круглосуточное наблюдение. Впрочем, в данном случае мы знали, что с детенышем все в порядке и что он по-прежнему выдаивает маму как корову. Все, что нам оставалось сделать, — взять самку под тщательное наблюдение и молить судьбу, чтобы она поскорее снизошла до нашего щедрого угощения, иначе придется скрепя сердце отвезти обоих туда, где их поймали, и выпустить. Мы поворчали на Верити, что он недостаточно усердствует в подавании примера. Так или иначе, мы вынуждены были ждать. Самка пребывала в хорошем состоянии, и несмотря на то, что детеныш нещадно высасывал ее, ничего страшного бы не случилось, если бы она пару дней поголодала.

В эту ночь мы наблюдали за тем, как Верити продолжал свои набеги на хлебные шарики с медом и личинок, облизываясь на кокосовый орех и сахарный тростник; но, видимо, он почувствовал, что нас больше интересует происходящее в соседней клетке. Следующее утро принесло облегчение. Самка съела трех личинок и надкусила хлебные шарики. Похоже, она была уже не в таком напряжении, хотя по-прежнему боялась входить в ящик, где было устроено гнездо. Мы нарекли ее Мина — в честь нашей доброй мальгашской знакомой, но по-прежнему спорили о том, как назвать сына. На следующую ночь Мина добавила к своему рациону сахарный тростник, что было добрым знаком.

Кью, Джон и Жулиан, как обычно, отправились с наступлением сумерек на охоту. На сей раз уходили в приподнятом настроении — появление Мины с сыном придало всем духа. Около полуночи они вернулись с триумфом — Жулиан сиял и хохотал, а Кью и Джон изо всех сил старались выглядеть так, будто каждый день приносили по ай-ай. Наградой для ловцов стала красивая, лоснящаяся молодая самка. Изучив ее со всех возможных позиций и отдав должное ее шарму, мы без особых проблем пересадили зверюшку в новую клетку.

— А трудно было поймать? — спросил я.

— Да нет, — сказал Кью. — На это дерево, в отличие от некоторых других, оказалось очень просто залезть. Она как раз сидела в гнезде, тут Жулиан ее и цапнул. Но боюсь, она волнуется о детеныше.

— О каким детеныше? — спросят я с удивлением.

— Она была с детенышем, но, пока Жулиан ловил ее, тот убежал.

— И вы его там так и оставили? — поразился я.

— Да, пришлось. Мы, конечно, обыскали все, но я беспокоился о матери. Хотел поскорее привезти ее и посадить в подходящую клетку. Жулиан сказал, что детеныш все равно вернется к гнезду, и с утра мы первым делом съездим и поймаем его.

— Похоже, Жулиан прав, — согласился я. — Не думаю, чтобы детеныш уже гулял сам по себе. Подозреваю, что он еще не отнят от груди.

— Да мы наверняка его поймаем, — утешил меня Джон. — Жулиан так просто уверен.

В ответ я кисло улыбнулся, потому как был взволнован.

— Да, по если он, не дай Бог, ошибается, вам придется отнести самку назад и выпустить в том же самом месте, чтобы она смогла найти детеныша, — сказал я.

— Сделаем, сделаем, — умиротворяюще заметил Кью.

Я очень беспокоился о малыше, и даже известие о том, что все наши ай-ай хорошо пообедали, не стало мне утешением. Я вообразил, как глупого маленького несмышленьша преследуют орды разъяренных крестьян со сверкающими острыми мачете: поймать, повесить, четвертовать гаденыша! Потом в моем воображении возникла картина, как он столкнулся лицом к лицу с мягкой, похожей на пуму фоссой, о существовании которой он и не подозревал и которая сцапает его одним мановением бархатной лапы и отправит прямо в алчную розовую пасть. Или — что может быть хуже! — он встретит на своем пути Кошку с Семью Печенями, которая страдает отсутствием пищеварения и слышала, что лучшее лекарство — съеденный всухомятку детеныш ай-ай. А может, он просто горюет на дереве: мама, мама, на кого ты меня покинула! Короче, я предался таким вот сентиментальным размышлениям, которых не одобряю в других людях, имеющих дело с животными.

Наутро Кью, Джон и Жулиан снова приготовились выйти на охоту.

— Запомните, — сказал я, наверное, уже в десятый раз, — вы должны прочесать весь район, пока не найдете.

— Да, да, — нетерпеливо отозвался Кью, — сделаем.

— А если не найдете, быстро назад и отнесете самку туда, где поймали.

— Ну да, да, понимаю. Я так же волнуюсь о детеныше, как и ты, — раздраженно сказал Кью.

Я взглянул на него. Он был неколебим, как Геркулесовы столбы. «Похоже, у него слабее, чем у меня, развито воображение», — подумал я.

— Ну, делай как знаешь, — бросил я.

— Слушай, хватит скандалить, — вмешалась Ли. — Кью так же беспокоится о детеныше, как и ты. А ты словно сам — мать этого детеныша.

— Не то чтобы, — сурово молвил я, — просто не люблю, когда детеныш ай-ай

— не важно, мальчик он или девочка — шастает ночью по лесу без присмотра. Возьми-ка умную газету «Сан» и посмотри, что случается с детьми, которые шляются по ночам одни.

— Пойдем завтракать, — сказала Ли.

Пока готовился и подавался утренний чай, казалось, прошли годы. Несколько веков тянулось ожидание завтрака. Даже стайка детей, которые принесли пластмассовое блюдо с жирными серо-белыми личинками, не об-

легчили мою тревогу, как того следовало бы ожидать. Вдруг раздался крик — это возвращались Кью, Джон, Жулиан и их помощники. Кью осторожно нес в руках один из наших больших мягких мешков для животных.

— Поймали, поймали! — торжествующе кричал Кью. — Именно там, где сказал Жулиан.

Я кинулся к домику животных, с трудом веря счастью.

— Цел и невредим? — выпалил я.

— Конечно. И главное, он легко дался в руки, — сказал Джон.

Я открыл дверцу клетки, где находилась мать, а Кью аккуратно развязал мешок и просунул его устье в дверной проем. Я ожидал чего угодно, только не того, что произошло. Голова детеныша показалась из мешка, огромные уши поворачивались на каждый звук, а глаза смотрели спокойно и с интересом. Он на мгновение задумался, а затем, высокомерно оглядев нас, грациозно вылез из мешка и восшествствовал в клетку, как маленький принц, вступающий в законное владение королевством. Это был настоящий театрализованный выход. Маленький Принц был столь невероятно аристократичен и красив, что я, как дурак, разразился слезами. Поймите меня правильно: ведь гора с плеч свалилась!

— Перестань реветь! — сказал Кью, устыдившись моего поведения. — Я знал заранее, что ты будешь польщен.

— Да, да, я польщен, — пробормотал я, вытирая нос. — И я вовсе не рыдаю. Просто эти ай-ай довели меня до лихорадки. Особенно детеныши.

— Он правду говорит, — согласилась Ли. — Столько возни с ними!

Нас заинтересовало, как детеныш будет возвращаться к матери. Члены семьи воссоединились, похоже, без всяких эмоций, как будто ничто их и не разлучало. После беглого осмотра клетки детеныш полез к мамочке утолять жажду. А проголодался он, надо думать, здорово, судя по тому, сколько он пробыл один. Мы устроили торжественный завтрак и решили назвать вновь пойманную самку Джульеттой — в честь... поймавшего ее Жулиана.

Как обычно, мы чуть до драки не дошли, споря, как назвать Маленького Принца. Впрочем, когда Кью предложил назвать его Сэр Блоксэм, предложение было принято единогласно.

Теперь у нас было уже четыре животных при квоте в шесть. Вериги в счет не шел: мы должны были вернуть его Ролану, чтобы тот выпустил его на своем острове. Все животные питались хорошо, а детеныши вели себя так, будто родились в неволе. Теперь, когда у нас оказалось столько экземпляров, наблюдать за поведением каждого из них стало сплошным удовольствием, и особенно — за самыми разнообразными приемами использования третьего, «магического пальца». Когда животное осваивается с окружающим пространством, этот чувствительный орган постоянно находится в деле.

Еще в 1859 году Сэндвит скрупулезно описал поведение ай-ай:

«Выставив вперед уши и прислонив нос вплотную к коре, он быстро ощупывает поверхность своим необычным вторым (так у Сэндвита. — *Примеч. Дж. Даррелла.*) пальцем, точно так же, как дятел исследует кору дерева, но с гораздо меньшим шумом, время от времени запуская свой тонкий палец в червоточины, так же, как хирург исследует тело больного зондом... Я наблюдал эти процедуры с неослабным интересом и был поражен, сколь блестяще

это создание использует свои способности, в особенности обостренный слух, позволяющий определять различные звуки, доносящиеся из толщи дерева ...а также удивительно развитое обоняние ...и конечно же, необыкновенно тонкий палец, какого нет ни у одного другого животного; он используется то как стетоскоп, то как зонд, то как ложечка».

Наша подруга Рене Уинн, знакомя меня с ай-ай, рассказала, что зверьки «исследуют» кокосовые орехи, стараясь определить глубину залегания в них молока, чтобы точно знать, в какой точке лучше прогрызть дыру. Она поведала нам еще вот какую любопытнейшую деталь. В меню ай-ай входил, помимо всего прочего, довольно густой сладкий крем, подаваемый на обыкновенных плоских пластмассовых тарелках. Как же поступали животные? Они переворачивали тарелки, прогрызали в дне дыры и с помощью пальца доставали из них крем. Похоже, ай-ай и понятия не имели, как это можно есть крем просто так, с блюда — для полного удовлетворения своих гастрономических наклонностей его необходимо было есть через дырку.

Совсем недавно с небольшой колонией этих животных, содержащейся в упомянутом мной выше Дьюкском университете в США, были проведены замечательные эксперименты под руководством профессора Эриксона с целью выяснить, как ай-ай находит насекомых себе на корм. В двух словах: Эриксон предлагал вниманию ай-ай коряги, в которых были высверлены дыры — одни пустые, другие наполненные крошками мушкетерами, а третьи — живыми червями. Дыры были самых разных конфигураций, причем иные высверлены так, что доискаться до их содержимого глазами и нюхом было невозможно. Глубина отверстий, высверливаемых в толще дерева, также была различна. Из этих экспериментов Эриксон сделал следующие выводы:

«Хотя зрение и обоняние могут играть свою роль в обнаружении и извлечении из толщи дерева личинок насекомых, наши исследования позволяют предположить, что обнаружение ай-ай ходов таковых личинок в значительной мере зависит от выстукивания... Ушные раковины ай-ай больше (пропорционально телу), чем у любых других лемуroidов, и весьма вероятно, что этот вид обладает исключительной способностью слышать звуки, издаваемые личинкой при движении, а также возникающие как реакция на выстукивание... Эти исследования позволили выдвинуть предположение, что названный примат, подобно некоторым видам летучих мышей, использует эхолокацию при выслеживании добычи. Тем не менее процесс выстукивания, видимо, играет в добывании пищи большую роль, нежели ушные раковины. Как указывает Сэндвит, процесс выстукивания происходит необыкновенно тонко. Возможно, повышенное кожное осязание третьего пальца позволяет неведомым образом распознавать различия в вибрациях поверхности. Возможно, дело в незначительной массе третьего пальца — он резонирует с вибрацией поверхности без значительного уменьшения амплитуды колебаний. Возможно, выстукивание само побуждает добычу производить движения, позволяющие ай-ай обнаружить ее по звуку».

Поиску добычи методом выстукивания Эриксон дает весьма очаровательное название «percussive foraging», что можно передать приблизительно так: «как постучишь, так и полопаешь».

Еще столько предстоит узнать об этом диковинном животном, что кто знает, какие необыкновенные секреты «магического пальца» ай-ай откроются

нам. Вдруг сыщутся доказательства, что «магический палец» наделен волшебством в гораздо большей степени, чем предполагают мальгашские колдуны. Независимо от того, что здесь играет главную роль — эхолокация или фантастическая способность к осязанию, — налицо доказательства, насколько Природа мудрее человека.

На следующий день Джон, Кью и Жулиан, по обыкновению, отправились осматривать гнезда и почти сразу же вернулись, неся крупного самца ай-ай с физиономией кулачного бойца. Неудивительно, что он был так уязвлен: как же, ни с того ни с сего нарушили его покой и бесцеремонно засадили в клетку на потеху двуногим тварям! Мы окрестили нового пленника Патрисом в честь другого нашего ловца, но за свое поведение он вскоре заслужил и прозвище — Бандюга...

В этот вечер, еще до того как ему подали еду, он со страшным хрюканьем и шмыганьем принялся скрупулезно исследовать клетку и все протестировал на твердость. Каждый прут в клетке был опробован на вкус; качество дерева, из которого был изготовлен ящик, куда его потом пересадили, было изучено с особым тщанием и сопровождалось изрядным фырканием. Пообедав, он внимательно обозрел миски и разбросал их по клетке — очевидно, с целью испытать на прочность. А уж трескал Патрис, особенно сахарный тростник и кокосовый орех, с таким шумом, что его не пустили бы ни в один приличный салон. Мы решили, что такое поведение вовсе не обязательно вызвано его стремлением к побегу: вполне вероятно, его хулиганство и буйство явились ответом на действия людей, которые считают, что до собеседника ничего не дойдет, если не стукнуть по столу и не наорать. Впрочем, буйный нрав этого создания настолько беспокоил его собратьев, что пришлось задвинуть ящик с Патрисом в самый дальний угол домика для животных, откуда его буйная натура не могла столь пагубно проявляться. Интересно: он таким родился или стал с годами, и почему с таким скандальным стремлением привлечь к себе внимание он не навлек на себя удар меткого мачете? Известно ведь: чем тише жить, тем больше шансов выжить, а привлекать к себе внимание, — значит постоянно заигрывать со смертью.

Теперь в нашем распоряжении было пять из шести дозволенных нам животных. Осталось поймать еще одного взрослого самца — и задача выполнена. Мне просто не верилось, что мы почти достигли цели и более того уложились в лимит времени, который сами себе отвели. Коли так, настало время созывать военный совет.

После прибытия в Мананару по костоломной дороге из Тана мы единогласно решили, что если добудем ай-ай и повезем их обратно по такой чудовищной трассе, то неминуемо растрясем их. Единственной альтернативой было отправить их воздушным путем. В Мананаре имелась крохотная взлетная полоса, а самолет из столицы летал трижды в неделю. Впрочем, «самолет» сказано с большой натяжкой: это была этажерка времен чуть ли не первой мировой войны. На такой летал еще Блерио.

Те, кто посещают зоопарки и любят различные виды экзотических животных, наверняка не задаются вопросом, а какого труда стоило их привезти? Мы, например, когда покидаем Джерси, никогда не знаем, добудем ли животных или же вернемся с пустыми руками. Теперь ситуация была такова: при минимальном шансе, что мы отловим еще одного ай-ай, клетки нужда-

лись в дополнительном укреплении, потому что на нашу голову свалился зверь, который, судя по всему, смог бы прогрызть себе ход из тюрьмы Синг-Синг. А так как процесс доведения клеток до совершенства весьма долог, то самым правильным было отправить животных на Джерси как можно скорее.

Первым делом следовало переправить зверей из Мананары в Тану и известить Джерси, что мы возвращаемся с добычей. Наши клетки не помещались в этажерку времен первой мировой войны, а полагаться на случайные коммерческие рейсы не хотелось. Посему мы решили, что будет лучше всего, если мы с Ли полетим в Тану, свяжемся с Джерси и найдем самолет.

Настало время расставания. И мне, и Ли было грустно. Особенно мне — я сросся с этим милым лагерем душой и сердцем, и единственное, что отравило пребывание тут, так это моя неподвижность. Нам казалось, что мы оставляем здесь целую жизнь: паромщика с его скандальными новостями, заменявшими газету; девушку с ведром и с ее песнями; других величавых леди, приходивших сюда стирать и мыть посуду; купаясь голышом, они все смелее и смелее приближались к нашей компании — мол, наша сестра мальгашка да и наш брат мальгаш сложены ничуть не хуже любого вазаха; прозрачный зов шпорцевых кукушек, растворявшийся на рассвете дня; детишек, с радостными лицами приносивших личинок для наших драгоценных животных и с гордостью принимавших плату в виде мелких монет и конфет: мы будем помнить, как к нам пришел мальчик с четырехлетней сестренкой и принес тщательно завернутую в листок крошечную личинку. Мы вознаградили его большой, но дурно раскрашенной конфетой и заметили, как он откусил лишь кусочек, а остальное отдал сестренке; группу детей, которым мы дали полбутылки лимонаду — они передавали ее по кругу, отпивая по крошечному глоточку, пока бутылка не опустела. Все они вошли в нашу жизнь — даже петушиный командир со своими курами и треклятые утятушки-ребятушки — они стали нашими друзьями и разнообразили жизнь. Жаль, что так недолго!

Верный Марк рыдал, как и две наши прекрасные леди. И даже изрядная куча жестянок, коробок и бутылок, которые им предстояло распределить среди своих ближайших и дражайших родственников и друзей, не могла облегчить их страданий. Мы ехали через деревню, махали на прощанье местным жителям, и они махали нам в ответ; мы же старались в последний раз надышаться экзотическим ароматом, в котором перемешались пряный запах гвоздики, сладкий запах ванили, гостеприимные запахи, доносящиеся с кухни, и тонкий, едва различимый аромат солнечных лучей, играющих на листьях. Под деревом личи, красным от плодов, лежали три зебу, принимая, как говорил Капитан Боб, теневые ванны. У теплого шелкового бока одного из них спал шестилетний пастушонок с хлыстом, как с рыцарским мечом Эксакалибуром, в детской ручонке.

Мы добрались до города и заехали в отельчик, чтобы пропустить по стаканчику и попрощаться с хозяйкой. Там по-прежнему раздавался стук молоточков, облагораживавших хрусталь, и, собираясь в аэропорт, я утянул горсточку кристаллов. В то же утро перед выездом из лагеря я, словно опьяненная любовью дева викторианской эпохи, сорвал несколько листьев самых причудливых форм с деревьев, что росли вокруг нашей палатки, и заложил их между страницами своего дневника, который не слишком-то аккуратно вел. Правда, где-то по дороге между Мадагаскаром и Джерси все они вывалились и затеря-

лись. Как это произошло — непонятно.

Мы прибыли к взлетной полосе как раз ко времени посадки самолета. Забравшись внутрь и оглядев нашу воздушную колымагу, мы единодушно пришли к мнению, что сие транспортное средство было сконструировано в минуту душевной невзгоды Белоснежкой для семерых гномов. Мы вдавились в миниатюрные кресла, поставленные столь тесно, что колени наши оказались крепко прижаты к спинкам впереди стоящих кресел. Не очень-то удобно, скажем прямо. Самолет был рассчитан на шестнадцать пассажиров, и то при условии, что они набьются, как сардинки в жестянку.

Перед полетом нам вручили роскошно отпечатанную листовку с заволаживающим заглавием «Feretra Rahatra Doza» — «Для вашей безопасности». На ней был изображен план самолета с указанием всех запасных выходов; но боюсь, что, коль скоро мы сидели в тесноте и в большой обиде, никто из нас попросту не смог бы воспользоваться ни одним из них. Затем следовала привлекательная картинка с разъяснением, как поступать в экстренных случаях, — оказывается, нужно наклониться вперед и поместить голову между колен. Трюк, который в этих условиях не смог бы проделать никто, будь он хоть самым гуттаперчевым мальчиком.

Хуже было следующее. В листовке указывалось, что под каждым креслом имеется спасательный жилет. Я не поленился и внимательно поискал под всеми креслами, в том числе и под своим собственным. Ни под одним из них спасательного жилета не было. В ходе дальнейшего исследования я нашел-таки жилет за спинкой кресла; он был упакован в пакет из такого полиэтилена, разорвать который можно было бы только секирой. Что до стройной, веселой и романтической девушки с листовки, то она, надо думать, способна не только вытащить жилет из пакета, но и надеть его в рекордно короткое время и, словно элегантная ласточка, нырнуть в Индийский океан, когда самолет столкнется с водной поверхностью.

Я тщательно изучил весь сценарий и пришел к огорчительному выводу, что в нем явно недостает здравого смысла. В экстренном случае мы должны поместить голову между колен. Насколько вам это удастся, зависит от размеров вашего черепа. В случае аварии найти пассажиров с выдающимися умственными способностями будет совсем легко — они будут жутко вопить от боли, тогда как те, кто ближе к неандертальцам, будут лишь ворчать от неудобства.

Но вот вам удалось занять позицию по инструкции. Представьте теперь, что пилот сообщает вам, что самолет падает не на сушу, а в море. Тогда непременно начнется паника. Вам нужно будет вывернуться из положения, которое занимает плод в утробе матери, и надеть жилет. Менее наблюдательные пассажиры, конечно, полезут под кресла и, не найдя ничего, завоюют от безнадежности в ожидании Страшного суда. Но предположим, они таки найдут жилеты и, передавая друг другу швейцарский кинжал, вскроют пакеты. Очевидно, что в такой тесноте надеть жилеты сразу всем не удастся. Как же быть? Женщины и дети — первыми!

Но, пока мы все наденем жилеты, самолет успеет погрузиться этак футов на пять под воду, полную акул. Не думаю, чтобы в этом случае лучшим средством спасения стала листовка Feretra Rahatra Doza. Я закрыл глаза, и когда ненадежный, как бабочка, аэроплан оторвался от земли, я старался не думать

об изъянах его механики.

Глава десятая. ЗВЕРЬ С МАГИЧЕСКИМ ПАЛЬЦЕМ СОВЕРШАЕТ ПЕРЕЛЕТ

Тем не менее мы вернулись в Тану без приключений и, желая вознаградить себя за долгую и вынужденную сардино-тушеночную диету, заказали в отеле «Кольбер» великолепный ужин — начали с устриц, по две дюжины на каждого, а закончили сливочной меренгой с отличным местным сыром. Насытившись, как питоны, погулявшие в крольчатнике, мы отправились к себе в номер, а Ли села на телефон и факс: нужно было связаться со множеством людей, чтобы согласовать действия. Когда вы смотрите в зоопарке на животное, хоть минуту подумайте о человеке, который его туда доставил. То, что бремя коммуникаций пало на Ли, объясняется ее блестящим знанием французского; я как-то попытался поговорить с моими французскими друзьями на их родном языке, но они сказали, что мой французский похож на мычание испанской коровы, — что может быть оскорбительнее для англичанина, уверенного, что его владение французским не оставляет желать лучшего?

Позвольте перечислить, сколько всего предстояло сделать. Прежде всего нужно было послать факс нашему директору зоопарка Джереми Моллинсону, в котором надлежало поярче расписать наш успех, а также сообщить во всех мельчайших деталях о том, что любит и чего не любит каждый ай-ай и вдобавок что необходимо для всей нашей коллекции — от кроющих лемурув до прыгающих крыс — и чего следует опасаться. Во-вторых, мы готовились сделать десять тысяч телефонных звонков в попытках нанять небольшой грузовой самолет: разумеется, мы не собирались разоряться на что-нибудь вроде «конкорда», даже если бы этот последний и смог приземлиться на площадку чуть больше детского носового платка.

Как ни странно, найти самолет не составило никакого труда. И в нашу жизнь вторглась математика. Во-первых, нужно было сторговаться о сумме в мальгашских франках, не выпуская из головы, сколько у нас осталось английских фунтов. Кроме того, нужно было пересчитать в метрических единицах размеры и вес клеток, которые у нас были тщательно записаны в дюймах и фунтах. С тех пор как в восьмилетнем возрасте при прибавлении пяти к четырем я умудрился получить фантастическую сумму двадцать восемь, я считаю себя непризнанным математическим гением. Но Ли, отвергнув мои претензии на звание несостоявшегося Эйнштейна, отправила меня прогуляться по рынку зума, сказав, что с ее женской смекалкой будет куда проще разделаться с этими проблемами.

Теперь нас беспокоил график полета. Вылет пришелся на пик сезона сбора личи (фруктов, которые я обожаю, но с того момента возненавидел), когда все самолеты были задействованы в перевозке этих плодов, и выкроить окно для перевозки Кью с его драгоценным грузом оказалось трудновато. А ведь так важно, чтобы рейс самолета совпал с международным! В придачу к этой трудности добавилась еще одна: найти водителя, потому как даже такой мастер на все руки, как Джон, не смог бы переправить в Тану сразу две «тойоты» по таким чудовищным дорогам. И снова на нашем пути встали проклятые личи — все лучшие водители были заняты перевозкой этих редкостных и деликатесных плодов. В конце концов нам таки удалось нанять водителя, у которого на-

шло на нас время.

Теперь в затылок дышала еще одна проблема. Надо было известить Джона и Кью, что нам удалось нанять самолет, и сообщить точное время его прилета в Мананару, чтобы к тому моменту они подготовили ай-ай (до сих пор проживавших в просторных клетках) к перелету в Тану и пересадили их в специальные клетки. Задача эта потребует времени, так что чем скорее Кью и Джон узнают, тем лучше. Имелось три способа передать им эту новость: по почте, по радио в офисе Ролана или же с кем-нибудь, кто полетит в Мананару. Поскольку телефонная связь на Мадагаскаре устроена еще приснопамятным Мао Цзедуном, она действовала так же надежно, как и замки в мадагаскарских отелях. Таким образом, мы решили не рисковать и послали сообщение по всем каналам сразу.

Этим вечером я попытался вдохнуть жизнь в свою измотанную супругу, которая сидела на телефоне с восьми утра. Я заказал еще один роскошный пир с устрицами. В одной из них она наткнулась на что-то: думала, жемчужина, а когда раскрыла, оказалась измятая долька чеснока. Когда я обратил внимание официанта на сей весьма странный симбиоз, он кивнул, одарил меня ослепительной улыбкой, будто поздравлял с находкой, сказал: «Да, месье», наполнил мой стакан и ушел. Очевидно, его житейская философия не позволяла ему понять, чем это я мог быть недоволен.

Среди всей вышеописанной суеты меня настиг неожиданный удар: я получил известие о смерти старшего брата. Он всегда был моим наставником, и именно он вдохновил меня на писания. В тот момент мне нечем было утешить его вдову, многочисленных бывших жен и единственную дочь, кроме разве что сообщением приблизительной даты прилета на Джерси. Впрочем, скорбные новости были слегка смягчены известием о том, что Микки, которому был поставлен диагноз церебральной малярии, после критического периода в Тане был в конце концов отправлен на Джерси и находится на пути к выздоровлению.

А положение его действительно было критическим. Когда телегруппа доставила Микки в Тану, он метался в бреду. Ему сделали переливание крови и поставили капельницу, которую он постоянно сбрасывал, а мадагаскарские нянечки решили, что Микки слишком для них силен, и потому ухаживать за ним взялись Тим и Капитан Боб — они держали его за руки и за ноги, когда он становился особенно буйным и угрожал сбросить с себя целительный инструмент, без которого бы не выжил. И как радостно было узнать, что нашему милому и доброму другу становится лучше! Кроме всего прочего, это дало мне повод откупорить бутылку шампанского — выпить за упокой моего брата (этот жест он наверняка оценил бы!) и за выздоровление Майка.

События развивались во все ускоряющемся темпе. Самолет найден, водитель тоже, и теперь Ли пришлось вступить в борьбу с бюрократией, чтобы выцарапать из соответствующего министерства все необходимые разрешения на вывоз. Джентльмен, ведающий выдачей таких разрешений, похоже, постоянно отсутствовал. Когда же мы наконец ворвались в его логово, то первое, что заметили, — толстенный слой пыли на телефоне. Может быть, ему надоело, что его рвут на части, и он просто перестал брать трубку, а может быть, и сам телефон стоял здесь только для того, чтобы произвести впечатление на посетителя. В Аргентине и Парагвае я сталкивался с тем, что к чиновнику нет

смысла обращаться, пока на стол к нему не ляжет солидная бумага, скрепленная по меньшей мере двумя десятками весомых печатей. Она ему совершенно не нужна, но, пока ты за ней бегаешь, он придумывает новые способы обструкции.

Но вот разрешения получены, теперь нужно получить самую важную подпись

— Конвенции о торговле угрожаемыми видами (CITES). Эта Конвенция, хотя и не лишена многочисленных лазеек, — важный шаг на пути пресечения нелегальной торговли и перевозки редких видов диких животных, растений и продуктов из них. Оборот торговли дикими видами составляет миллиарды долларов в год. Под «дикими видами» понимается все — от орхидей до слонов. Значительная часть этой торговли нелегальна, потому что животные и растения, которыми ведется торговля, находятся на грани исчезновения. Тем любителям животных, которые плачутся о судьбе зверей в зоопарках и протестуют против разведения редких видов в условиях неволи, я советовал бы обратить внимание на реальное положение вещей. В 1980-1981 годах только через амстердамский аэропорт прошло свыше 33 000 пойманных в дикой природе попугаев. Большая часть из них погибла в пути или вскоре по прибытии, потому что из экономии их везли, как когда-то возили африканских рабов. Те, что выжили, продавались «любителям птиц» в различных частях света.

Япония и Гонконг сметают с лица земли последних слонов, перерабатывая их бивни (которые куда как элегантнее смотрятся на самом слоне) в резные финтифлюшки. Точно так же в великолепные шкуры леопарда, ягуара, снежного барса и других им подобных бездумные женщины запаковывают свои по большей части безобразные тела. Хотел бы я знать, с каким чувством они будут покупать шубки, если узнают, что пойманных животных убивают средневековым изуверским способом — протыканием раскаленным прутом сквозь задний проход, чтобы не портить шкуру.

В отчаянной попытке сохранить гибнущие виды — от кактусов до крокодилов

—113 стран подписали CITES. Правда, в настоящий момент подписание Конвенции

— скорее жест доброй воли, и страна, не подписавшая Конвенцию, ответственности за то не несет. Но даже это является позитивным началом. Значительным препятствием на пути эффективной работы Конвенции является то, что таможенники — не биологи и от них нельзя ждать умения отличить лягушку с желтыми пятнами по зеленому фону (торговля которой разрешена) от лягушки с желтыми пятнами по пурпурному фону (торговля которой под запретом). Но несмотря на то, что зоология и ботаника у таможенных чиновников здорово хромают, им все же удалось пресечь ряд крупных случаев контрабанды (например, попытку провоза 70 редкостных черепах, которые были потом помещены в террариум в ожидании, пока мы подберем им достойных хозяев). Есть надежда, что CITES, при всех ее недостатках, сможет положить начало контролю и последующему устранению жестокой и опустошительной торговли живыми созданиями.

Наконец бюрократическая писанина была закончена, и нам оставалось спокойно ждать прилета в Тану Кью с нашими ай-ай. В ожидании у взлетной полосы мы раздумывали, какие еще козни могла заготовить судьба: Джон и

Кью не получили наших сообщений и только сейчас, в данный момент, пытаются пересадить отчаянно сопротивляющихся ай-ай в клетки для перевозки; самолет вообще не вылетел, а если и вылетел, то прибудет пустой; а если он вылетел не пустой, а с нашими дорогими зверюшками на борту, то грохнулся ко всем чертям где-нибудь в центральном Мадагаскаре. Ну а если даже ни одно из этих зловещих пророчеств не сбудется, явится ли самолет вовремя, чтобы состыковаться с международным рейсом? Рано поутру мы были шокированы сообщением, что грузовой отсек на самолетах компании «Эйр-Мадагаскар» не загерметизирован, а температура за бортом снижается до четырех градусов по Цельсию. Мы в панике бросились на рынок и закупили кучу дешевеньких одеялец, чтобы было чем укутать клетки, а когда вернулись в аэропорт, узнали, что нас дезинформировали. Так мы стали владельцами крупного склада ненужных одеял.

Неудивительно, что нервы наши были на пределе, когда долгожданный самолет наконец сел и подрулил к нам. Вот показался Кью, как всегда с загадочной миной на лице, и мы уже были готовы услышать, что накануне ночью все ай-ай удрали на свободу. Вместо этого он сообщил потрясающую новость, что после нашего с Ли отъезда он поймал еще двух ай-ай — самца и самку. Таким образом, у нас в распоряжении оказалась не только полная квота животных, разрешенная правительством, но мы могли дать нашему благодетелю Ролану пару для Верити. Однако было не до дружеских похлопываний по спине и торжественных возлияний — нам предстояло пропустить животных через таможню.

Но нервотрепка на этом не кончилась, и нам пришлось пережить еще несколько тягостных моментов. Мы с ужасом обнаружили, что Кью потерял все свои деньги и дорожные чеки. Дело принимало серьезный оборот, потому что малагасийские власти тщательно берут на заметку, сколько ты привозишь наличности, и проверяют твою казну при отъезде из страны. Делается это с той целью, чтобы твердую валюту не меняли на малагасийские франки на черном рынке по более выгодному курсу. Но, слава Богу, наш старый друг Бенджамен Андриамахаджа был в Тане, и притом на своем рабочем месте. Один отчаянный звонок в министерство высшего образования — и он уже в аэропорту. По нашему мнению, Бенджамен — самый настоящий мадагаскарский мистер Фиксит (От *англ.* fix — устраивать, улаживать. (*Примеч. ред.*)). В какой-нибудь час личность Кью была установлена, и угрозы пожизненного заключения удалось избежать.

Конечно, неизмеримой ценностью обладала вся наша коллекция, но ай-ай возглавляли список, и мы сочли необходимым как можно быстрее переправить их на Джерси. Зоопарк Цимбазаза, где находилась остальная часть нашей коллекции, не располагал надлежащими условиями для ай-ай. Поэтому Кью выработал такой план: отвезти животных на Маврикий, покормить их там, а наутро отправить рейсом на Лондон, где их встретят Джереми и его коллеги, а сам Кью, сыграв на Маврикии роль кормилицы, вернется на Мадагаскар и поможет в отправке остальной части коллекции. Но для этого ему требовалась новая въездная виза. Осмотр его трепаного-перетрепаного паспорта показал, что в сем документе не осталось страницы, куда можно было бы поставить печать. Снова поднялась паника, а самоотверженный Бенджамен помчался на такси в британское посольство за вкладышем. Но в посольстве, ко-

торое до сего момента относилось к нам доброжелательно и помогало, чем могло, нас ожидал удар под дых. Они не могли выдавать вкладыши, только целые паспорта, а чистых в данный момент не было. Оставалось надеяться, что Кью сможет получить новый паспорт на Маврикии, а въездную визу — в тамошнем консульстве Мадагаскара.

В обыденной жизни такие вопросы решаются быстро, но если у тебя на руках ценный живой груз, который нужно переправить из одной части света в другую, каждый заскок в бюрократической системе сокращает твой земной путь на порядочный срок.

Этим вечером Кью сообщил нам по телефону, что первая стадия путешествия пройдена без сучка и без задоринки. Ай-ай удобно размещены и накормлены, и он сам лично примет участие в их погрузке на рейс до Лондона. На следующий день мы получили от Джереми факс, в котором он заверил нас, что зафрахтовал самолет из Лондона на Джерси, да еще купил самых деликатесных плодов в ожидании нашего груза. Потом позвонил Кью и сказал, что благополучно погрузил животных на рейс до Лондона и они выглядели весьма бодро. Теперь оставалось только молиться за то, чтобы все остальное закончилось благополучно.

На следующий день нам на помощь вновь пришел британский посол Деннис Эми. Дело было вот в чем: помогало нам столько наших друзей, столько друзей наших друзей, что поблагодарить каждого персонально просто не было возможности. Нужно было устроить отвальную пирушку.

— Прекрасная мысль, — сказал Деннис. — Соберем их у меня, получится отличный междусобойчик.

Междусобойчик и в самом деле получился роскошный. Присутствовали почти все, кто так или иначе принимал участие в нашем деле: милая мадам Бертэ из министерства Бенджамена, с которой мы были знакомы вот уже свыше десяти лет, ну и конечно же сам Бенджамен; месье Раймон и Жорж и мадам Селестина из Службы вод и лесов, которые выдали нам разрешение на экспедицию и были в числе первых, кто поддерживал ее: Бартоломью и его милая супруга Колетта; Мартин, Люсьенн и Оливье из Всемирного фонда природы; был и Мианта со своей непостижимой улыбкой. Вечеринка удалась на славу, но ложкой меда на этом имбирном прянике был факс от Джереми:

«Рады доложить, что все шесть ай-ай благополучно добрались до Джерси и должным образом размещены. Мина с детенышем все время полета от Лондона до Джерси ели бананы и сахарный тростник, Ален изучал окружающий мир из окошечка коробки, Джульетта свернулась, прижав к себе детеныша, таким же образом свернулся клубочком и Патрис. Первые два уже переселены из коробок в просторную „карантинную зону“, ранее предназначенную для летучих мышей, и вновь принялись за еду.

Большого эффекта и радости от успеха экспедиции Даррелла трудно было ожидать. ВСЕМ УЧАСТНИКАМ — НАШИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!»

Сердце кровью обливалось при мысли, что покидаю Мадагаскар — место, полное самых необычных форм жизни, остров, который мы полюбили всей душой и надеялись, что еще поможем ему в будущем. Ли и Кью пересаживали в корзины наших кротких лемуров; операция прошла без приключений (бегство животного в последнюю минуту перед отлетом мигом посеребрит вам шевелюру). Пока они занимались этим, мы с Джоном перевозили оборудова-

ние в аэропорт для отправки на Маврикий.

Поскольку день был промозглым и дождливым, я решил надеть рыбацью куртку, в которой проходил всю экспедицию; в ожидании объявления посадки на наш рейс я порылся в кармане и обнаружил два клочка бумаги. Один оказался квитанцией, которую нужно было заполнить для поселения в отельчике в Мурундаве. Этот бюрократический абсурд процветает повсюду в мире, и я подумал: хорошо бы соорудить такой гигантский крематорий (по проекту Кафки, что ли), в котором в назидание человечеству, никак не желающему расстаться со своей глупостью, воспламенялись бы и рассыпались в прах все эти никчемные бумажки.

Но эту я решил сохранить, потому что один из значившихся в ней вопросов заинтриговал меня. Анкета приезжающего выглядела так:

1. *Удостоверяю, что я мистер (мадам, мисс)* 2. *Паспорт, водительское удостоверение* 3. *(Ненужное зачеркнуть)*. Боюсь, что когда настанет час отправляться на покой, я так и не буду знать — попадаю ли я под графу «ненужное зачеркнуть» или нет.

На другом клочке бумаги было нарисовано что-то вроде потерпевшего аварию самолета с аварийным трапом, на котором сидела улыбающаяся леди и показывала, как надо выбираться в случае аварии. Судя по тому, с каким хладнокровием она это демонстрировала, можно было подумать, что для нее это обычное дело, потому как самолеты здесь бьются, точно тарелки. Под заголовком на французском был дан такой невероятный перевод: «Сядь дроздом и выкатывайся вперед ногами!»

Я специально сохранил эту бумажку, чтобы показать в Королевском обществе по охране птиц — что они об этом думают. «Эти две бумаженции будут хорошим сувениром», — подумал я, когда мы сели в самолет, летевший с Мадагаскара на Маврикий.

Мы с Ли решили задержаться на несколько дней на Маврикии, чтобы посмотреть, как обстоят дела с одним из наших природоохранных проектов, который успешно осуществлялся вот уже пятнадцать лет. Нас встретил наш долговязый маврикийский друг Карл Джонс — с копной темных волос, похожих на пучки разросшихся водорослей, искрометными глазами, широкой теплой улыбкой, как у милой куклы из кукольного театра, и голосом с диапазоном от густого баса до писка новорожденной летучей мыши.

— Так вы приехали посмотреть, как у нас все устроилось? — сказал он. — Бросьте к черту ваших дохлых лемуров! Посмотрите лучше на наших прекрасных птиц. Вот это я понимаю! Не то что какие-то жалкие лемуры... Уф! Видел я ваших ай-ай — право, жуткие создания! Да вы на них и глядеть не захотите после маврикийской пустельги. Не занимайтесь глупостями!

— Слушай, — твердо сказала Ли, — если ты еще раз оскорбишь наших ай-ай, я возьму у Джерри палку и отделаю тебя так, что всю жизнь будешь пиццать фальцетом, как летучая мышь.

Карл любит изображать из себя чудака. Это ему удается с блеском, но до некоторых из его предшественников зоологов ему в этом отношении еще расти и расти. Например, Буклэнд приготовил пирог из мяса носорога, издохшего в Лондонском зоопарке, и взял этот пирог с носорожатинной с собой на север Англии, где выступал с циклом лекций «для рабочих масс». Уотертон, подцепивший в Гвиане песчаных блох, тем не менее оставил их у себя под кожей,

чтобы выяснить, на каком этапе долгого, медленного пути назад в Англию снижение температуры их убьет. Карлу надо отдать должное: когда полезешь к нему в холодильник за пивом, никогда не знаешь, что оттуда вывалится: тушка дельфиненка или связка дохлых мангустов. И все-таки куда ему до Буклэнда, который при помощи блоков и веревок поднимал труп бенгальского тигра к себе в мезонин, чтобы снять с него шкуру.

Наша пятнадцатилетняя дружба с Маскаренскими островами началась, еще когда я выбрал остров Маврикий для отпуска. А с этим островом нас связывает вот еще что: своей эмблемой мы выбрали диковинную птицу додо, открытую на Маврикии в 1599 году и исчезнувшую в 1693 году, — она стала для нас символом того, что творит человек с дикой природой. Однако когда я высадился на Маврикии, то обнаружил, что там имелись и другие виды, готовые последовать за додо. Такая участь ожидала, например, маврикийскую пустельгу, оказавшуюся под угрозой из-за вырубki лесов, где она селилась, и распространения инсектицидов. В мире известно только четыре особи этой птицы. Число великолепных розовых голубей упало до 20. На острове Родригес, также относящемся к Государству Маврикий, — родина великолепных золотых крыланов, которых осталось только 120. На острове Круглом, в непосредственной близости от острова Маврикий, местные уникальные популяции растений и рептилий оказались под ударом из-за расплодившихся там кроликов и коз, завезенных в начале XIX столетия.

Становилось ясно, что маврикийская флора и фауна остро нуждаются в помощи. Международный совет по охране птиц предпринял попытку создания питомника для разведения в неволе пустельги и голубя, которая, по несчастью, кончилась неудачей. Что же касается крыланов с острова Родригес и редкостной фауны Круглого, то тут вообще никто ничего не предпринимал. Мои каникулы оказались наполненными работой.

С согласия и при поддержке правительства Маврикия мы отловили небольшую колонию крыланов и три группы рептилий с острова Круглый для перевозки на Джерси и разведения их там в неволе. Одновременно мы с маврикийским правительством энергично взялись за очистку Круглого от кроликов и коз и в конце концов добились успеха при помощи Новозеландского совета по охране природы, поднаторевшего в очистке островов от нежелательных видов, а также — хотите верить, хотите нет — Австралийского военного флота, предоставившего вертолет для высадки нашей команды с оборудованием на остров. Одновременно с этим мы достигли соглашения с Международным советом по охране птиц относительно проблемы голубя и пустельги, хотя казалось, что надежды на спасение этих видов не много.

В деле охраны природы главным лозунгом должно быть: никогда не говори, что вид при смерти. Мы отловили некоторое количество голубей; половину оставили на правительственной станции разведения на Блэк-Ривер на Маврикии, а остальных отправили на Джерси. С этими голубями пришлось выдержать жаркий бой, но в конце концов мы раскрыли тайну их питания и достигли желаемого успеха. Теперь в результате совместных усилий по разведению в неволе на Маврикии и на Джерси популяция голубей возросла с первоначальных 20 птиц, обнаруженных нами на воле, до 150 в неволе. Хотя наиболее крупные питомники по разведению находятся на Маврикии и на Джерси, мы основали для страховки небольшие колонии в зоопарках Англии и

Америки. Однако мы не считаем свою задачу выполненной, так как недостаточное количество первоначального генофонда может вызвать серьезные проблемы в будущем. Но по крайней мере мы можем сказать, что вывели достаточное для экспериментов количество птиц. Попытка спасти вид, число особей которого не превышает 20, — сложная задача, подобная ходьбе по канату.

Ситуация с пустельгами была еще серьезнее — там вообще осталось только четыре особи. Карл ждал своего шанса и, как только увидел, что одна пара отложила яйца, собрал их и отнес в авиарий на Блэк-Ривер. (Эта операция отнюдь не столь безответственна, как кажется на первый взгляд: можно быть почти уверенным, что птицы снесут еще.) В Блэк-Ривер содержались европейские пустельги, которым была уготована роль приемных родителей, как только из драгоценных яиц вылупятся птенцы (в случае необходимости Карл был готов кормить птенцов из рук). Это было только начало блестящей работы Карла с пустельгами, получившей всестороннюю поддержку Американского фонда по спасению соколов. Именно Карлу этот вид был обязан спасением от полного уничтожения. Используя старинную технику, применявшуюся охотниками с соколами. Карл вернул в дикую природу к 1990 году 112 особей — не подвиг ли?

Когда мы прибыли с Мадагаскара на Маврикий, наши питомники, где разводились розовые голуби, пустельги и родригесские крыланы, успешно функционировали как на Джерси, так и на самом Маврикии. Клетки террариумов на Джерси были переполнены гекконами и змеями с острова Круглый, а задача избавления его от коз и кроликов была успешно решена. Теперь мне самому предстояло воочию убедиться в успехе операции.

Карл повез нас в лес Макаби, который стал новым местом жительства выведенных в питомниках голубей. Некоторые были доставлены прямо из авиариев на Джерси. Маврикий — очаровательный остров с необычными, загадочными горами, похожими на декорацию для фильма, созданную Дали. Куда ни кинешь взор — всюду пышная тропическая растительность тысячи различных оттенков зеленого. Но присмотришься, и увидишь, что девяносто процентов растительности завезено из других частей света, тогда как аборигенные виды на пути к вымиранию. Непосвященный глаз туриста радуется этому блестящему изобилию флоры — цветам гибикуса размером с блюдце, красным, как заходящее солнце; розовым плащам бугенвиллеи, как бы накинутым наспех... Эти леса словно ждут Тарзана и Джейн, которые возьмутся за руки в окружении свиты преданных шимпанзе. К счастью, Маврикий еще не деградировал до последней степени.

Лес Макаби — один из последних оставшихся на Маврикии девственных лесов. Его выбрали местом выпуска голубей благодаря обширности пространства и обилию пищи. Мы подошли к небольшому палаточному лагерю, где жили служители, наблюдавшие за голубями. Каждую птицу можно идентифицировать по цветному кольцу на лапке, а некоторые снабжены еще и радиодатчиками, чтобы их легко было отыскать в густом лесу. Конечно же, за голубями усердно наблюдают, так что можно определить, кто из самцов кого выбирает себе в подруги, кто из них что ест и в каком уголке леса все это происходит.

Несмотря на житье в таких вот первобытных условиях и на то, что началь-

ником у них был фанатично преданный делу Карл, все члены команды чувствовали себя счастливыми и получали наслаждение от своей работы. Меня всегда поражало, что люди, стремящиеся изучить и познать мир вокруг нас, пока он не исчез в пропасти небытия, вынуждены работать за ничтожное жалованье или жалкие и скупые гранты, — а ведь их нелегкий труд будет поважней многих иных: только путем познания, как действует наша планета, мы можем увидеть, что делаем неверно, и получить шанс спасти ее, а заодно и самих себя.

Когда мы сидели кружком, болтая и слушая свежие новости о ходе реализации проекта, случилось нечто восхитительное. Неожиданно захлопали крылья, и в гущу дерева в двадцати футах над нами влетел розовый голубь. К нашему удивлению, это оказался один из тех, что мы вывели на Джерси, — его узнали по кольцу. Он уселся на дерево, гордясь собой, — полногрудый, величественный, с видом праздного счастливца, свойственным всем розовым голубям, он очень походил на образчик викторианской таксидермии, сделанный из его куда менее удачливого собрата. Разумеется, мы сообщили ему все новости о его родственниках, кои он стоически выслушал и тут же улетел подальше в лес.

Когда я поделился с Карлом своими подозрениями, что он нарочно подстроил эту сцену, он поклялся прахом знаменитого голубятника Ллойд-Джорджа, что я ошибаюсь. У меня было тепло на сердце, когда я любовался сидящей на дереве сказочной птицей — выращенной на чужбине и теперь возвращенной на свой родной остров. Вот что значат зоопарки — конечно, если это хорошие зоопарки.

На следующий день мы вылетели на правительственном вертолете на остров Круглый. Мы летели низко над изумрудно-зелеными полями сахарного тростника, каждое из которых обрамляли вулканические скалы, похожие на кучи, которые навалили гигантские слоны — если вообразить, что у слонов есть свой Гаргантюа. Миновав Маврикий и пролетая над искрящейся голубой водой, мы увидели лежащий впереди остров Круглый, похожий на верхнюю часть панциря застрявшей на мели черепахи. Только в 1986 году мы окончательно уверились, что на острове наконец-то решена проблема кроликов и что последние остатки этой напасти наконец-то оттуда вычищены. Теперь два редких вида пальм, которые росли в безопасности в Памплемусском ботаническом саду, могли быть спокойно возвращены на историческую родину, а редкостные виды растений можно было спокойно высевать и выращивать, не опасаясь набегов прожорливых кроликов и коз.

Мы приземлились, взметнув тучу пыли, на вертолетную площадку, точнее, на единственный клочок земли, куда мог сесть вертолет. Непосвященному глазу остров показался бы большим куском терракоты и серой глины, словно взбитых огромной взбивалкой для яиц и выплеснутых на поверхность моря, как на сковородку. Площадка напоминала рисунок Доре к Дантову «Аду» в миниатюре. Однако наметанный глаз заметит, что зеленые пятна располагаются по окраинам долин и на плоских участках; для нас они были столь же веселы, сколь плещущие знамена. Под веерами пальм росли небольшие отряды их отпрысков, выстреливая зелеными листьями, словно преторианская гвардия, готовая к маршу и колонизации мрачного и раскаленного континента из вулканического туфа. Эта новая поросль породила блестящую цепную реакцию —

ее облюбовали насекомые, а это значит, что будет больше корма для гекконов и ящериц, которые, став жирнее и многочисленнее, в свою очередь послужат доброй пищей для редких удавов. Дело, в котором мы преуспели, является как бы попыткой повернуть в обратном направлении колесо, раскрученное человеческой тупостью.

Остров, некогда густо заселенный пальмами и твердыми породами деревьев, такими, как эбеновое, едва не лишился лесов из-за нашествия двух самых падких на зеленую поросль видов животных, которые почти подчистую сожрали растительный покров, оставив облысевший остров на волю ветров и дождей. То, что еще оставалось от почвенного слоя поверх вулканического туфа, сдувалось и смывалось в море. Теперь, с нашей помощью, появился шанс вылечить остров: восстановить небольшую саванну, заросшую пальмами, а возможно, и насадить твердые породы деревьев, которые расселятся по поверхности его миниатюрных гор. Конечно, потребуются долгие годы, чтобы вернуть острову первоначальный вид, но все необходимые для этого компоненты имелись и были задействованы. Так что мы с полным правом можем сказать, что с помощью правительства Маврикия и многих других людей со всех концов света наш Джерсийский трест спас уникальный остров Круглый от верной гибели. Это то, чем мы вправе гордиться, и хотя через полсотни лет не останется никого из нас — тех, кто принимал участие в спасении, — я надеюсь, что бесчисленному множеству людей доведется насладиться плодами наших достижений.

Вечером накануне нашего отъезда Карл обещал показать выпущенную на волю пустельгу, выращенную в неволе. Мы поехали к одному из многочисленных участков, где он выпускал этих своих мини-соколов. Участок представлял собой обширное плоское пространство, частью занятое под сахарный тростник, частью покрытое стерней, оставшейся от кукурузы; оно было окаймлено живописной грядой заросших лесом холмов, тянувшихся вдоль горизонта словно зеленые волны. По пастельно-голубому небу то и дело пробегали розовые облачка.

— Начинаем, — сказал Карл и подал мне довольно жалкую дохлую мышь, которую извлек из кармана.

— Теперь стой и держи ее в вытянутой руке, а я позову их.

Я стоял, словно мрачная и дородная Статуя Свободы, и покорно держал мышь. Карл начал череду звуков «ко-о-о-э-э» в верхнем регистре. Так продолжалось довольно долго, и рука у меня зверски заныла.

— Вот они! — неожиданно закричал Карл.

В воздухе послышался легкий шорох, словно от крыльев ангела, мелькнуло коричневое тело, блестящий глаз, легкое прикосновение к кончикам моих пальцев — и пустельга улетела, унеся с собой мышь. Вовек не забуду, как руки коснулась птица, которой в дикой природе уцелело только четыре особи, а теперь, благодаря разведению в неволе, находившаяся на пути к возрождению. Разве забудешь, как птица, выхватив мышь из пальцев, унеслась в небо, точно стрела? Сияющие глаза и широкая улыбка Карла говорили о том, что он, так же как и я, был в восторге от проделанного колоссального труда.

На следующий день мы улетали в Лондон. Когда я зашел в огромный самолет, то все еще ощущал, будто ласку, прикосновение коготков птицы к моим пальцам.

Когда мы прибыли на Джерси, там стояла морозная погода, а мы были непредусмотрительно одеты в то, что носили в тропиках. Выйдя из самолета, наша компания помчалась в главное здание усадьбы и кое-как подняла температуру тел выше нуля, поглотив огромное количество солодового виски и закутавшись во все, что только можно. Но вот настал самый торжественный момент, которого все ждали с нетерпением. Мы хотели поглядеть на тех милых созданий, которых вывезли с Мадагаскара.

Мы полюбовались великолепными черепахами капидоло с блестящими панцирями и роскошными белыми усами, точно вышедшими из-под рук искусного цирюльника; затем настала очередь змей — гладких и теплых, как морские камешки; одна из них была столь откормленной, что можно было подумать, будто она позавтракала другим удавом. Мы с Кью вспомнили, как во время поисков места для лагеря (как давно это было, миллион лет назад!) одна из этих гибких красавиц пересекла облюбованную нами площадку — при полной свободе от предрассудков мы восприняли это как знак успеха. Между тем из-за высокой температуры, которая поддерживалась в террариуме, с нас уже давно катился градом пот, тем более что мы так и не сняли всего, во что закутались.

Следующий визит — к прыгающим крысам. Эти необыкновенные существа выглядели столь довольными, что проведая о том крысы, оставшиеся в Мурундаве, они на первой же сходке единодушно постановили бы переехать сюда. Еще бы: все условия для прыганья, квартира, стол — куда там Мурундаве! Да и мух здесь поменьше. Сидят себе, и никаких тебе хлопот, какие подчас доставляют вновь пойманные животные. Я начал подозревать, что они куда умнее, чем иные лемуры, — потому-то так и привлекают к себе внимание.

Затем мы отправились посмотреть на наших озерных жителей — кротких лемурув, ныне сидящих в просторной клетке карантинного отделения. Все они выглядели отлично. Шкура — барометр их благополучия — стала еще пушистее. Эдвард очень вырос и теперь сердито поглядывал на нас. В хорошей форме была и Араминта в своей пышной шкуре, смотревшая на других свысока, точь-в-точь как ее тезка.

Наконец мы пошли к тем легендарным существам, ради которых, в сущности, и затеяли эту экспедицию, — нашему маленькому племени Зверей с Магическим Пальцем. Когда я столкнулся с ними в первый раз, то испытал такой нервный шок, такого потрясения, какого не испытывал при встрече ни с каким другим животным. И это притом что повидал уже всех — от дельфина-косатки до колибри, от жирафа до утконоса. Теперь, когда после всех мытарств я увидел, что ай-ай (по всей видимости, осмысленно) осматривают свои клетки на Джерси и хорошо питаются, я испытал невероятное облегчение. Казалось, будто завершилось грандиозное предприятие.

Брайен Кэрролл, наш смотритель млекопитающих, открыл клетку, и к нему подбежал один из ай-ай. Брайен поднял его и протянул мне. Это был тот самый Маленький Принц, которого поймал Кью, — с огромными ушами, величественными и спокойными и в то же время любопытными глазами редкостного цвета, странными мягкими черными руками и «магическим пальцем», изогнутым как викторианская застежка. Я подумал о тех животных, которых мы видели на Маврикии, и о том, что сделали для них. Вот бы сделать то же самое и для тех диковинных видов, посланцы которых приехали с нами! Если

бы, с нашей помощью и с помощью других людей, удалось спасти тех, что остались на великолепном острове Мадагаскар, и вернуть к ним потомков Маленького Принца — это явилось бы хоть каким-то искуплением того, что сделал с природой человек.

...Маленьким Принц поглядел на меня сияющими глазами. Его уши вертелись туда-сюда. Он понюхал мою бороду и нежно причесал ее. Затем, полный бесконечной ласки, сунул мне в ухо свой «магический палец».

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. НО, КАК ВСЕМ НАМ ИЗВЕСТНО, У КОЛЬЦА НЕТ КОНЦА.

Примечания

1 Ай-ай были открыты в 1780 году путешественником Пьерром Соннера на западном берегу Мадагаскара. Сами мадагаскарцы, которым Соннера показывал пойманных зверьков, никогда не видели их раньше и громко кричали от удивления. Соннера избрал эти возгласы «ай-ай» в качестве названия для открытого им существа. (Примеч. пер.)

2 По-русски называется так же: руконожка мадагаскарская. (Примеч. пер.)

3 Вообще-то отельчиками называются здесь рестораны, но поскольку многие из них могут предложить утомленному путнику и ночлег (с той или иной степенью относительного комфорта), то я называю отельчиками и рестораны и гостиницы — к огорчению моей благоверной Ли, привыкшей к традиционным названиям. Я объясняю, что «отельчик» звучит приятнее, чем мебелирашки, нумера, постоялые дворы, или как там еще называют подобные ночлежки. (Примеч. автора.)

4 По принятой у нас классификации мадагаскарская фосса относится к семейству виверровых, однако некоторые систематики включают ее в семейство кошачьих. (Примеч. ред.)

5 Довиль-сюр-Мер — приморский климатический курорт во Франции. (Примеч. ред.)

6 Push-push (англ.) — толкай-толкай; pull-pull (англ.) — тяни-тяги. (Примеч. ред.)

7 Бытующий у некоторых народов обычай сопровождать погребальный обряд весельем и плясками связан с поверьем, что чем больше смеха, тем радостнее будет загробная жизнь усопшего. (Примеч. пер.)

8 Ирвинг Генри (наст. имя и фамилия Джон Генри Бродрибб) (1838-1905) — английский актер и режиссер.

9 Полное название: Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. (Примеч. ред.)